

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Г. А. Никитина

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА
БУСКЕЛЬ
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
(1861-1900 гг.)

ИЖЕВСК 1993

ББК 63.5(2)Удм
Н62

Ответственный редактор *Г. К. Шкляев*,
кандидат исторических наук

Рецензенты: *В. Е. Владыкин*, доктор исторических наук,
А. А. Тронин, доктор исторических наук

Никитина Г. А.

Н62 Сельская община—бускель—в пореформенный период
(1861—1900 гг.): Монография.—Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН,
1993.—160 с.
ISBN 5-7691-0369-8

В удмуртской этнографической науке впервые предпринята попытка монографического изучения феномена сельской общины—бускель, игравшей огромную этностабилизирующую роль на протяжении длительного исторического периода.

В работе дана широкая этнодемографическая характеристика удмуртской общины, определены ее социально-бытовые функции, показано действие уравнильно-передельного механизма, отражено значение удмуртского бускеля как системы, через которую человек включался в непосредственно окружающую его социальную среду.

Исследование основано на материале письменных источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, и предназначено для историков, этнографов, краеведов, широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой удмуртского народа.

Н 505000000-04
042(02)7-93 11-93

ББК 63.5(2) Удм

ISBN 5-7691-0369-8

© Никитина Галина Аркадьевна, 1993

ВВЕДЕНИЕ

Подобно мирским организациям земледельческого крестьянства России, удмуртская община — бускель — представляла собой сложный, противоречивый хозяйственный и общественный организм, отличавшийся многообразием функций и оказывавший сильное влияние на весь уклад крестьянской жизни — от хозяйственной деятельности до семейно-бытовых отношений, являлась исторически обусловленной исходной формой человеческого общежития, где происходило удовлетворение не только материальных, но и духовных потребностей общинников. Как социальный институт община на протяжении длительных исторических периодов обладала ярко выраженной функцией воспроизводства традиций, этнической культуры и играла большую роль в этностабилизирующих процессах.

Проблема удмуртской общины — бускель — представляется чрезвычайно сложной и многогранной. В качестве важнейшей задачи стоит изучение ее во всей специфической системной (генетической, структурной, функциональной) организованности на разных этапах существования, но такая работа, пожалуй, под силу только коллективу специалистов (историков, этнографов, лингвистов, социологов). Появление обобщающего труда по общине удмуртов потребует еще определенного времени. В данной же монографии автор ставит перед собой более узкую цель — воссоздать картину удмуртского бускеля в пореформенный период (1861—1900 гг.) с позиций его внутренней жизнедеятельности, показать его как организм, обладавший свойством самодостаточного функционирования.

Во второй половине XIX в. в жизни удмуртской деревни произошли существенные изменения: в условиях становления новых производственных отношений изменялся ее социально-экономический облик, хозяйственный и бытовой уклад. Роль общины в этом процессе проявлялась двояко. С одной стороны, община по мере развития капиталистических отношений приспособлялась к ним, трансформировала некоторые свои институты и функции, в рамках ее традиционных форм развивались явления с новым ис-

торическим содержанием, и постепенно она превращалась в органичное звено социально-экономической структуры капиталистического общества. С другой стороны, община старалась поддерживать установленный строй хозяйственных и социальных отношений в деревне, стремилась к консервации сложившихся семейно-бытовых порядков, сохранению этических, религиозных и других традиций. Изучение противоречивости развития и функционирования мирской организации крестьян в этой сложной обстановке видится важным и интересным.

Внимание к общине пореформенного периода продиктовано и тем, что в советской удмуртской историографии долгое время (30-е — начало 60-х гг.) существовали два разных мнения о месте и роли общины в системе удмуртского общества. Этнографы, обнаружив в общественном быту удмуртов архаические черты и институты, пришли к выводу, что здесь чуть ли не в чистом виде сохранился патриархально-родовой строй и рассматривали общину в качестве одного из пережиточных институтов родовой организации¹, историки же подчеркивали интенсивное развитие капиталистических отношений в Удмуртии в пореформенный период, отмечали наличие сильной национальной буржуазии и считали, что община представляла собой организацию, в которой произошел полный раскол на кулачество и бедноту².

Попытка преодолеть крайности была сделана в трудах историков последующего периода (60—80-е гг.), где дана приближенная к реальной картина социально-экономических отношений в пореформенной удмуртской деревне, но и в этих работах община рассматривалась лишь фрагментарно (главным образом для выявления и констатации процесса проникновения капитализма в удмуртскую деревню и разложения общины), к тому же в них не до конца были преодолены некоторые устаревшие взгляды на отдельные спорные вопросы, например, о сущности удмуртского кенеша — сельского схода общинников — в дооктябрьский и переходный от капитализма к социализму периоды³. Между тем именно в поре-

¹ См., например: **Мартынов М. Н.** Разложение родового строя на территории Верхнего Поволжья // Известия АН СССР. 1938. № 1—2.

² См., например: **Латышев Н. Н.** Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939.

³ См., например: **Вахрушев А. Н.** Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17; **Мартынова М. М.** Удмуртская община (бускель) в конце XIX—начале XX века // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972; **Она же.** Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX в. // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. Ижевск, 1981.

форменное время внутри кенеша начинают окончательно вырывать и формироваться социальные силы, развернувшие впоследствии острую борьбу за авторитет и влияние в нем. Научная разработка проблемы кенеша, его объективная оценка призваны способствовать раскрытию значения сельской общины и ее традиционных институтов в осуществлении мероприятий социально-экономического и культурно-бытового характера, в складывании механизма общественного мнения, влияния мира на личность и т. д.

Наконец, изучение сельской общины актуально и с позиций сегодняшнего дня. В современных условиях перехода коллективных хозяйств на новые формы хозяйствования и управления, повышения роли индивидуальных крестьянских хозяйств, появления фермерства вопросы, связанные с традициями общественного самоуправления в деревне, крестьянско-семейного производства, межсемейного кооперирования во многих видах аграрного труда, приобретают новое звучание: знание и использование исторического опыта представляется ценным как с научной, так и с практической точек зрения. Большой круг вопросов также связан с изучением общественного мнения в современной деревне и способов воздействия на его формирование. В этом аспекте особое значение приобретает анализ механизма формирования общественного мнения в малых социальных группах — в деревне, колхозе и т. п. Заметную роль в складывании общественного мнения в сельских условиях играют малые неформальные группы — авторитетные старики, соседи, молодежные компании. Задача состоит в изучении как исторического развития, так и современного механизма формирования общественного мнения малых социальных групп⁴.

Конкретно-исторический характер исследования определил круг поставленных вопросов. Прежде всего выясняются структурообразующие компоненты удмуртской общины (поселенный и этнический состав, семейно-родственные коллективы, система общественного самоуправления) и изменения, происшедшие в них в период развития капитализма. Общая этнодемографическая характеристика общины позволит выявить тенденцию развития общественных связей и отношений в пореформенном удмуртском обществе, вычленив некоторые «иерархические ступени», на уровне которых происходила организация (в том числе охрана и передача) стереотипов группового опыта.

⁴ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 80.

Значительное место в работе уделено исследованию уравнительно-перedelного механизма общины, так как единицами податного обложения в ней так или иначе являлись крестьянские хозяйства, условием существования которых был земельный надел. Поэтому, как бы ни были многообразны функции общинной организации, одной из самых существенных была земельно-хозяйственная. Изучение этой функции обусловлено и тем, что через несельская община осуществляла формирование, защиту, передачу из поколения в поколение эмпирических знаний и сельскохозяйственного опыта.

В то же время не может быть проигнорировано рассмотрение фискальных, податных обязанностей общины, так как в этой сфере особенно ярко проявлялась ее дуалистическая природа. С одной стороны, община как низшее звено административной системы вынуждена была подчиняться государственному законодательному и исполнительному аппарату, с другой, как важнейший общественный институт, в рамках которого протекала основная хозяйственная и практически любая другая деятельность крестьян, она стремилась сохранять свою самостоятельность в решении как бытовых и внутрихозяйственных вопросов, так и административно-фискальных дел преимущественно на основе норм обычного права.

В тесной связи с земельно-хозяйственной функцией общины находились некоторые виды коллективных работ (например, крестьянская взаимопомощь — веме), которые способствовали внутриобщинному обмену конкретными производственными приемами, играли заметную роль в формировании общественного мнения. Историческая практика показала, что функции общины, характеризующие ее как производственный коллектив, сохранялись наиболее длительно, ибо даже самое полное выделение parcels не исключает потребности в кооперации, выходящей за рамки отдельной семьи (большой или малой). В условиях же общинного быта эта кооперация необходимо дополняла индивидуальное производство.

Неотъемлемую часть общественной системы составляла крестьянская семья. Для крестьян, по словам Ф. Энгельса, семья являлась «важнейшим, решающим общественным отношением»⁵ Особое значение в связи с этим приобретает вопрос о роли соседского мира в судьбе земледельческой семьи. Изучение соотношения община — семья позволяет увидеть также влияние большей социальной общности на меньшую в процессе аккумуляции социального опыта.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 503.

Так как регулирование имущественных и бытовых отношений крестьян находилось в тесной связи с функционированием обычного права в общинной среде, действием крестьянского суда и охраной правопорядка, в работе нашла отражение роль общинной организации в регулировании правовых отношений между крестьянами. При этом не ставилась задача досконального изложения и анализа народных юридических обычаев, более важным представлялось показать общину как самобытную организацию, функционировавшую прежде всего в системе обычно-правовых норм, через которые осуществлялась трансмиссия общинных традиций.

Одной из интересных задач исследования является рассмотрение сельской общины в качестве носителя аграрных культов, так как в условиях старого общинного быта коренилось большинство земледельческих обрядов, обычаев и праздников. Реализация религиозно-этической деятельности общины находилась в тесной связи с функцией хранения, передачи и развития традиций.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1861 г. по 1900 г. Проведение реформы 1861 г. и распространение ее основных начал на государственных крестьян (в том числе и на большинство удмуртов) предопределили многие изменения в составе и структуре, функциях поземельных общин на весь пореформенный период.

Конечная хронологическая дата не знаменовалась какими-то конкретными событиями переломного характера, но именно концом XIX в. и завершается эпоха домонополистического, свободного промышленного капитализма, т. е. пореформенный период. Представляется обоснованным принять 1900 г. в качестве конечной хронологической даты исследования и потому, что если до 90-х гг. XIX столетия правительство пыталось укрепить общину и остановить разрушение патриархальных устоев деревни, то в начале XX в. представители царского правительства стали понимать несостоятельность проводившихся мер по внеэкономическому поддержанию общины, и государственная политика резко склонилась в сторону ее ликвидации. Это не могло не отразиться на общей этнодемографической картине мирских организаций, не вызвать изменений во внутриобщинных земельных порядках, в основных функциях общины. Таким образом подразумевается, что анализ общинной жизни в разных ее проявлениях должен проводиться в связи с государственным законодательством.

В основу работы, следуя уже установившейся в удмуртской историографии традиции, положены материалы, относящиеся к четырем уездам, сложившимся в конце XVIII в. в составе Вятской губернии,— Глазовскому, Сарапульскому, Малмыжскому и Ела-

бужскому, где была расселена основная масса удмуртского народа. Там, где позволяли источники, использовались также данные об общинных отношениях и порядках у удмуртов, проживавших за пределами Вятской губернии, например, в Мамадышском уезде Казанской губернии.

Круг использованных источников условно разделен на три группы: опубликованные материалы второй половины XIX в.; рукописные документы, хранящиеся в государственных архивах; полевые этнографические данные.

При анализе внутриобщинной жизни особую ценность представляют основные законодательные материалы Российского правительства⁶. Сельская община считалась низовой административной единицей, поэтому правительство, заинтересованное прежде всего в исправном поступлении налогов и податей от крестьян, вмешивалось в их жизнь. Чаще всего это вмешательство проявлялось в организации землевладения, в порядке отправления повинностей и в нормах права⁷.

В Положениях от 19/II 1861 г. был отражен взгляд правительства на общину как единицу самоуправления, входившую в общую административную систему страны, рассмотрены способы предполагаемой постепенной ликвидации крепостной зависимости крестьян от помещиков, намечены пути организации внутриобщинной жизни⁸.

Реформы 60—70-х гг. явились продолжением закона 1861 г. и в целом были направлены на сохранение общины и ограничение крестьян в имущественных и гражданских правах⁹.

В период 1880—1890-х гг. правительство в интересах фиска и бюрократическо-самодержавного порядка стало проводить активную политику прикрепления крестьян к земле, главным усло-

⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. Т. 36—55. 1861—1880; Собр. 3-е. Т. 1—37. 1861—1917. Далее в ссылках: ПСЗ. Собр.

Т. Свод законов Российской Империи. СПб., 1896; Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам. СПб., 1889. 1-е изд.; СПб., 1903. 5-е изд.; Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (с 1 января 1857 г по 1 января 1873 г.). 4-е изд. 13 тт.; Богомазов П. П. Законы о крестьянах и крестьянских учреждениях. М., 1905.

⁷ Шаров В. Д. Сельская община русских губерний в материалах Российского государственного законодательства (1861—1917 гг.)// Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 105.

⁸ ПСЗ. Собр. 2-е 1861 Т. 36. № 36662.

⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. 1863. Т. 38. № 39792; ПСЗ. Собр. 2-е. 1866. Т. 41. № 42899, 43888.

вием которого продолжало оставаться общинное землепользование. Серия наиболее существенных законоположений открывалась Законом от 18/III 1886 г., ограничивавшим возможность семейных разделов¹⁰, а также Правилами о переделах мирской земли от 8/VI 1893 г., существенно сузившими права сельских миров¹¹.

При исследовании поселенного состава сельских общин в качестве источника были использованы публикации Центрального статистического комитета, изданные в 1880—1886 гг. по результатам переписи поземельной собственности и населенных мест 1877—1878 гг.¹² В «Статистике поземельной собственности» содержатся поездные сведения о количестве земли в собственности и пользовании крестьянских общин (данные приведены по разрядам крестьян с указанием по каждому из них в отдельности числа общин, количества надельной земли, размера душевого надела и т. д.) по 12 областям Европейской России, в том числе Приуральской, в состав которой была включена Вятская губерния. В «Волостях и важнейших селениях Европейской России» указаны поездные списки важнейших селений Европейской России и поволостные данные о числе сельских обществ, крестьянских общин, селений и дворов, количестве земли, находившейся в пользовании общин, что особенно ценно для локальных исследований.

В целом оба сборника заключают в себе массу тщательно разработанных сведений, дающих основание для важных выводов о развитии пореформенной деревни не только по Европейской России в общем, но и отдельно по губерниям, уездам и волостям.

Интересные сведения по теме исследования (статистические данные, очерки о разных сторонах жизни «инородцев») можно почерпнуть из вятских губернских изданий. В 1836 г. был организован Вятский губернский статистический комитет, который с 1857 г. по 1879 г. издавал «Памятные книжки Вятской губернии», затем «Календарь Вятской губернии» (1880—1893 гг.), с 1894 г.— «Календарь и Памятную книжку Вятской губернии». В этих изданиях помещались публикации и об удмуртах.

Статьи, дающие отдельные штрихи для характеристики экономики и быта удмуртской деревни второй половины XIX в. встречаются также в «Вятских губернских ведомостях» (1838—

¹⁰ ПСЗ. Собр. 3-е. 1886. Т. 6.

ПСЗ. Собр. 3-е. 1893. Т. 13. № 9754.

¹² **Статистика** поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1884. Вып. 6; **Волости и важнейшие селения Европейской России**. СПб., 1885. Вып. 6.

1917-гг.) и в «Вятских епархиальных ведомостях» (1863—1917 гг.).

Учитывая недостаточный объем сведений, полученных из опубликованных источников пореформенного времени, беря во внимание, что фактический материал некоторых дореволюционных авторов зачастую несет на себе печать односторонности и тенденциозности, а основные выводы не всегда имеют объективный характер, автор в работе над монографией главный упор сделал на архивные материалы, хранящиеся в архивохранилищах Кировской области (ГАКО) и Удмуртской АССР (ЦГА УАССР). Был выявлен следующий круг документов: материалы, исходившие от крестьянских общин и отдельных общинников; документы учета населения; экономико-географические и этнографические описания; материалы текущего делопроизводства административных учреждений и выборных волостных органов; дела суда и следствия.

Среди документов, исходивших от крестьянских общин, в первую очередь следует назвать мирские приговоры — письменные решения общинных сходов. Приговоры выносились по самым различным вопросам, входившим в компетенцию общинного схода: увольнение и прием членов, переделы земли, выдел надела новым лицам, раздел общины, строительство общедеревенских заведений, исполнение натуральных повинностей, изгнание из общины, заведение ярмарок, проведение общинных молений, выбор должностных лиц, опека и т. д. Приговоры позволяют проследить процедуру семейных разделов, выяснить их причины, определить состав делящихся семей, их хозяйственно-имущественное положение. Таким образом, письменные решения сходов отражают основные функции общины и полномочия «мира», структуру общественного управления в нем, выявляют мирскую практику арбитража и помогают исследователю получить определенную картину жизни сельской общины.

Разнообразные сведения о взаимоотношениях общинников, роли общественного мнения и обычно-правовых норм, регулировавших внутриобщинную жизнь, о хозяйственной деятельности отдельных крестьянских дворов содержатся в частных прошениях крестьян, договорных письмах, соглашениях, следствиях о ссорах и происшествиях.

Материалы учета населения (в первую очередь посемейные списки) позволяют восстановить демографический облик крестьянского двора — изначальной хозяйственной единицы общины. Они важны для выяснения типологии семьи, людности крестьянского двора, позволяют судить о хозяйственных занятиях крестьян, помогают проследить зависимость между размерами семьи и обеспеченностью пашней, скотом, сенокосными угодьями. При использовании подобного рода источников исследователь

должен, конечно, помнить, что в них может существовать случайный (а иногда и намеренный) недоучет или переучет численности семей, данных о хозяйственной состоятельности, поэтому эти сведения необходимо проверять другими источниками. Имеет смысл, например, обратиться к экономико-географическим и этнографическим описаниям, в которых часто содержатся сводные статистические материалы о народонаселении. Этот тип источников ценен и тем, что включает сведения об общем экономическом и хозяйственном развитии отдельных населенных пунктов, сельских обществ, размерах крестьянских наделов, урожаях, обеспеченности рабочим скотом, торговле и т. д.

В этнографических описаниях встречаются данные об обеспеченности, хозяйственном положении нерусских народностей, их обычаях, быте, религии. Подобного рода материалы в большом количестве были обнаружены в фонде Вятской ученой архивной комиссии (ф. 170).

Трудно переоценить значение документов об общинном землевладении и землепользовании в Вятской губернии. Они представляют собой ответы членов Вятского губернского статистического комитета, учителей начальных училищ, волостных старшин на анкету РГО об особенностях общинного землевладения в губернии и содержат ценнейшие сведения о пользовании земельными угодьями, действии уравнильно-передельного механизма общины, об обычно-правовых нормах, регулировавших поземельные отношения, и т. д. (ф. 574 — Вятский губернский статистический комитет). Тот факт, что большинство ответов написаны людьми, жившими в крестьянской среде, позволяет говорить об их достаточной достоверности. В настоящем исследовании этот источник использован в комплексе с другими архивными документами и сведениями наблюдателей пореформенной удмуртской общины.

Ценная информация о крестьянской общине содержится в материалах текущего делопроизводства учреждений и крестьянских выборных органов: журналах, отчетах, прошениях, ведомостях. В них «рассыпаны» данные о политике властей по отношению к общине, размерах государственных повинностей и платежей, недомках, видах натуральных повинностей общинников, «попечительской» деятельности общин, выборе сельских должностных лиц, количестве удобной и неудобной земли в общинах, урожаях, ценах на сельскохозяйственную продукцию и т. д.

Судебно-следственные дела включают доносы, прошения, допросные речи, жалобы, решения судов (иногда к ним подшивались материалы переписки учреждений или должностных лиц по рассматриваемому делу) и содержат информацию о внутриобщинных

и межобщинных отношениях, морально-этических воззрениях удмуртских крестьян, соотношении обычно-правовых традиций и законодательных норм при решении тех или иных судебных дел.

Вместе с тем необходимо помнить, что судебно-следственные материалы — источник во многих отношениях тенденциозный, в них истина часто нарушалась, поэтому материалы суда и следствия возможно использовать лишь в сочетании с источниками другого рода.

Третью группу источников составили материалы этнографических экспедиций, хранящиеся в рукописном фонде Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, и полевые материалы, собранные автором в составе экспедиций Удмуртского республиканского краеведческого музея в 1979—1980, 1985—1986, 1989—1990 гг. как на территории Удмуртии, так и за ее пределами (Татария и Башкирия, Кировская область). До 1985 г. в Удмуртии не проводились экспедиции, целью которых был бы сбор материала об общинных отношениях и традициях удмуртского крестьянства, поэтому этнографические материалы, хранящиеся в научных архивах Удмуртского института и краеведческого музея, носят фрагментарный, эпизодический характер: они получены попутно с исследованием прежде всего традиционной материальной и духовной культуры удмуртов, изучением их хозяйственной деятельности, религиозных верований, приобретением предметов музейной ценности. С 1985 г. автором работы начат целенаправленный сбор полевого этнографического материала об общине — бускель, но надо сказать, что собрать представительный, достаточно репрезентативный материал по этой теме уже не удастся: пожилых людей, родившихся в конце прошлого века, в деревне остается все меньше, и их воспоминания об общинных традициях, порядках землепользования в основном ограничиваются послеоктябрьским (до массовой коллективизации) периодом.

В предлагаемом читателю труде отсутствует специальный историографический очерк. Литература по изучаемой проблеме, полемика вокруг нее включены в живую ткань изложения. По наиболее существенным вопросам излагаются основные точки зрения, сложившиеся к настоящему моменту, по возможности формулируется точка зрения автора.

Глава I. СТРУКТУРА ОБЩИНЫ

§ 1. Поселенная организация

Перед исследователем, стремящимся понять пореформенную эволюцию сельской поземельной общины во всей полноте, неизбежно встает вопрос о ее поселенной структуре, которая находилась в тесной связи с административно-управленческой и земельно-распределительной функциями мира, в известной степени определяла состав сельских сходов и полномочия местной администрации, порядки эксплуатации наделных угодий, другие стороны деятельности деревенского общества. Выяснение поселенной структуры общины в определенной мере позволяет также проследить, каким образом осуществлялась территориальная передача группового опыта.

Единицей территориальной организации общины был тот или иной населенный пункт. В Удмуртии во второй половине XIX в. основными типами населенных пунктов были деревни и починки. Располагались они, как правило, вблизи рек и ручьев, которые вводились в хозяйственный оборот, что имело немаловажное значение в земледельческом хозяйстве населения края¹.

По плотности населения наиболее людные поселения встречались в южных уездах — Елабужском и Сарапульском. По статистическим данным, зафиксированным в Календаре Вятской губернии на 1882 г., в Елабужском уезде в среднем на одно селение приходилось 64 двора и 380 жителей, в Сарапульском — соответственно 53,4 и 364, а в Глазовском — только 13 дворов и 109 жителей на селение. Людность поселений находилась в прямой связи с почвенно-климатическими условиями: южные районы с более плодородными землями и относительно мягким климатом притягивали к себе крестьянское население, и там появлялись крупные населенные пункты. Как отмечалось в Календаре, «жители северных уездов стараются иметь усадьбы как можно ближе от полей, чтобы было удобно удобрять пашни, от чего и селения, и поля, к ним принадлежащие, раздробляются, жители же южных уездов, не имея такой нужды, селятся наиболее скученно, не за-

¹ Сельские поселения Удмуртии в XIX—XX вв. Ижевск, 1981. С. 24.

ботясь о дальности расстояний полей от усадеб, и селения таким образом могут принимать крупнейшие размеры»². Людность и размеры поселений зависели также от степени залесенности осваиваемых площадей: в южных уездах, большей частью относящихся к степной и лесостепной зонам, окультуривание жизненного пространства было сопряжено меньшими усилиями и затратами, чем, скажем, в северных уездах с обширными лесными массивами.

В зависимости от формы территориальной (поселенной) организации и порядков землепользования общины подразделялись на простые, сложные и раздельные. К общинам простого вида относились те, в которых владение и пользование наделными угодьями осуществлялось крестьянами одного населенного пункта. В сложных общинах комплекс хозяйственных угодий находился в общем владении и пользовании нескольких поселений. Количество деревень в сложных общинах не было определено нормативно и колебалось в зависимости от форм расселения крестьян и конкретных природно-географических условий от 2—3 деревень до 10 и более с различной численностью³. Когда население одной деревни делилось на части, входившие в состав разных общин, вводилось понятие «раздельная община» (хотя в принципе раздельной получалась деревня, а не община). Возникновение раздельных общин было связано с проживанием в одном населенном пункте различных категорий крестьян, имевших разные размеры душевого надела.

Соотнесение числа селений и общин на территории Удмуртии показывает, что повсеместно количество селений превышало число поземельных единиц (табл. 1).

Таблица 1

Количество общин и селений на территории Удмуртии в 1877—1878 гг.*

Уезд	Общины	Селения
Глазовский	267	2757
Малмыжский	247	879
Сарапульский	453	833
Елабужский	265	466
Итого	1232	4935

* Таблица составлена по данным: Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1885. Вып. 6. С. 12, 14, 20, 22.

² Календарь Вятской губернии на 1882 год. Вятка, 1883. С. 132.

³ Кучумова Л. И. Сельская поземельная община Европейской России в 60—70-е годы XIX в. // Исторические записки. М., 1981. № 106. С. 325—326.

Таким образом, данные свидетельствуют, что для общинных организаций Удмуртии в пореформенный период был характерен многодеревенский состав, когда надельные угодья общин располагались на территории нескольких деревень.

Обратимся к данным по волостям Глазовского уезда, в которых удмурты проживали наиболее компактной массой (табл. 2).

Таблица 2

**Количество общин и селений в отдельных волостях
Глазовского уезда в 1877—1878 гг.***

Волость	Общины	Селения	Волость	Общины	Селения
Балезинская	5	31	Поломская	5	60
Гыинская	5	53	Понинская	9	88
Елганская	10	51	Сюрзинская	9	73
Игринская	5	48	Тольенская	5	50
Кестымская	13	69	Унинская	7	57
Кычановская	6	41	Юмская	12	78
Ключевская	7	32	Лековойская	23	55
Лыпская	4	59	Люкская	6	45

* Таблица составлена по данным: Волости и важнейшие селения... С. 10, 12.

Как видно из таблицы, ни в одной из показанных волостей число общин и селений не совпадало: в среднем на общину приходилось от 4—5 до 10—12 деревень.

Многодеревенский состав общин объяснялся тем, что население каждой отдельной общины с течением времени увеличивалось и культурная площадь вблизи деревни становилась тесной, не удовлетворяющей потребности всех общинников в земле. Дальнейшее расширение площади обрабатываемой земли приводило к дальнотемелью, создавало неудобства в обработке, удобрении полос, поэтому отдельные группы крестьян выезжали в выселки на окраины разработанных полей или основывали в стороне от «материнской» деревни «дочернее» селение — починок. Новые поселения числились при старой деревне, что и вело к образованию сложных многодеревенских общин. Так, в 1874 г. из починка Каменный Ключ Глазовского уезда 11 крестьян выехали «в концы полей» и основали новое селение — Валамазский выселок, жители которого землей пользовались сообща с каменноключевцами. Подати и повинности на оба селения налагались как на одно целое⁴. Или, к примеру, починок Аняшур Сарапульского уезда в документах Вятской казенной палаты всегда фиксировался вместе с деревней

⁴ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 3983, л. 1—1 об., 4—4 об.

Кыч. Выкупные платежи, государственный поземельный и лесной налоги селения платили вместе⁵. Г. Е. Верещагин об общине Ляльшур Сарапульского уезда писал: «С умножением населения в деревне, когда площадь полей расширилась и около деревни образовались пашни на целые версты, навоз приходилось возить далеко, на переходы уходило много времени. Тогда община предложила желающим выселиться на окраину своего поля, на что согласились 14 домохозяев и составили отдельный починок Красный Ключ»⁶. Г. Е. Верещагин не уточняет, стал ли починок отдельной поземельной общиной или входил в состав общины Ляльшур, но, по-видимому, первоначально эти селения составляли сложную общину: по данным Вятской казенной палаты на 1887 г., хозяйственными угодьями они пользовались совместно⁷. Затем, вероятно, произошло упрощение общины, так как в 1896 г. починок Красный Ключ и деревня Ляльшур Г. Е. Верещагиным характеризуются уже как отдельные поземельные общины.

Возникновению многодеревенских сложных общин среди удмуртского народа в какой-то мере могли сопутствовать и сами общинные традиции: над крестьянами довлело представление, что деревни состоят в основном из родственников и что родственные выселки не могут быть отделены от «материнского» поселения, что все члены общины имеют равные права на пользование общинными угодьями.

Не следует сбрасывать со счетов Генеральное межевание 1804—1835 гг., особенностью проведения которого в «иноверческих землях» было то, что эти земли раз и навсегда определялись крупными волостными и межволостными дачами без последующего более дробного (по отдельным общинам) внутреннего размежевания. Генеральные землемеры, не затрудняя себя обмежеванием земельных владений каждой деревни, чаще всего применяли валовой принцип землеустройства, учитывая лишь самый общий характер мирского тяготения мелких селений к волостному центру и друг к другу, что, естественно, не могло не привести к укрупнению поземельных общин⁸. Особенности Генерального межевания объясняются и такие факты, когда несколько

⁵ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 4282, л. 4 об.

⁶ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 88.

⁷ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 4188, л. 1760.

⁸ См., например: ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 337, л. 317 об.—322; д. 333, л. 23 об.—24; Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 152—156.

самостоятельных общин, владея полным комплексом хозяйственных угодий, имели еще в совместном пользовании общую дачу: лес, сенокос, пашню или пастбище. Так, деревни Новая Салья и Верх Малая Салья Елабужского уезда, помимо своих хозяйственных угодий, имели в общем пользовании пахотный и сенокосный участки и лесной надел, поземельные общины починка Верх Кабан и села Дебессы Сарапульского уезда совместно пользовались участками пахотной, сенокосной земли и леса. Деревни Ожмос Пурга, Малая Ожмос Пурга и Афонин того же уезда, владея отдельными пахотными и сенокосными землями, имели таковые же и в общем пользовании, леса при этом не было ни у одного селения⁹.

Жители новых селений поддерживали самые непосредственные контакты с «материнской» деревней. Еще до «выхода» на новое место жительства вопрос о переселении всесторонне обсуждался на сельском сходе (подготовка переезда, его сроки, количество переселяющихся семей, размеры выделяемых им сельхозугодий и т. д.). Если возникала необходимость, на разведывание нового местожительства отправляли представителей общины. После переселения новопоселенцы сохраняли связи с родственниками и бывшими соседями, в процессе освоения новых участков и адаптации к новому месту жительства они опирались на индивидуальный и семейный опыт, приобретенный еще на прежнем месте, то есть переселившиеся семьи не спешили расставаться с привычными стандартами жизни, с укоренившимся стилем поведения, со сложившимися установками в сфере интереса к тем или иным жизненным вопросам. Таким образом, происходила территориальная передача традиций, сохранение стереотипов группового опыта на новом месте. Первоначально в этом процессе резко возрастала роль семьи, но по мере консолидации переселившихся семей первенствующая роль в сохранении и передаче традиций снова переходила к общине. Во многом это объяснялось тем, что новая социальная общность — выселок или починок — часто продолжала оставаться составной частью большей социальной общности — общины-деревни, в которой функционировали традиционные обычаи, общественное мнение, действовали меры принуждения и прямые решения сельского схода, распространявшиеся на «дочернее» селение.

Территориальной организации и передаче группового опыта в сложной общине способствовали, в частности, порядки пользования земельными угодьями. Для правильного распределения общинных наделов между селениями, входившими в одну соседскую общину, крестьяне устраивали периодические переделы. Участ-

⁹ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 4188, л. 172, 1791, 1762.

ки земли, разделенные по качеству почвы, распределяли сначала между деревнями, каждая из которых затем делила их между своими общинниками. В результате такого передела наделы селений часто располагались чересполосно (хотя основной земельный массив находился вблизи селения), что вынуждало крестьян соседних деревень придерживаться единого севооборота. Таким образом, складывалась определенная традиция регулирования землепользования в каждом конкретном природохозяйственном районе.

Иногда сложная община не производила общего передела всей земли, а просто селения, имевшие «лишнюю» землю, то есть больше, чем следовало по числу душ мужского пола, передавали ее другим селениям, у которых земли не хватало¹⁰. В результате деревни вступали друг с другом в сложные отношения, но принцип деревенского «владения» оставался незыблемым. Его границы поддерживались на основе обычая, а также давности владения, подтверждаемой государственными документами, как бы давно они ни были составлены. Передача земли от одной деревни другой носила временный, условно-правовой характер, и каждая деревня сохраняла «право» на «свою» землю: в случае необходимости могла вернуть отданную часть и, кроме того, сама определяла тяглоспособность каждого двора и свою общую потребность в земле¹¹. Таким образом, регулирование землепользования в многодеревенской общине реализовывалось преимущественно на обычно-правовой основе и, следовательно, было связано с охраной и передачей традиций. При этом, конечно, не следует забывать, что в районах новых поселений могли оказаться какие-то специфические особенности (ландшафт, микроклимат, характер почв и т. д.), что привело бы к определенным микролокальным особенностям в сельскохозяйственном производстве¹².

Структура и состав поземельных общин не являлись статичными и развивались в сторону упрощения или усложнения. В целом по Удмуртии во второй половине XIX в. сохранялся многодеревенский состав общинных организаций. Это в значительной степени объяснялось тем, что реформа 1866 г. в общих чертах оставила пореформенное земельное наделение государственных крестьян и

¹⁰ Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 95.

¹¹ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России (XVIII—начало XIX в.). М., 1984. С. 116, 120.

¹² Так, жители д. Ляльшур Сарапульского уезда, выделившись из состава д. Пупья-Гучни около 1740 г., поселились на месте, изобилующем родниками и речками, быстро ввели их в хозяйственный оборот и построили 3 общественных мельницы, что, конечно, нашло отражение в экономике деревни.

состав выделяемых им угодий¹³. Разложение сложных общин сдерживалось и традициями уравнительных переделов: не все селения могли прийти к общему согласию о размежевании земель, опасаясь получить угодья худшего качества. Зажиточная верхушка деревни также была заинтересована в сохранении запутанных форм землепользования, в условиях которых она получала определенные выгоды. Наконец, разложению многодеревенских общин препятствовали судебные порядки, которые были так сложны, что требовали от крестьян огромных расходов, чтобы провести междеревенский раздел земель¹⁴.

Тем не менее в пореформенный период намечается тенденция к структурному упрощению общин. Начавшееся классовое расслоение внутри общин, острое малоземелье, и, как следствие этого, — споры и тяжбы между деревнями, желание облегчить кабалу круговой поруки не могли не повлиять на настроения крестьян, не вызвать стремления отмежеваться в отдельные самостоятельные единицы. Это стремление — верный признак приспособления сельских мирских организаций к изменявшимся социально-экономическим условиям пореформенного времени, оно диктовалось желанием крестьян улучшить культуру земледелия, устранить междеревенские судебные тяжбы и споры, разрешить проблему нехватки земель, ограничить тенденцию к концентрации общинных угодий в руках имущих слоев, получить больший простор для осуществления хозяйственной и гражданской деятельности и т. д.

Структурное упрощение сложных общин можно проследить на примере распада сельских обществ, о чем речь пойдет ниже. Что же касается отдельных общин, их наличие на территории Удмуртии по архивным документам не удалось проследить, по-видимому, случаи проживания крестьян различных категорий в одном населенном пункте, которое в силу этого делилось бы на отдельные общины, не наблюдались или были так редки, что не нашли достаточного отражения в источниках. Это предположение подтверждается и нижеприведенными данными (табл. 3).

¹³ ПСЗ-2. Т. 41. № 43888.

¹⁴ Димитриев В. Д. К вопросу о сложных общинах в Чувашии//Вопросы экономики и истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1963. Вып. 23. С. 220—221.

Таблица 3

Количество общин в Удмуртии по категориям крестьян *

Уезд	Категория крестьян				
	б. гос.	б. удел.	б. владел.	башкир. и тепт.	б. гос. без зем- ельно- го над. ¹⁵
Глазовский	260	—	4	—	3
Малмыжский	234	4	9	—	—
Сарапульский	286	148	8	11	—
Елабужский	201	24	27	11	1
Итого	981	176	48	22	4

* Таблица составлена по данным: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1884. Вып. 6. С. 8—9. Далее в ссылках: СПС. С.

Как видно из таблицы, крестьяне разных категорий расселялись отдельными общинами. Подобная же картина вырисовывается и при группировке общин по формам землепользования (табл. 4).

Таблица 4

Количество общин с подворно-наследственным и общинно-передельным землепользованием *

Уезд	Формы землепользования	
	Общинно-передел	Подворно-наследственная
Глазовский	232	32
Малмыжский	246	1
Елабужский	252	1
Сарапульский	437	5
Итого	1167	39

* Таблица составлена по данным: СПС. С. 25, 26, 30, 31.

¹⁵ Под термином «безземельные крестьяне» в сборнике «Волости и важнейшие селения Европейской России» подразумеваются крестьяне, не наделенные землей по уставной грамоте, но приписанные после реформы к сельским обществам. Часть таких крестьян пользовалась купчей землей, а основная масса безземельных крестьян была действительно безземельной.

Мы рассмотрели практическую, ненормативную структуру общин. Обратимся к законодательству 60-х гг. XIX в. об общине. В Положениях от 19/II 1861 г. отождествлены два понятия: поземельной общины и сельского общества — низового звена в общегосударственной системе административного управления крестьянством¹⁶. Законодательство 60-х гг. наделяло сельское общество, а не поземельную общину правом пользования отведенными угодьями. Предполагалось слияние поземельных и административных единиц с правом выбора одного сельского старосты. При этом одна из преследуемых целей заключалась в том, чтобы мелкие (особенно однодеревенские) поземельные общины не ускользали от административного давления при взимании недоимок. Однако сельское общество как административная единица не подменило поземельной общины, которая продолжала действовать и развиваться. Связь между общинами общества практически оставалась формальной, внешней, административной¹⁷. Общины в составе сельского общества друг от друга ни в чем не зависели, сохраняли изолированность землепользования и хозяйственного развития, если, конечно, сельское общество и община (особенно сложная) территориально не совпадали. В таком случае формальная административная единица становилась и поземельной единицей. Для большинства сельских обществ Удмуртии как раз характерно совпадение их с поземельными общинами. Так, в Глазовском уезде 267 общин входили в состав 266 сельских обществ (только в Песковской волости 5 общин объединялись в 4 общества), в Елабужском уезде 265 общин включались в 254 общества: из 21 волости несовпадение количества общин и обществ наблюдалось только в трех — Граховской, Салаушской, Токмашкинской¹⁸.

Во второй половине XIX столетия прослеживалось интенсивное дробление сельских обществ, о чем свидетельствует анализ крестьянских приговоров. Среди документов Вятской казенной палаты находится большое количество ходатайств сельских сходов с просьбой разрешить им провести раздел общества. Например, крестьяне Такагуртского сельского общества Сарапульского уезда в 1888 г. в своем приговоре писали, что селения общества раскиданы между собою более чем на 10 верст, одни из них ближе к Тыловайскому волостному правлению, другие — к Большепургинскому, что среди угодий общества лежат селения, относящиеся к другой волости, и т. д. Крестьяне ходатайствовали о разделе

¹⁶ ПСЗ-2. Т. 36. № 36660.

¹⁷ Кучумова Л. И. Указ. соч. С. 333.

¹⁸ Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1885. Вып. 6. С. 20, 12, 14, 18.

общества на две части с учетом вышеназванных обстоятельств¹⁹. Крестьяне Тыловайского сельского общества того же уезда свое желание выделить из состава общества жителей двух деревень объясняли многолюдностью и разбросанностью селений, а также тем, что «крестьяне новопоселенцы из деревень Кыч и Курегныр незнакомы с вотским наречием»²⁰. Пулыбское сельское общество Глазовского уезда в 1892 г. составило приговор о разделе общества на две части — «Пулыбское общество» в составе 12 селений и «Керское» из 14 селений, объясняя такую необходимость «разбросанностью селений почти на 45 верст и затруднительностью общения во время разлива реки Кеп»²¹. Крестьяне Большеучинского сельского общества Малмыжского уезда настаивали на разделе своего общества из-за «неудобств при сборе податей и отпращивании общественных мирских повинностей»²².

При разделе вновь образованные сельские общества делили между собой по числу ревизских душ наличный хлеб из хлебозапасных амбаров, сообразно документам волостного правления распределяли мирской капитал и денежные недоимки. При территориальном совпадении большинства сельских обществ с поземельными общинами разделы первых означали и дробление вторых, таким образом, в пореформенный период действительно начинается структурное упрощение сложных многодеревенских общин.

Высшей административной единицей местного крестьянского управления во второй половине XIX в. была волость. В ее состав входило несколько сельских обществ, обыкновенно принадлежавших общему церковному приходу. В центре волости время от времени созывался волостной сход, в котором участвовали старосты обществ и выборные от отдельных селений. Волостной сход выбирал волостного старшину, под руководством которого действовало волостное правление, состоявшее из сельских старост и сборщиков податей. Кроме того, в каждой волости должен был действовать волостной суд из крестьян, выбранных на волостном сходе. Волостной суд разбирал мелкие споры и тяжбы между крестьянами; а также выносил приговоры о наказании за проступки. Эти приговоры были окончательными и не подлежали обжалованию. Делопроизводство волостного правления и волостного суда лежало на обязанности наемного волостного писаря²³.

¹⁹ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 4282, л. 2 об., 4—4 об.

²⁰ Там же, д. 4286, л. 2—2 об.

²¹ Там же, д. 4422, л. 2 об.—3.

²² Там же, д. 4326, л. 2.

²³ ПСЗ-2. Т. 36. Отд. 1, № 36657.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что для общинных организаций крестьянства Удмуртии в 60—90-е гг. XIX в. был характерен сложный, многодеревенский состав. При этом большинство поземельных общин территориально совпадало с административно выделенными низовыми окладными единицами — сельскими обществами, включавшимися в состав волости. Намечавшаяся тенденция многодеревенских общин к структурной перестройке (к упрощению) свидетельствовала об их приспособляемости к экономическим изменениям в аграрных отношениях, начавшимся после отмены крепостного права.

§ 2. Этнический состав; характер взаимоотношений в этнически неоднородных общинах

Исследование этнического состава общины — бускель — и характера межэтнических отношений внутри нее важно для решения целого комплекса вопросов, связанных с внутриобщинными нормами общежития, хозяйственно-бытовыми, культурными, религиозно-этическими и другими традициями, с социализацией личности, формированием этнического самосознания. Обращение к этому вопросу оправданно и актуально и с точки зрения современности. Сегодня, когда обострились экспрессивные и охранительные функции национального самосознания, далеко не каждый способен удовлетворительно объяснить динамику национального самосознания, причины его смещения на почву предубеждений и национальной нетерпимости, безответственности в межнациональном общении. Понять же это, как правило, невозможно без выяснения тех факторов, под влиянием которых сложились те или иные этнические стереотипы как на уровне межличностного, так и межнационального общения. Осознанное отношение к историческому прошлому способно снять напряженность конфронтации по национальным признакам.

Массовые статистические материалы второй половины XIX в. по Вятской губернии не содержат конкретных данных о количестве однонациональных и национально-смешанных общин, но так как этнический состав поземельных организаций в конечном счете обуславливался особенностями расселения различных народностей края, есть смысл обратиться к данным о национальном составе интересующих нас уездов.

Расселение русских непосредственно на территории проживания удмуртов началось еще во второй половине XVII — начале XVIII в. Так, по данным ландратской переписи 1716 г., они составляли 14,8% населения шести существовавших тогда удмурт-

ских сотен *; уже в тот период появлялись деревни со смешанным удмуртско-русским, удмуртско-татарским населением. К концу XVIII в. более половины жителей четырех «удмуртских» уездов составляли русские крестьяне.

В XIX столетии, особенно во второй его половине, продолжалось массовое проникновение русских внутрь компактных зон расселения удмуртских крестьян, что объяснялось естественным процессом перераспределения населения между относительно много- и малоземельными районами. К концу XIX в. в Удмуртии не осталось ни одной чисто удмуртской волости. В Елабужском уезде селения с этнически неоднородным составом доходили до 66%, Сарапульском — до 59%, Малмыжском — до 53%, Глазовском — до 36%²⁴.

Если обратиться к более подробным поуездным данным, картина вырисовывается следующая (табл. 5).

Таблица 5

**Этнический состав населенных пунктов Удмуртии
во второй половине XIX в.***

Уезд	Количество населенных пунктов								Другие	Всего
	рус.	удм.	удм.-рус.	удм.-тат.	удм.-рус.-мар.	удм.-тат.-рус.	удм.-рус.-бесерм.	удм.-перм.		
Малмыжский	211	123	169	—	1	—	—	—	—	504
Елабужский	170	57	114	—	—	3	—	—	55	399
Глазовский	405	480	259	3	—	—	6	1	122	1276
Сарапульский	560	126	232	—	—	—	—	—	7	925
Всего	1346	786	774	3	1	3	6	1	184	3104

* Таблица составлена по данным: Материалы по статистике Вятской губернии: Малмыжский уезд. Вятка, 1885. Т. 1; Елабужский уезд. Вятка, 1890. Т. 6; Сарапульский уезд. Вятка, 1892. Т. 7; Глазовский уезд. Вятка, 1893. Т. 8. Далее в ссылках: МСВГ: уезд. Вятка, Т. Ч.

(Учтены только те населенные пункты, которые вошли в пределы современной Удмуртии).

* Южные удмурты в XVIII в. входили в состав Зюрейской и Арской дорог Казанского уезда, которые, в свою очередь, подразделялись на сотни и волости.

²⁴ Гришкина М. В. Историческое значение вхождения Удмуртии в состав Русского государства // 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. Ижевск, 1983. С. 42.

Как видим, наибольшее число этнически неоднородных селений составляли удмуртско-русские населенные пункты. В процентном выражении их количество доходило до 24,9%. А так как населенный пункт являлся территориальной единицей поземельной общины, вполне обоснованно можно предположить, что количество удмуртско-русских общин в Удмуртии в конце XIX в. было довольно значительно, и их численность должна увеличиться, если вспомнить, что на рассматриваемой территории типичными были многодеревенские сложные общины (и сельские общества тоже). Анализ статистических данных по Глазовскому и Сарапульскому уездам показал, что действительно количество удмуртско-русских сельских обществ в Глазовском уезде составляло 61,3%, в Сарапульском — 30,3% (табл. 6), тогда как число удмуртско-русских населенных пунктов соответственно — 20,2% и 25,1% (табл. 5).

Таблица 6

Этнический состав сельских обществ Глазовского и Сарапульского уездов *

Уезды	Количество сельских обществ								Другие	Всего
	рус.	удм.	удм.-рус.	удм.-рус.-бесерм.-тат.	удм.-рус.-бесерм.	удм.-тат.	удм.-рус.-тат.	удм.-рус.-перм.		
Глазовский	8	16	84	7	5	4	3	3	7	137
Сарапульский	221	26	109	—	—	—	—	—	4	360

* Таблица составлена по данным: МСВГ: Глазовский уезд. Т. 8. Ч. 2; Сарапульский уезд. Т. 7. Ч. 2. Учтены только те сельские общества, которые вошли в пределы современной Удмуртии.

Приведенные в таблицах 5 и 6 данные, а также материалы в «Списках населенных мест по сведениям 1859—1873 гг.», Календарях Вятской губернии показывают, что смешанных удмуртско-татарских, удмуртско-марийских, удмуртско-бесермянских и других населенных пунктов (а также сельских обществ) на территории Удмуртии насчитывались единицы. Взаимоотношения удмуртов с татарами, марийцами, бесермянами и другими строились, по-видимому, в основном на над- или межобщинном уровне, а так как нас в первую очередь интересуют внутриобщинные межэтнические отношения, мы ограничимся рассмотрением таковых между удмуртами и русскими, которые к концу XIX в. имели уже достаточный опыт совместного проживания в общинах. К примеру, о Сарапульском уезде земские статистики писали, что «в настоящее время (1892 г.—Г Н.) в уезде много смешанных общин с населением вотским и русским, причем русские почти всегда составляют пришлый, новый элемент, вотяки — коренной»²⁵.

²⁵ МСВГ: Сарапульский уезд. Вятка, 1892. Т. VII. С. 1, 13.

Судя по архивным данным и сведениям дореволюционных авторов, удмуртская община довольно болезненно реагировала на вторжение «чужаков» в свою среду, что в принципе было объяснимым явлением: известно, что при контакте с иноэтническим элементом складывается естественно-историческая оппозиция «абориген — пришелец». При соприкосновении с русским населением удмурты нередко покидали насиженные места и образовывали новые селения. Так, крестьяне деревни Старые Узи Малмыжского уезда, когда к ним стали подселяться русские, «все выехали и образовали деревню Бабашур. Также выселились вотяки из села Узей, когда там стали селиться русские, и образовали новое селение около Узей — починок Выселок. Из деревни Зянкеи с приходом русских вотяки также все выехали»²⁶. Из деревни Гыркешур «вотяки уехали за одну версту и образовали деревню Канишур Тукля. Иногда, наоборот, вотяки выживали из своих деревень русских: из деревни Узей Тукля русские уехали за 1 версту и основали две новые деревни — Возеншур и Пешъяншур. В некоторых же деревнях вотяки и русские по сие время живут вместе»²⁷. О том, что удмурты предпочитали покинуть насиженные места, чем жить с русскими, писали и многие дореволюционные авторы. «До самого последнего времени (90-е гг. XIX в.—Г. Н.) они избегали сблизиться с русскими. Если русские селились в деревне, они обыкновенно снимались всем поселком, оставляли русским свое место, а сами переходили на другое», — отметила В. Н. Харузина²⁸. «Если какая-нибудь вотская деревня превращается в село, куда прибывает русский элемент, вотяки начинают мало-помалу выселяться в глухие места», — читаем у Н. Спасского²⁹. По словам П. Матвеева, малмыжские крестьяне по этому поводу высказывались весьма едко: «Вотьяк бежит от русского, как мышь от кошки»³⁰. Иногда через несколько лет этнический состав прежде удмуртских селений полностью менялся, и память о прежнем населении сохранялась только в удмуртских наименованиях поселений.

Любопытные сведения приведены и земскими статистиками. Описывая, как менялось население удмуртских населенных пунк-

²⁶ ГАКО, ф. 1122, оп. 1, д. 3, л. 91—91 об.

²⁷ Ласточкин С. Е. Вотяки Туклинского рода // Труды НОИВК. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 72.

²⁸ Харузина В. Н. Вотяки. М., 1898. С. 47

²⁹ Спасский Н. Физико-географические условия Вятской губернии и состав ее населения // Календарь Вятской губернии на 1882 год. Вятка, 1881. С. 141.

³⁰ Матвеев П. Вотяки // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 109.

тов, они отметили: «Вотяки, впрочем, не вымирают, а только убегают при нашествии русских в леса, где заводят новые починки. У местного населения по этому поводу существует поговорка — вотьяк любит прятать, а русский — на готовом стряпать»³¹.

Близкое соприкосновение удмуртов с представителями социально более развитой этнической общности — русскими — вынуждало их переходить к позиции «оборонительной самоизоляции», чтобы избежать интенсивного внешнего воздействия, под влиянием которого разрушалась внутренняя структура удмуртского общества. Однако состояние полной «закрытости» не могло быть долговременным: «асимметричное взаимодействие обществ с различным уровнем формационного развития, а не взаимодействие с абсолютной тождественностью сторон преобладает в истории, являясь источником ее развития»³². Объективные процессы пореформенного социально-экономического развития приводили к разрушению этнической замкнутости удмуртских общинных организаций, превращая их в более открытую систему. К тому же налоговая политика правительства была такова, что вынуждала удмуртов принимать новых поселенцев на место выбывших тяглых дворов, чтобы облегчить раскладку и уплату налогов. Г. Е. Верещагин по этому поводу писал: «Многоземельные селения приглашали к себе других, чтобы легче было им платить подати за свои наделы. Жители же тех селений, из коих выселялись, чтобы избавиться от прибавочных податей, должны были приискать на место выселившихся других и иногда отдавали наделы выбывших русским. Между такими русскими в деревнях встречались и самовольно проживающие. Одни кортомили (арендовали.— Г. Н.) землю у бедняков, другие пользовались наделами умерших, за это уплачивали подати и отправляли натуральные повинности наравне с прочими. Крестьяне эти, проживая в деревнях по самовольному переселению, мало-помалу получали права членов общины. С 1871 г. по донесению волостных правлений Казенные палаты могли причислять самовольно проживающих в деревнях крестьян уже и без приемных приговоров сельских обществ»³³.

Данные, почерпнутые из архивных источников, многочисленные сведения дореволюционных авторов позволяют охарактеризовать внутриобщинные удмуртско-русские взаимоотношения во второй половине XIX в. как относительно равные, без ярко выраженного антагонизма. Однако тезис об исключительно мирных уд-

³¹ МСВГ: Малмыжский уезд. Вятка, 1885. Т. 1. С. 33.

³² Попков Ю. В. Процесс интернационализации у народностей севера: теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 1990. С. 133.

³³ Верещагин Г. Е. Указ, соч. С. 82.

муртско-русских отношениях, господствовавший до недавнего времени в историко-этнографической и особенно в общественно-политической литературе, является, на наш взгляд, преувеличением. Их динамика включала тенденцию как сближения, так и отчуждения. А то, что отчуждение, некоторые межэтнические трения не перерастали в открытое противоборство, объясняется, с одной стороны, терпеливым, покорным, нерешительным характером удмуртов (любопытно, что даже русские дореволюционные авторы мирное соседство удмуртов и русских ставят в заслугу первым, отсылая читателей к их дружелюбному, тихому нраву)³⁴, их робостью по отношению к русским из-за незнания языка, страхом перед чиновничье-бюрократическим аппаратом, представленным в основном русскими. Как писали Вятские губернские ведомости, удмурты боялись русских, «почитая их господствующим и сильным народом»³⁵. С другой стороны, русская крестьянская колонизация в своей основе имела мирный характер, русское крестьянство не посягало на свободу и личность удмуртского общинника. Необходимо помнить и о том, что, несмотря на обострение земельного вопроса во второй половине XIX в., территория Вятской губернии в целом, и Удмуртии в частности, представляла собой район, где земля, пригодных для освоения, даже в этот период было еще достаточно. Таким образом, самый насущный вопрос для крестьянина — земельный — здесь не стал источником открытых межэтнических конфликтов. По крайней мере данные, имеющиеся в распоряжении автора, позволяют говорить о том, что напряженность в отношениях между удмуртами и русскими возникала чаще всего на почве внутриобщинных хозяйственно-трудовых и религиозных традиций.

Оказавшись в удмуртских общинах, русские крестьяне сталкивались со многими явлениями, которые вызывали у них в лучшем случае недоумение или удивление, в худшем — активное неприятие. Так, одним из «камней преткновения» в удмуртско-русских общинах становился вопрос о сроках удобрения полей. В одной из наших статей уже отмечалось, что у русских крестьян преобладала летняя вывозка навоза, у удмуртов — осенняя, по первому снегу³⁶. Ряд источников изучаемого периода эту разницу объясняют религиозными причинами: «Вотяки считают, что летняя вывозка навозу неприятна богу. Он может разгневаться

³⁴ См., например: ГАКО, ф. 1122, оп. 1, д. 3, л. 75--75 об.

ВГВ. 1851. № 26.

³⁶ Никитина Г. А. Системы земледелия удмуртских крестьян в пореформенный период (60--90-е гг. XIX в.) // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 50--51.

и послать град и снег, так как у вотяков в гудах навоза всегда встречается лед, а вывезенный лед на поле привлекает зиму и холод»³⁷. Поскольку общинное сознание связывало благополучие общины с действиями и поступками каждого конкретного общинника, постольку оно требовало неукоснительного выполнения устоявшихся норм и заповедей всеми крестьянами, тем более в данном случае вопрос о сроках удобрения полей находился в тесной связи с религиозными воззрениями. Если удмурты преобладали в общине, русским приходилось приноравливаться к их порядкам, но нередки были случаи «выселения русских от вотяков в особые селения из-за нежелания подчиняться вотским обычаям»³⁸. Земскими статистиками зафиксирован любопытный случай, изложенный русским общинником из деревни Старое Ворчино Сарапульского уезда, который, оселившись среди удмуртов, получил предупреждение: «Смотри, Фофан, не таскай навоз летом». Через несколько лет крестьянин, «поскольку земля перестала родить, решил возить навоз летом и сделал помочь», несмотря на угрозы и даже попытки избить его и помочан со стороны удмуртов. Не добившись своего, «вотяки пошли жаловаться в волостное правление, там им разъяснили, что нет закона запрещать возить навоз в летнее время»³⁹.

Не удовлетворяла русских и традиция частых переделов общинных угодий. Будучи выходцами из общин, в которых социальное расслоение приняло более глубокий и острый характер, русские приносили в удмуртский бускель индивидуалистские устремления, тогда как в среде удмуртских крестьян продолжала сохраняться приверженность общинным традициям, и частнособственнические интересы у них проявлялись менее отчетливо. С точки зрения русских частые переделы угодий, «свалки-навалки» надельных полос препятствовали «хорошему хозяину назмить (удобрять.—Г Н.) свою землю как ему нужно из опасения уназымть полосу не для себя»⁴⁰. Удмурты же продолжали питать иллюзии относительно справедливых, по их мнению, переделов земельных угодий на основе уравнительного механизма. Разумеется, частнособственнические интересы среди зажиточных слоев удмуртской общины тоже имели место, недаром в архивных документах, в литературе второй половины XIX в. встречаются сведения о том, что в отдельных общинах во время переделов удобренные полосы оставались за прежними хозяевами, что имущие крестьяне закрепляли за собой плодородные земли под видом

³⁷ Никитина Г. А. Указ. соч. С. 50—51.

³⁸ ГАКО, ф. 170, оп. 1, д. 126, л. 41, 44.

³⁹ МСВГ: Сарапульский уезд. Т. 7. С. 75.

⁴⁰ ГАКО, ф. 170, оп. 1, д. 126, л. 41, 44.

«полос под коноплю» (пыш му), «полос под лён» (егин му) и т. д.⁴¹ К слову сказать, удобренными полосами дорожили не только зажиточные крестьяне, любой хозяин был заинтересован в них, так как «одна такая полоса может прокормить семью всю зиму, тогда как 5—10 худых полос не дают столько зерна, сколько одна плодородная»⁴². Тем не менее основная масса общинников не могла обойтись без переделов, так как они продолжали оставаться наиболее рациональным средством уравнивания земли и мерой борьбы против частнособственнических устремлений имущих.

В связи с большей parcelляцией индивидуальных хозяйств русских крестьян определенное сопротивление с их стороны встречала и жесткая регламентация сельскохозяйственных работ в удмуртской общине: без совместного обсуждения удмурты не начинали своих полевых работ, «а всегда это бывает при общем совете и по согласию в каждой деревне»⁴³. Эту особенность удмуртских общин подчеркивал и Г. Е. Верещагин: «У русских, как известно, время для начала полевых работ общиной не назначается, и потому каждый приступает к своим работам, не спрашивая согласия общины, когда найдет лучшим и нужным. В вотских же поземельных общинах начало каждого рода полевой работы, время пирушки по случаю окончания той или другой работы назначается общиной. Никто в отдельности не может начать полевой работы, не вправе работать во время жертвоприношений. Виновного на первом же сходе привлекут к ответственности, иногда и водочному штрафу»⁴⁴. В удмуртской общине в один день всем селением должны были выезжать сеять яровые, озимые, пахать и перепахивать пары, косить, жать и убирать хлеб: «в этом отношении община представляет как бы одну семью»⁴⁵. Нельзя сказать, что русская сельская община выпускала из поля зрения вопросы, касавшиеся сроков и приемов хозяйственных работ, выполнения совместных дел, соблюдения праздничного времяпровождения, такая регламентация в ней существовала⁴⁶, но, по-видимо-

⁴¹ Луковников Н. Столыпинская аграрная реформа в Удмуртии // Записки УдНИИ. Ижевск, 1954. Вып. 16. С. 91.

⁴² Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 93—94, 134.

⁴³ ГАКО, ф. 237, оп. 178, д. 56, л. 13.

⁴⁴ Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 137.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 117—129; Она же. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII—XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 12, 53.

му, в пореформенный период она уже не имела той степени жесткости, которая была еще характерна для удмуртского бускеля.

Решающая роль общественного мнения в защите хозяйственно-трудовых традиций, прямые решения, а иногда и принудительные меры сельского схода, направленные на их соблюдение, определялись в целом уровнем социально-экономического развития общины, эмпирическим характером знаний, высокой степенью зависимости сельскохозяйственного производства от природных условий, относительной примитивностью орудий труда, «когда самый процесс производства был невозможен без закрепления и передачи опыта традицией»⁴⁷. На традиционализм удмуртов, их приверженность «дедовским обычаям» обратили внимание многие авторы: «Очень осторожен вояк к новшествам и особенно если они идут от русских. Только опыт способен разбить эту боязнь к усовершенствованию»⁴⁸, «нигде и ни в чем незаметно желания к изменению экономического быта, к каким-либо нововведениям домашнего хозяйства и земледелия, и веками все ведется совершенно рутинно по примеру предков, которые были не глупее нас, так говорит сельский люд»⁴⁹. Об этом же свидетельствует народный афоризм «как жили старики, так и мы будем жить» (кызы персьёс уйллям, ми но озыы ик улом).

В то же время нельзя не отметить тот факт, что в повседневном быту в процессе общения с иноязычными соседями удмурты часто оказывались довольно восприимчивыми к некоторым (можно сказать, престижным с их точки зрения) элементам русской культуры. Как заметил П. Матвеев, «стоит появиться одному русскому двору в вотяцкой деревне — и она через десять, много через двадцать лет заметно принимает русскую физиономию: слышится русская речь, появляется русская одежда»⁵⁰. При всем своем осторожном, а нередко и недоверчивом отношении к русским удмурты в целом ставили своих соседей на гораздо более высокую ступень, чем себя. Один из дореволюционных авторов заметил: «За национальность свою они нимало не стоят, для вотяка нет выше похвалы, как сказать, что он походит на русского»⁵¹. К сожалению, этот стереотип среди некоторой части удмуртов живуч

⁴⁷ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 72.

⁴⁸ Религиозные верования народов СССР: Сборник этнографических материалов. М.; Л. 1931. С. 213.

⁴⁹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 52 об.

⁵⁰ Матвеев П. Указ. соч. С. 108.

⁵¹ ГАКО, ф. 1122, оп. 1, д. 3, л. 75—75 об.

до сих пор, как и несколько уничижительное отношение к себе.

Отмечая данное явление, по-видимому, надо помнить, что взаимодействие удмуртов и русских носило асимметричный характер, выразившийся в том, что одна сторона (русская) была более активна, нежели другая (удмуртская), к тому же следует учитывать и целенаправленно наступательную миссионерскую деятельность русской православной церкви.

Нельзя, конечно, считать, что удмуртское общество всегда положительно воспринимало все формы заимствований. Об отрицательном отношении к ним, к примеру, очень образно поется в одной из удмуртских песен⁵²:

Чильпам чалма, жуткам чалма	Тканая, вышитая чалма
Йырад секыт йӧтӱз-а?	Показалась тебе тяжелой?
Йырад секыт ой йӧтысал,	Не показалась бы она тяжелой,
Зуч кышно луэмед потӱз-а?	Но женой русского захотелось стать?

Этническая неоднородность общин пореформенного периода сказывалась и на общем характере сельского схода — собрания домохозяев. Присутствие на сходе русских поселенцев, имевших несколько иные представления о земельных и других порядках и отстаивавших их, вызывало разногласия, приводило к бурным спорам, накаляло обстановку схода. Г. Е. Верещагин писал, что «теперь на сходах большей частью руководят те, кто сумеет перекричать других. Такими являются на вотских сходах преимущественно русские новожилы, за что и получили прозвище «горланов». Русский в вотском селении, будь он беднее всех, старается взять перевес криком»⁵³. У него же в другом месте читаем: «Присутствуя при мирском сходе, где с вотяками смешались и русские, вы опять заметите резкое отличие между вотяком и русским. Русский кричит, как говорится, во все горло, готов заглушить другого своим криком, а вотяк молчит хладнокровно, как будто он не член общества и в суждении не должен принимать участия», «на сходе человек 10 русских легко перекричат 50 и более человек вотяков и перевес всегда остается на стороне русских»⁵⁴.

Необходимо отметить, что Г. Е. Верещагин многие явления отрицательного порядка, наметившиеся в жизни удмуртов в пореформенный период (рост количества семейных разделов, преступности, сквернословие), был склонен объяснять «дурным» влияни-

⁵² М. Петров. Удмурт калык кырзӱнӱс. Ижевск, 1936. С. 132.

Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 125—126.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб., 1886. С. 7, 8.

ем со стороны русских⁵⁵. Вряд ли здесь можно полностью согласиться с ним, так как в конечном счете характер отношений как в удмуртской, так и в русской деревне, ее обычаи, традиции менялись под влиянием развивающегося капитализма, углублявшихся товарно-денежных отношений.

В навыках хозяйствования у удмуртского и русского крестьянства существовали и другие различия, но не все они представляли собой источник каких-то этнических противоречий или недопониманий. Традиции, практический опыт оставались достоянием одного народа или перенимались другим, если оказывались более выгодными в данных условиях. Так, при освоении новых угодий русские прибегали к вырубке леса «зеленником» (валили, убирали лес и даже вспахивали участок в один год), а удмурты — «подчерчиванием» (подсекали кору и рубили уже сухой, затем в течение нескольких лет участок использовали в качестве сенокоса и только потом вспахивали). По-видимому, русские, будучи пришлыми, нуждались в более быстром освоении и включении в оборот новых сельхозугодий, тогда как удмурты расчищали «новины» исподволь, ежегодно добавляя к старопашотным участкам плодородные новоросности⁵⁶.

По данным земских статистиков, почти на всем пространстве четырех «удмуртских» уездов из технических культур русские предпочитали разводить лен, удмурты наряду со льном значительные площади отводили под коноплю. Например, в Малмыжском уезде льна на одну русскую женщину приходилось 3 пуда *, на удмуртку — 20 фунтов **, конопли же в уезде сеялось по 1,5—2 пуда на удмуртскую семью⁵⁷. Разница в площадях посевов других сельскохозяйственных культур не имела этнической окраски, а объяснялась природно-климатическими условиями. Правда, представляется очень любопытным материал, свидетельствующий о том, что в Елабужском уезде в Ильинской волости «вотяки подали в волостной суд жалобу на одного из русских крестьян, вздумавшего ввести на своем наделе посев гречи». Трудно объяснить, в чем тут дело, потому что наибольшее количество площадей под гречихой приходилось как раз на южные уезды: Сарапульский, Малмыжский и Елабужский, — хотя в целом ее разводили не

* 1 пуд = 16 кг

** 1 фунт = 400 г.

⁵⁵ **Верещагин Г. Е.** Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб., 1889. С. 9, 26, 31, 41.

⁵⁶ См. об этом: **Никитина Г. А.** Указ. соч. С. 45—46.

⁵⁷ **МСВГ:** Малмыжский уезд. Т. 1. С. 20, 13; См. также: **МСВГ:** Елабужский уезд. Вятка, 1890. Т. 6. С. 64.

очень много и не очень охотно, так как она «не представляет жизненного продукта необходимости, культура ее с коммерческими целями не выгодна, урожаи ее по условиям климата не всегда надежны»⁵⁸.

В весенне-летний период у русских и удмуртов наблюдалось несовпадение сроков в начале сельхозработ, вызванное в основном обычаем удмуртов проводить традиционные моления с жертвоприношениями, что влекло за собой «опоздание» на несколько дней. Русские, начиная жатву в более ранние сроки, убирали хлеба «впрозелень» и впоследствии сушили хлеб в ригах и верховых овинах, удмурты же больше ценили ведреную (высушенную на солнце) рожь и поэтому снопы вязали мельче и развешивали на кольях (ючис), на которых хлеб дозревал. В сырую погоду эти колья предохраняли хлеб от прорастания и способствовали более лучшему проветриванию хлебов. Риг и верховых овинов у удмуртов было очень мало, они обычно сушили хлеб в ямных овинах (как правило, общих на несколько крестьянских хозяйств), а еще чаще складывали хлеба прямо в кабаны.

Источники отмечают, что «в искусстве складки кабанов вотяки гораздо выше русских» и «складывают их очень изящно и настолько плотно, что они даже не нуждаются в покрытии соломой, хлеб сохраняется в них отлично в продолжение 5—10 лет»⁵⁹. Хлебные клады удмуртов попадали в поле зрения многих исследователей, а русские крестьяне оценивали их очень образно: «Вотские кабаны уже поседели от старости и сторбились». Значительное количество хлеба удмурты продавали прямо кабанами, вследствие чего редко выручали настоящую его стоимость. По словам В. Бехтерева, «кулак скупает вотские кабаны по самой низкой цене и потом с невероятной выгодой продает хлеб в форме готового зерна на рынках»⁶⁰.

Почти все дореволюционные авторы отмечали большую мобильность русского крестьянства, значительное количество которого занималось отхожими промыслами и, наоборот, привязанность удмуртов «к своему домашнему очагу, к своему полю и к своему лесу»⁶¹. В то же время не оставалось незамеченным по-настоящему страстное отношение удмуртов к занятию пчеловодством и охотой, которые представляли довольно существенную статью дохода в их домашнем бюджете. Русские перенимали у

⁵⁸ МСВГ: Елабужский уезд. Т. 6. С. 60.

⁵⁹ Там же. С. 56.

⁶⁰ Бехтерев В. М. Вотяки: Их история и современное состояние // Вестник Европы. СПб., 1880. Т. 8—9. С. 650.

⁶¹ Календарь Вятской губернии на 1880 г. С. 45.

своих соседей приемы охоты, учились той сноровке удмурта-охотника, которая восхищала всех, кто наблюдал за ним⁶².

Источники второй половины XIX в. довольно выпукло обрисовывают и отношение русских крестьян к удмуртам. В одном из документов читаем: «Русские относятся в общем к вотякам очень пренебрежительно, хотя не брезгают никогда обращаться к ним в нужде за помощью»⁶³. Г. Е. Верещагин в одной из своих работ описал характерную ситуацию: он был приглашен на земледельческий общинный праздник гирыны потон (выезд на пахоту) и случайно оказался рядом с русским крестьянином, который, наблюдая за хлопотами участников моления, крайне неодобрительно отзывался о них⁶⁴. О таком же насмешливом отношении к традиционным верованиям удмуртов, нежелании вникнуть в их смысл, об отсутствии какого-либо стремления понять обычаи, обряды своих соседей говорится и в другой его работе⁶⁵. Г. Е. Верещагин с болью отмечал, что «вотяки без возражений переносят от русских насмешки и презрительные прозвища «вотская мышь», «слепая мышь»⁶⁶. Но не всегда и не везде проявлялась эта молчаливая покорность и терпимость, особенно если дело касалось веры. К примеру, русский крестьянин из деревни Ураково Малмыжского уезда С. Зыкин в 1872 г. жаловался, что «однопольники его крещеные вотяки против желания его Зыкина вблизи его строения выстроили идолопоклоннический артельный шалаш, при недопущении же Зыкина все вотяки намеревались ему причинить побои, говорили, что им по ихнему закону приказал выстроить этот шалаш вотяк Сидоров Шапей, как грамотный человек и как знающий и понимающий ихнего языческого закона»⁶⁷.

В насмешливо-пренебрежительном, а порой и явно высокомерном отношении русских к удмуртам сказывалось действие объективно складывавшейся естественно-исторической оппозиции «мы—они», когда у большинства русских по отношению ко многому «удмуртскому» доминировало представление «это не наше, а то, что не наше,— нам не необходимо». Особенно это проявлялось в вопросах религиозно-этических, тем более что русские крестьяне были носителями официальной православной религии, большинст-

⁶² См., например: Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань. 1880. С. 12.

⁶³ ГАКО, ф. 1122, оп. 1, д. 3, л. 75—75 об.

⁶⁴ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 42.

⁶⁵ Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда... С. 129.

⁶⁶ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 8.

⁶⁷ ГАКО, ф. 811, оп. 1, д. 36, л. 4—4 об.

во же удмуртов, даже крещеных, продолжало поклоняться старым богам и духам. Безусловно, подобное отношение объясняется и общим восприятием русскими удмуртов как народа более слабого, стремящегося жить в гармонии с обществом (в первую очередь — с общиной), придерживающегося обычаев и традиций, идущих из прошлого, народа с довольно четко выраженными интровертными установками, мало стремящегося к внешним контактам, к каким-либо радикальным преобразованиям.

Высокомерно-пренебрежительное отношение даже со стороны рядовых однодеревенцев-русских побуждало удмуртов остерегаться «и тех русских, которые, проживши с ними не один десяток лет, усвоили вполне их обычаи и язык»⁶⁸, заставляло их оставаться в отношении к русским «скрытными, боязливыми и покорными»⁶⁹. В этом, пожалуй, и корень пословиц: весно — миленький вотяк, осенью — саврасая мышь (тулыс ке вуэ — миленькой вотяк, сйзыл ке вуэ — саврасый мышь)*, не женись на русской (кышно басьтд ке, зучез эн басьты), у русского лапти кривые (зучлэн кутэз кырыж), в беседе с русским рот-уши держи остро (зучен вераськыкуд ымыд-пельдыд сак медло) и др.⁷⁰

Появление «дурных» сторон характера удмуртов в отношении с русскими В. Кошурников объяснял довольно однозначно и, на наш взгляд, был не очень далек от истины. Он считал, что гордость, самолюбие, мстительность, скрытность, хитрость удмурта «суть не более, как последствия поселения его между сильными племенами, каковы русские и татары. Вотяк много терпел от них с своей первобытной простотой и наконец похоронил вещественные сбережения в земле (автор имеет в виду привычку удмуртов прятать деньги в земле.—Г Н.), а духовные богатства — искренность, чистосердечие и проч. под корой хитрости и лукавства»⁷¹.

Еще ранее на это обратил внимание С. Н. Курочкин: «Ничего не знаю, ничего не слыхал и не видел — вот любимый и безопас-

* Истоки этого народного афоризма в следующем: считая одним из существенных показателей хозяйственной состоятельности наличие хлебных запасов, удмурты всегда стремились иметь на «черный день» несколько кладок кабанов хлеба. В предпосевное время русские часто бывали вынуждены обращаться к удмуртам за помощью в хлебе или зерне; осенью, естественно, такая необходимость отпадала.

⁶⁸ Островский Д. Вотяки Казанской губернии. Казань, 1874. С. 36.

⁶⁹ Шестаков В. Глазовский уезд // Вестник РГО. СПб., 1859. № 7. С. 95.

⁷⁰ Герд К. Б. Пословицы и поговорки вотяков // Вотяки: Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. М., 1926. Кн. 1. С. 59.

⁷¹ Кошурников В. Указ. соч. С. 41.

ный ответ вотяка перед русским и пред начальством»⁷².

Таким образом, механизм формирования стереотипов группового сознания в этнически неоднородных общинах, межэтнические внутриобщинные отношения были не столь идиллически мирными и безболезненными. Процесс этот сложен, противоречив. Лишь с течением длительного времени, под влиянием общих хозяйственно-экономических и социально-бытовых явлений, складывавшихся в общинах с различным этническим составом, происходила переориентация, которая в принципе была тем глубже, чем длительнее жили представители различных этносов бок о бок. По-видимому, именно о таком процессе формирования стереотипов группового производственного опыта свидетельствует документ, в котором один из информаторов Вятского губернского статистического комитета из Елабужского уезда сообщает: «Русское и инородческое население касательно порядков на землю держится везде одного взгляда, одного порядка, несмотря на разность племен, веры и обычаев»⁷³. Об этом же и нижеследующие данные: «В вотских районах ныне везде встречаются русские, которые изгородную повинность отправляют сообща с вотяками: нанимают и выбирают огородных старост, судят судом Линча (самосуд.— Г Н.) нерадивых в отношении исправного содержания изгородей домохозяев»⁷⁴.

Возможности мирного сожития и общения во многом объяснялись близостью культуры и быта двух соседних народов. У русских и удмуртов было немало общего в сельскохозяйственных орудиях, способах уборки урожая, молотбы и веяния, в постройках для хранения зерна, в технике первичной обработки продукции. В конечном счете это был не только результат заимствований, но и принадлежности обоих народов к одному хозяйственно-культурному типу.

Тем не менее стремление к размежеванию по этническому признаку, по-видимому, существовало на всем протяжении изучаемого периода, о чем свидетельствует и приведенный в предыдущем параграфе документ о разделе Тыловайского сельского общества Сарапульского уезда на два самостоятельных общества — удмуртское и русское. Любопытны в этом отношении и сведения земских статистиков, по словам которых, русские общинники из деревни Квачкам Малмыжского уезда, не желая придерживаться двуполь-

⁷² Курочкин С. Н. Вотяки Малмыжского уезда Вятской губернии // ВГВ. 1851. № 26.

⁷³ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 52.

⁷⁴ Верещагин Г. Е. К этнографии вотяков Прикамского края // Известия Сарапульского земского музея. Сарапул. 1912. С. 28.

ного севооборота, «выделили свои земли в отдельное отрубное владение от вотяков и образовали из себя отдельную земельную общину — Русский Квачкам — с трехпольным севооборотом»⁷⁵. В источниках неоднократно встречаются сведения, что русские и удмурты, проживая в одном населенном пункте, некоторыми земельными угодьями пользуются отдельно. Например, удмурты села Можги Елабужского уезда сенокосы площадью 15 дес. «считают своей крепостной землей и русскому населению пользоваться ими не позволяют», «вотяки деревни Сарайкино крепостной землей в 75 десятин пользуются одни, без русских односельцев»⁷⁶ и т. д.

В целом же этнический состав пореформенных удмуртских общин характеризовался неоднородностью, замкнутость общины — бускель — разрушалась, в ней бок о бок селились выходцы из русского и других народов. Процесс взаимной адаптации этнических культур, традиций, обрядов, обычаев был не всегда болезненным и однозначно положительным. Активное воздействие русских крестьян на общинные традиции удмуртского бускеля оказывалось не всегда адекватным его внутренним условиям.

§ 3. Семейно-родственная структура

Сельская община, даже однодеревенская, являлась чрезвычайно сложным образованием. Она могла быть разложена на семьи и другие малые группы: более узкие соседские общности; родственные группы, выходящие за пределы семьи; межсемейные неродственные объединения на хозяйственной основе; возрастные, половозрастные и другие общности, и все они должны учитываться при изучении жизнедеятельности общины. В данном случае нас интересуют коллективы, основанные только на кровном родстве, составлявшие семейно-родственную структуру удмуртской общины, а поскольку в основе этой структуры «лежала» крестьянская семья, важное значение приобретает вопрос о типологии семей у удмуртов. Методологически этот вопрос существен для определения типа семьи, характерного для пореформенной удмуртской общины, а фактологически он связан почти со всеми сторонами жизни деревни. «Множество явлений деревенского быта и обычно-правовых норм, регулировавших внутриобщинное землепользование и внутрисемейные имущественные отношения, а также весь комплекс вопросов, связанных так или иначе с сельской производственной деятельностью, невозможно исчерпывающе объяснить

⁷⁵ МСВГ: Малмыжский уезд. Т. 1. С. 41.

⁷⁶ МСВГ: Елабужский уезд. Т. 6. С. 9, 64.

Без конкретного представления о типологии крестьянской семьи»⁷⁷.

В удмуртской историографии проблема эволюции семьи не нашла еще достаточно серьезного внимания, в литературе до недавнего времени широко бытовало мнение о длительном, вплоть до XX в., сохранении и господстве у удмуртов большой патриархальной семьи. Она рассматривалась как основная причина замедленного развития классовой дифференциации и капиталистических отношений среди удмуртских крестьян⁷⁸. В 1981 г. вышла в свет статья М. В. Гришкиной, в которой автор в результате тщательного анализа массовых демографических источников приходит к выводу, что в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. у удмуртов преобладала малая индивидуальная семья, а существовавшие неразделенные семьи отличались несложным составом и довольно интенсивно распадались. По словам М. В. Гришкиной, семьи, численность которых достигала бы гигантских размеров (до 30—50 человек, как писали этнографы в конце XIX — начале XX в.), не отмечены у удмуртов ни переписью 1678 г., ни переписью 1716 г. В первой четверти XVIII в. даже семьи, численность которых достигала 20 человек обоего пола, составляли всего 0,08—0,6%⁷⁹.

Типология семьи первой половины XIX в. была выяснена также М. В. Гришкиной. На основе статистической обработки материалов ревизских сказок (1762 г.), шестой (1811 г.) и десятой (1858 г.) ревизий автор пришел к выводу, что со второй половины XVIII в. отчетливо проявляется тенденция к постепенному снижению удельного веса малой семьи, а с 1811 г. по 1858 г. количество малых семей сокращается почти вдвое, количество же братских неразделенных семей увеличивается более чем в 3 раза. Отцовские неразделенные семьи остаются почти на прежнем уровне. Анализ численного состава семьи показал постепенное увеличение людности семьи, особенно у северных удмуртов⁸⁰.

Что касается второй половины XIX в., действительно почти все

⁷⁷ Александров В. А. Указ. соч. С. 42.

⁷⁸ См., например: *Очерки истории Удмуртской АССР*. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 166.

⁷⁹ Гришкина М. В. Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. (поколенная, половозрастная, численный состав) // *Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII — первой половине XIX в.* Ижевск, 1981. С. 97.

⁸⁰ Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII—первой половине XIX в. // *Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XX вв.* Устинов, 1985. С. 9—11.

исследователи этого периода отмечали у удмуртов наличие больших семей, число членов которых превышало 10—20 человек. Одним из первых этнографов, обративших внимание на многолюдность удмуртских семей, был Д. Островский: «...удмуртские семьи обыкновенно очень многочисленны, не редкость встретить семью, состоящую из 10 и более человек взрослых, не считая детей. У удмуртов не в обычае разделы; если в семье двое, трое и даже четверо женатых братьев, они большею частью живут вместе, составляя одну семью»⁸¹.

Весьма категорическое утверждение о том, что удмурты живут так называемыми большими семьями во главе с большаком — «кузё», содержится в работе П. М. Богаевского ⁸².

И. Н. Смирнов также писал, что «крупным отличием современной вотской семьи, хотя и не всеобщим, являются ее размеры. У вотяков нередки семьи из 25—30 человек, живущих в одном доме. Во главе стоит кузё — наибольший, хозяин» ⁸³.

Среди архивных документов также часто встречаются сведения о больших семьях удмуртов. Почти все отчеты миссионеров в Вятскую духовную консисторию, корреспонденции в Вятскую ученую архивную комиссию (ВУАК) содержат те или иные сведения о большой неразделенной семье удмуртов, об уживчивости членов семьи в быту и меньшем количестве семейных разделов по сравнению с русскими. Протоиерей Глазовского уезда И. Стефанов в 1875 г. сообщал: «Есть семейства, состоящие более, нежели из 25 человек. Однако раздоры редки в них. Не только отец с детьми, а и братья с племянниками и даже приемные братья легко уживаются между собой» ⁸⁴. В сообщении ВУАК «Об обычаях, привычках вотяков, их языческих религиозных воззрениях, говоре и пословицах» отмечалось, что «первое, чему можно позавидовать в семейной жизни вотяков — это согласие домашних. Вотяки и доныне живут большими семьями, человек иногда по 18—24, в каждой такой семье есть 4—5 человек, которые могли бы быть сами главами семейств, но тем не менее живут под главенством старика-отца, дяди или брата»⁸⁵.

Для выявления типологии семьи в удмуртской общине пореформенного периода нами были обработаны переписные бланки

⁸¹ Островский Д. Вотяки Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при имп. Казанском ун-те. Казань, 1894. Т. 4. № 1. С. 26.

⁸² Богаевский П. М. Очерк быта сарапульских вотяков. М., 1888. Вып. 3. С. 46.

⁸³ Смирнов И. Н. Вотяки. Казань, 1890. С. 151.

⁸⁴ ГАКО, ф. 237, оп. 178, д. 506, л. 12 об.

⁸⁵ Там же, ф. 170, оп. 1, д. 12, л. 45 об.

I Всероссийской переписи населения 1897 г.⁸⁶ Выборка производилась с соблюдением равномерного интервала: выписывалась каждая 5-я удмуртская семья. В результате были собраны данные по 1985 семьям Сарапульского уезда и 1025 Глазовского уезда. При обработке полученных данных мы исходили из того, что «малой семьей следует считать супружескую пару или не имевшую детей, или с малолетними и даже взрослыми, но не женившимися сыновьями. Родители с женатыми сыновьями (вне зависимости от их количества), а также совместно жившие женатые братья составляли более сложную семейную организацию, а именно — неразделенную семью двух видов — отцовскую и братскую»⁸⁷. Вдовцов (отец, мать) с одним женатым сыном (с детьми или без них) мы отнесли не к отцовской неразделенной семье, а малой, так как по формальному признаку в данной ситуации имеется только одна брачная пара, тем более в большинстве случаев в таких семьях, особенно если вдова — мать, домохозяином признавался сын. Из этих же соображений (число брачных пар; кто чаще признается домохозяином) семья типа «отец (мать) вдовый и несколько женатых сыновей с детьми или без них» отнесены к братской неразделенной семье. Семьи типа «домохозяин с женой, его сын семейный (или несколько сыновей), его брат, дядя или племянник семейный (или несколько братьев, дядей или племянников)» отнесены не к отцовской, а братской неразделенной семье по признаку возраста брачных пар или по наличию бокового родства в семье.

Результаты обработки полученного материала показали следующее (табл. 7, 8).

Таблица 7

Типы удмуртских семей в 80-е гг. XIX в.* (в %)

Уезд	Малая семья	Большая неразделенная семья	Неполная семья (без брачной пары)	Одинокие
Сарапульский	50,2	45,9	3,1	0,8
Глазовский	35,6	61,2	3,0	0,2

* Таблица составлена по данным: Переписные бланки I Всероссийской переписи населения 1897 г. // ЦГА УАССР, ф. 236, оп. 1, д. 590.

⁸⁶ ЦГА УАССР, ф. 236, оп. 1, д. 590.

⁸⁷ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. Л. 3. С. 88.

Численный состав удмуртских семей в 80-е гг. XIX в.* (в %)

Уезд	2—4 чел.	5—10 чел.	11—15 чел.	16 и более чел.
Глазовский	16,4	67,2	12,1	3,5
Сарapulьский	9,6	57,3	24,2	8,7

* Таблица составлена по данным: Переписные бланки I Всероссийской переписи населения 1897 г.

Данные таблиц свидетельствуют о том, что семьи удмуртских крестьян действительно были многолюдными и что большая неразделенная семья в удмуртском обществе занимала значительное место и наравне с малой успешно выступала в качестве основной хозяйственной единицы общины. В Сарapulьском уезде из общего количества больших неразделенных семей 28,6% были связаны прямым родством (родители — дети — внуки — правнуки), 17,3% строились по боковому родству, в Глазовском соответственно — 31,7% и 29,5%.

По данным посемейных списков 1885 г. по Сарapulьскому уезду, среди больших неразделенных семей встречались и «гигантские» по своей численности семьи, как, например, семья Спиридона Тимофеева из села Сосновки, состоявшая из 33 человек мужского и 38 — женского пола (всего 71 человек) и включавшая в свой состав 19 брачных пар. По родственной линии в семью входили женатые родные братья с детьми, приемный сын (семейный) одного из братьев, семьи двух дядей с детьми, внуками и правнуками⁸⁸.

Причины усиления позиций большой неразделенной семьи в пореформенный период разнообразны. И на первом месте среди них, по-видимому, стоит малоземелье, сокращение фонда свободных земель и возможностей для расширения крестьянского землепользования. После реформ 1861 и 1865 гг. правительство, наделяя землю государственных крестьян, считало минимальной земельной нормой 8 дес. на ревизскую душу в малоземельных губерниях и 15 дес. — в многоземельных (Вятская губерния была отнесена к числу многоземельных), но на самом деле крестьяне получили намного меньше надель. Так, в целом по Вятской губернии в 1877—1878 гг. средний душевой надел доходил до 6,91 дес. (на наличную душу — 5,73 дес.)⁸⁹

⁸⁸ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 2779, л. 46 об. — 50.

⁸⁹ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861—1880. М., 1978. С. 117.

Пагубность последствий семейных разделов осознавалась и самим крестьянским населением. В Памятной книжке Вятской губернии на 1870 г. отмечалось, что «у них (у удмуртов.—Г. Н.) хорошо понято, что разделы и оттого малосемейность, раздробление рабочих рук неблагоприятны для благосостояния. При большом числе в каждой семье работников они могут вести хозяйство в обширных размерах сравнительно с другими народностями»⁹⁰. На это же обращали внимание и Вятские губернские ведомости в 1892 г.: «Вот как прекрасно понимает, что дробление рабочей силы, раздел земельных наделов и инвентаря сильно ослабляют пружину хозяйственно-экономического механизма»⁹¹.

В первой половине XIX в. ослабление темпов дробления семьи было вызвано указом Сената от 30/III—1823 г., по которому семейные разделы позволялись лишь с разрешения губернатора и при условии «чтобы в каждом дворе было не менее четырех или, по крайней мере, трех работников, полагаая работника от 15 до 60 лет»⁹². Семейные разделы, осуществлявшиеся без соблюдения этих условий, не признавались за действительные. В пореформенный период условия семейных разделов еще более ужесточились. Если по Положениям 1861 г. совершеннолетние сыновья уходили от отца при согласии схода выраженным простым большинством голосов, то по новому Закону 1886 г. число голосов было повышено до 2/3⁹³.

Наконец, дальнейшее развитие товарно-денежных отношений выявляло со всей очевидностью преимущества многолюдных семей. Неразделенная семья имела возможность сочетать земледелие с промысловыми занятиями, выделять работников для отхода и производить больше земледельческой продукции на рынок. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что состав семей у зажиточного крестьянства везде оказывается выше, чем у несостоятельного, что дворы имущие отличались большим числом своих, семейных работников, чем неимущие⁹⁴. Зачастую в зажиточных хозяйствах с единоличной властью домохозяина, заинтересованного в

⁹⁰ **Памятная** книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1869. Отд. 5. С. 18.

⁹¹ **ВГВ.** 1892. № 73.

⁹² **Миненко Н. В.** Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 58, 59.

⁹³ **Шаров В. Д.** Сельская община русских губерний в материалах Российского государственного законодательства (1861—1917 гг.) // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 112.

⁹⁴ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 3. С. 127; Т. 17. С. 107.

сохранении большой семьи и низведении остальных ее членов до положения простых работников, рядовые члены семьи, несмотря на острые внутренние противоречия, мирились со своим положением, боясь потерять причитающуюся им долю семейного имущества.

Для выявления связи между людностью и зажиточностью семьи нами были проанализированы 79 крестьянских семей из деревни Елганской (Астрахань) Глазовского уезда с точки зрения их численности и обеспеченности лошадьми. Анализ показал, что в 1897 г. в деревне было 12 хозяйств безлошадных и 13 однолошадных, 25 — с двумя лошадьми и только 15 домохозяев имели от 4 до 8 лошадей. Средняя численность семьи в безлошадных и однолошадных хозяйствах составляла 6,2 человека, в многолошадных — 16,2 человека⁹⁵.

Возможно, обстоятельством, заставлявшим удмуртов спланиваться в большесемейные коллективы, явилась также политика насильственной христианизации и русификации. Если на ранних этапах христианизации удмуртам предоставлялись определенные льготы, то во второй половине XIX в. она проводилась уже довольно жесткими методами, как и политика русификации, осуществлявшаяся открыто, целенаправленно и находившая поддержку у местного чиновно-бюрократического аппарата. Этот напор на язык, обычаи, традиции, верования не мог не вызвать ответную реакцию — стремление к сохранению целостности, обеспечению надежной основы в лице как общины, так и большой семьи.

Сама община в сохранении больших неразделенных семей как более надежных тяглых и податных единиц была заинтересована самым непосредственным образом. Ее позиция по данному вопросу полностью совпадала с требованиями властей. Но поскольку семейные разделы все-таки имели место, усилия и общины, и властей были направлены на то, чтобы как-то их контролировать. В ответ на высочайше утвержденное 18/III 1886 г. мнение Государственного совета Глазовским уездным по крестьянским делам присутствием в 1887 г. был разработан дополнительный «Проект инструкции о порядке разрешения семейных разделов в тех обществах, в которых существует общинное пользование полевою землей»⁹⁶. В Проекте по пунктам были расписаны права и обязанности сельских обществ, старост, волостных старшин в деле разрешения семейных разделов, определены условия, соблюдение которых было необходимо при разделе семейства: обязательное согласие родителя или старшего члена семьи на раздел, наличие основательного повода к разделу, способность образуя-

⁹⁵ ЦГА УАССР, ф. 109, оп. 1, д. 66, л. 79 об.— 83.

Там же. Ф. 108, оп. 1, д. 50, л. 3—12.

шихся семейств к самостоятельному ведению хозяйства и исправному несению всех повинностей и казенных взысканий и т. д. В 1894 г. циркуляром Вятского губернатора «в видах хотя бы временного задержания крайне вредных и нежелательных в крестьянском быту семейных разделов» по всей губернии были установлены специальные сроки созыва сельских сходов для рассмотрения дел по семейным разделам. Для Малмыжского, Елабужского и Сарапульского уездов были определены март, ноябрь, для Глазовского — март, октябрь⁹⁷.

В таблице 7 обращает на себя внимание большой процент неразделенных семей в Глазовском уезде. Суровые климатические условия северной части Удмуртии, малоплодородные почвы, требовавшие значительных трудовых затрат для получения даже необходимого продукта, меньшая освоенность территории, когда надо было постоянно отвоевывать у леса новые площади под пашню (в начале XX в. в Глазовском уезде подсека и перелог составляли еще 11,8% от общей площади пашенных угодий)⁹⁸, по-видимому, способствовали тому, что кооперация родственников в форме большесемейной общины играла здесь более заметную роль⁹⁹.

На наш взгляд, одна из причин консервации неразделенных семей среди северных удмуртов крылась и в удаленности их мест проживания от крупных промышленных центров — Ижевского и Воткинского железоделательных заводов, в отсутствии активно функционирующих речных магистралей (кроме Чепцы), сказывалась, вероятно, и меньшая втянутость удмуртского населения (в 1900 г. в Глазовском уезде удмурты составляли 39,6% всего населения)¹⁰⁰ в товарно-денежные отношения. На оживление торговли, расширение экономических связей некоторое влияние оказала Пермь-Котласская железная дорога, но она была достроена только в 1898 г.

Большая неразделенная семья эпохи капитализма регенерировалась на основе малой индивидуальной семьи и в зависимости от обстоятельств могла снова распасться. В более редких случаях неразделенная семья могла появиться не на основе разрастания семейства одного отца, а в результате распада уже существовавшей большой семьи на самостоятельные части. К примеру, таким образом из большой неразделенной семьи братьев Максимовых из

⁹⁷ ЦГА УАССР, ф. 109, оп. 1, д. 37, л. 2.

⁹⁸ Никитина Г. А. Системы земледелия удмуртских крестьян... С. 49.

⁹⁹ Гришкина М. В. Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии... С. 95.

¹⁰⁰ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 г. Вятка, 1900. С. 32.

починка Верх Кестым Глазовского уезда в 1890 г. были образованы две новые «братские семьи» (в каждой по два брата)¹⁰¹. Но преобладающим был все же процесс возникновения большеесемейных коллективов на основе малых семей и затем их распад на те же малые. Именно так и не иначе прослеживается генетическая связь между малой семьей и большеесемейными коллективами в форме неразделенных семей. Большие семьи как отцовские, так и братские были вторичными образованиями, что свидетельствует об их подчиненности семье малой¹⁰².

Как видно из вышеприведенных цифр, малая индивидуальная семья успешно сосуществовала рядом с неразделенной. В принципе в пореформенный период условия для ее существования были вполне реальные, в первую очередь это материальная сторона агропроизводства, постоянное появление усовершенствованных орудий труда, наличие фонда распаханых, старопахотных угодий, позволяющих вести хозяйство силами малой семьи. Именно поэтому далеко не все малые семьи разрастались в устойчивую большую семью, ибо от них периодически отпочковывались мелкие ячейки при отделении женатых сыновей, братьев и т. д.

При выделах новой семьи из состава старой первая, как правило, сслилась в непосредственной близости от того двора, от которого она отделилась. Наблюдатели XIX в. не могли не заметить этого явления. Вот что писал М. В. Блинов: «...жилые дома расположены группами, из которых каждая отделяется от соседей самым легким и обыкновенным забором. Каждая группа дворов принадлежит отдельному семейству и называется азбаром. Живущие в одном азбаре все друзья и все родные между собою, потому что каждый отец, отделяя от своего семейства сына, строит ему избу, чум и клеть подле своего дома»¹⁰³. Г. Е. Верещагин заметил, что разделившимся братьям, дядям, племянникам и другим родственникам «обычай велит селиться и жить рядом друг с другом, составляя как бы отдельное от подобных же им соседей общество»¹⁰⁴. Об этом же писал П. М. Богаевский: «Неравномерность расположения построек объясняется, во-первых, обычаем выселять женатых членов семьи в особые избы, которые стараются ставить по возможности около избы старшего члена семьи»¹⁰⁵. В результате такого расселения в деревне возникали концы, ули-

¹⁰¹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 985, л. 8.

¹⁰² Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи... С. 61.

¹⁰³ Блинов М. В. Вотяки //ВГВ. 1846. № 45.

¹⁰⁴ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 93.

¹⁰⁵ Богаевский П. М. Указ. соч. С. 38.

¹⁰⁶ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 97.

цы, «гнезда», состоявшие из родственных семей, продолжавших сохранять между собой определенные хозяйственные, общественные и идеологические связи и носящих общее наименование, образованное от собственного имени главы разделившейся семьи. Эту специфическую форму родственных связей М. О. Косвен назвал патронимией¹⁰⁶. Нередки были случаи выселения в починки группами родственных семей, таким образом появлялись поселения, совпадавшие с патронимией. По словам В. Н. Харузиной, «в былое время селились так, что в одной деревне и жили только семьи, родственные друг другу»¹⁰⁷.

Больший или меньший круг лиц, считавшихся в родстве, точнее, в патронимических связях, удмурты обозначали словами бляк, бече, ньскавын. Термин бляк бывал у южных удмуртов, бече — у северных, ньскавын (по Г. Е. Верещагину, «живущие в отдельных домах брата») ¹⁰⁸ встречался в Сарапульском уезде. Патронимические концы или улицы обозначались терминами шенел (казанские удмурты) ¹⁰⁹ или пал — сторона. Например, в деревне Бураново Сарапульского уезда выделялось 5 частей: «Чола пал, Турья пал, Гурезь пал, Починка, Котег»¹¹⁰. Принадлежность к той или иной патронимической группе могла обозначаться и словом пи — сын: «Кузё пи, Сад пи, Дачко пи, Трош пи»¹¹¹ и т. д.

Патронимические объединения удмуртов в пореформенный период не являлись собственниками определенных, четко отмежеванных земель. При выделе из отцовской семьи каждая новая семья наделялась двором, пашней, сенокосом и другими общинными угодьями в качестве самостоятельной податной и тяглой единицы. Однако в ряде удмуртских общин продолжала сохраняться традиция «блячных полей», которыми пользовались группы родственных семей из поколения в поколение. «Блячные земли» не подлежали переделам, прочно оставаясь достоянием соответствующей группы хозяев. Выделение подобных полей в особую категорию, исключение их из практики общинных переделов могло быть обусловлено разными причинами. Чаще всего «блячными землями» оказывались угодья, образовавшиеся в результате расчисток леса, производившихся не всеми общинниками, а только группой хозяев, которые вследствие этого считались владельцами

¹⁰⁷ Харузина В. Н. Указ. соч. С. 26.

¹⁰⁸ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 93.

¹⁰⁹ Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии. М., 1905. С. 30.

¹¹⁰ Верещагин Г. Е. Историко-этнографическое описание села Бураново // РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 170, л. 9.

¹¹¹ Косвен М. О. Указ. соч. С. 17—18.

вновь расчищенного участка¹¹². На наш взгляд, не лишено оснований и предположение о «бöлячных полях» как об отголоске долевого землевладения, которое в северных уездах Удмуртии в свое время обуславливалось хозяйственными соображениями (трудности при расчистке земель на начальном этапе освоения края) и традициями земельных отношений на русском Поморье, оказавшими влияние на северные земли Вятской губернии. Когда-то совместно разработанные и разделенные по паям, долям (в зависимости от вложенного труда) земли могли постепенно закрепляться за отдельными семьями и стать наследственными (подворно-потомственными) или на них могло оформиться общинно-передельное землепользование, но не исключено, что часть этих земель могла принять характер «бöлячных полей», т. е. остаться в общем владении и пользовании нескольких родственных семей-соземельцев.

Для патронимических группировок было свойственно родственное самосознание и тяготение, выражавшееся в различной форме, вплоть до эпизодически практикуемой хозяйственной взаимопомощи. Г. Е. Верещагин отмечал, что в прошлом обычай выделять земельные наделы родственникам в одном месте «видимо, установился с целью устранения неудобств при возделывании полос одного родственника другим, когда первый сам не может обработать их»¹¹³. По мере разрастания и сегментации семей непосредственные связи родичей становились все более слабыми и призрачными, но формы религиозно-культурных и семейно-обрядовых связей больших групп населения, считавших себя в отношениях родства, по-прежнему сохранялись и проступали даже более отчетливо¹¹⁴. Как читаем в одном из документов, «в важнейших делах и ныне вотьак руководствуется мнением бöляков: ...бöляки принимают участие в свадьбах, похоронах, семейных торжествах. На свадьбах совокупность участвующих составляет бöляк, бöляк же участвует в похоронах, он первый будет извещен о несчастье, постигшем вотьака, на семейном торжестве опять-таки собирается бöляк. В Глазовском уезде усвоено название «бече». Бече имеют однокровное происхождение, одной основы знак собственности. Родниться не могут по близости родственных

¹¹² Плющевский Б. Г. К вопросу о социально-экономическом развитии Удмуртии в последние предреформенные десятилетия // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVIII — первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 26.

¹¹³ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотьаков... С. 95.

¹¹⁴ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 186.

линий»¹¹⁵. Согласно И. Н. Смирнову, «как во главе семьи, так и в главе бӧляков стоит кузё, которому они оказывают слепое повиновение»¹¹⁶.

В функциональной паре община — семья доминирующее положение занимала община. Её отношение к семейным коллективам носило в основном административный, формальный (через институт выборных властей), регламентирующий и контролирующий характер, механизм связи между ними был довольно жесткий, подчиненный традиционным нормам, тогда как отношение к патронимии имело более свободный характер и лежало в основном в надстроечной области общинной жизни. Сама патронимия, объединявшая в своем составе как малые, так и неразделенные семьи в пореформенный период допускала уже широкую автономию и сепаратизм во всех значительных хозяйственных делах отдельных семейных коллективов, и в целом по своему значению не была сравнима ни с семьей, ни с соседской общиной. Солидарность членов патронимических объединений проявлялась в общественной жизни, в сознании общего происхождения и родства, во взаимопомощи, в экзогамных порядках, в общем имени и расселении родственными концами.

Таким образом, семейно-родственную структуру пореформенной общины — бускель — составляли малые и большие неразделенные семьи, родственными коллективами которых осуществлялось сельскохозяйственное производство. Неразделенные семьи не являлись неизменно существующими и периодически распадалась на новые неразделенные или малые семьи. Малые семьи существовали рядом с большой семьей, часть их перерастала в неразделенную семью, а остальные оставались изначально малыми.

§ 4. Общественное самоуправление.

Проблема кенеша в удмуртской историографии

Структура общественного управления общины включала в себя сельский сход и выборный крестьянский аппарат в составе сельского старосты, сборщика податей, сотских и десятских, смотрителей хлебозапасных амбаров и школ, пожарного старосты, лесного сторожа и др.

Основным распорядительным органом в общине являлся сельский сход — кенеш. По данным лингвистов, слово кенеш имеет древнетюркское происхождение (kenäš, keniš тж. < тат. кинәш

¹¹⁵ ГАКО, ф. 170, оп. 1, д. 126, л. 38 об.

¹¹⁶ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 165.

тж., башк. кэнэш тж.¹¹⁷) и в переводе на русский язык означает «совет, наставление, собрание, совещание, сходка». Выражения кенеш сётныны, кенеше мыныны, кенешыны означали «дать совет», «идти на сход», «советоваться, совещаться». В словаре Т. Борисова, изданном в 1932 г., появляется выражение кенешо в значении «советский»¹¹⁸, в художественной и публицистической литературе послеоктябрьского периода (до массовой коллективизации) активно использовался термин кенешо власть, т. е. «советская власть».

Историческая, этнографическая литература, публицистика 30—50-х гг. буквально пестрели понятиями совет старейшин в смысле «кенеш эпохи родового строя», совет старшин или так называемый малый кенеш, означающий совет деревенской верхушки, кулачества, и, наконец, кенеш в смысле «сельский сход домохозяев-общинников». В 60—80-е гг слово кенеш в повседневной речи практически исчезает, а в историко-этнографической и публицистической литературе встречается лишь эпизодически, мельком.

Что же такое кенеш? Какова его суть и роль на различных этапах развития удмуртского общества?

Дореволюционная историография в институте кенеша, кажется, не видела никакой проблемы. Вопросы генезиса кенеша она не изучала, а наблюдения за повседневной, будничной деятельностью сельского схода подводили к довольно однозначному и в принципе верному выводу: это орган общинного самоуправления, через который общественные отношения крестьян облекаются в обычно-правовую форму. Царское самодержавие усматривало в кенеше (как и в любом другом сельском сходе российского крестьянства) низшее звено местного управления и использовало его в качестве посредника между правительственной властью и общинной массой удмуртского крестьянства.

Исследователи быта удмуртского народа Г. Е. Верещагин, В. М. Бехтерев, С. К. Кузнецов, И. Н. Смирнов раскрыли многообразие функций сельского схода, подчеркнув подчинение общинников авторитету схода почти во всех хозяйственных и общественных делах. Как писал И. Н. Смирнов, «вотяк весь в семье и общине и почти не имеет личной инициативы»¹¹⁹

Дореволюционные авторы отметили также трансформацию кенеша в условиях становления капиталистических отношений в

¹¹⁷ **Тараканов И. В.** Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Ижевск, 1981. С. 78.

¹¹⁸ **Борисов Т.** Удмуртско-русский словарь. 1932. С. 129.

¹¹⁹ **Смирнов И. Н.** Указ. соч. С. 257.

удмуртской деревне, обратив внимание, что, с одной стороны, в деятельности кенеша намечается явная тенденция к демократизации, с другой — укрепляется влияние зажиточных слоев общины. Демократические элементы сохранялись в механизме выборности представителей мирского самоуправления, в их финансовой отчетности перед домохозяевами, в мирском разрубе государственных податей. Кроме того, на рубеже веков наметилась тенденция к охвату в составе схода всего взрослого населения общины (женщин; мужчин, взрослых, но еще не женатых, не домохозяев), в нем появились представители различных сословий, других этносов и т. д. И в то же время в условиях углублявшегося социального расслоения имущая верхушка значительно укрепила свои позиции в кенеше и всячески стремилась проводить через него свою политику. В. М. Бехтерев по этому поводу писал: «У вотяков никто не решается на какое-нибудь предприятие без общего согласия; при каком-нибудь общем деле они собирают сход, на котором все дела решают богатые и уважаемые, от остальных требуется только согласие»¹²⁰. На это обратил внимание и И. Попов: «Приготовляясь к работе или при исправлении какого бы то ни было дела, относящегося до всех вообще и каждого, по повестке деревенского десятника они (удмурты.—Г. Н.) составляют сход или совет — кенеш, где опытные и более уважаемые в селении богатые или коштаны решают дело»¹²¹.

В первые послеоктябрьские годы трактовка удмуртского кенеша в советской историографии не изменилась, оставалась в целом на позициях дореволюционных исследователей¹²², но с началом массовой коллективизации и особенно после печально знаменитого «Лудорвайского дела» (1928 г.) сельский сход удмуртского крестьянства приобрел скандальную известность, и взгляд на него коренным образом изменился. По-видимому, с этого момента и можно говорить о «проблеме удмуртского кенеша». Уже в публикациях 1929—1930 гг. он стал характеризоваться как «один из вредных пережитков прошлого в общественном быту удмуртской деревни», как «контрреволюционный», «кулацкий»¹²³ и т. д.

Вплоть до 1960-х гг. кенеш в решениях местных партийных, со-

¹²⁰ Бехтерев В. М. Указ. соч. С. 644.

¹²¹ ВГВ. 1851. № 45.

¹²² См., например: Максимов В. А. Вотяки: Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925.

¹²³ См., например: Маркелов М. Т. Вотяки (удмурты). М., 1929; Он же. Этнографическое изучение удмуртов // Этнография. 1930. № 4; Родэн Д. Лудорвайское дело. М.; Л., 1929.

ветских органов, на страницах газет, в историко-этнографической литературе оценивался и освещался как орган кулачества, оружие сопротивления советской власти и коллективизации. С таких позиций стал характеризоваться и дореволюционный (рубежа XIX—XX вв.) орган самоуправления удмуртов. Не только сам институт кенеша, но даже слово фактически оказалось под запретом. Так, литературно-художественный и общественно-политический журнал «Кенеш» в 1931 г. в директивном порядке был переименован в «Пролетар кылбурет удысын» (с 1935 г.— в «Молот», с 1990 г.— в «Кенеш»).

В 1965 г. в секторе истории Удмуртского НИИ при СМ УАССР (ныне УИИЯЛ УрО РАН) прошла дискуссия о кенеше, участники которой обсудили тезисы К. И. Шибанова «Кенеш — демократический орган самоуправления удмуртской деревни»¹²⁴. Автором, пожалуй, впервые в удмуртской историографии, была сделана попытка «дать правильную политическую оценку деятельности этого органа крестьянского самоуправления в удмуртской деревне на различных исторических этапах, особенно в первое десятилетие Советской Удмуртии»¹²⁵. В дискуссии приняли участие Н. П. Павлов, В. Е. Майер, Б. Г. Плющевский, А. Н. Вахрушев, А. А. Тронин, Н. Г. Луковников, В. А. Максимов, П. Т. Иванов, Г. Н. Трефилов. В ходе обсуждения тезисов выявились разные мнения о времени происхождения института кенеша, но была высказана в целом одинаковая точка зрения о его роли в переходный от капитализма к социализму период.

К. И. Шибанов, А. Н. Вахрушев, В. А. Максимов были склонны относить возникновение кенеша к эпохе родового строя. Он, по их мнению, первоначально представлял собой «совет старейшин», полномочный решать все хозяйственные и общественные дела, а с возникновением эксплуататорского общества сохранил свою демократическую оболочку, но изменил содержание и превратился в орган господства зажиточных крестьян над массой рядовых общинников. В. Е. Майер считал, что было бы неверно выводить кенеш из родового общества: «У всех европейских народов подобные общинные сходы возникли вместе с земледельческими общинами, т. е. в момент разложения родового строя. Так, бесспорно, происходил этот процесс развития кенеша и у удмуртов»¹²⁶.

Что касается роли кенеша, его характера в послеоктябрьский период, участники дискуссии высказали мнение, что его оценка как кулацкого, контрреволюционного органа тенденциозна, одно-

¹²⁴ Дискуссия о кенеше // РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 42.

¹²⁵ Там же. Л. 1.

¹²⁶ Там же. Л. 81—82.

бока и требует пересмотра как идущая вразрез с историческими фактами и документами. Наиболее четко эта мысль была оформлена в выступлении Б. Г. Плющевского: «...такая трактовка вопроса, в директивном порядке утверждавшаяся в исторической науке в период культа личности И. В. Сталина, не соответствует действительности. Кенеш — явление в своей основе не отличающееся от русского деревенского мира, сельского схода русской деревни. Применительно к русской деревне нелепо ставить вопрос, какова была классовая сущность сельского схода — ведь сельский сход не одна из борющихся сил, а лишь арена, на которой происходила классовая борьба. В зависимости от конкретных условий он мог или поддерживать политику советской власти (так и бывало в подавляющем большинстве случаев), или оказаться на поводу у кулаков. Можно говорить о том или ином соотношении классовых сил в деревне, о колебаниях середняка и т. д., но сельский сход как традиционный бытовой институт крестьянской жизни здесь ни при чем. Он лишь фиксировал сложившуюся в данный момент обстановку. В основном такова была и роль удмуртского кенеша»¹²⁷.

К сожалению, материалы дискуссии не были опубликованы, итоги не подведены, «проблема кенеша» осталась нерешенной и в дальнейшем никто из ученых к ней не приступал. Между тем вопрос о кенеше не потерял своей остроты. В настоящее время в условиях становления новых, альтернативных организационно-хозяйственных формирований в деревне необходима принципиально новая система обслуживания крестьянских хозяйств, основанная на принципах добровольного кооперирования, на самоорганизации и самоуправлении. Игнорирование при этом исторического опыта как положительного, так и негативного чревато новыми ошибками.

Накопленный исторический и этнографический материал позволяет сегодня дать ряд предварительных выводов о кенеше и его роли на различных этапах развития удмуртского общества.

Согласно данным лингвистической науки, многие лексические единицы, характеризующие социально-экономические отношения удмуртов, проникли в древнеудмуртский язык в конце I — начале II тыс. и являются по происхождению древнетюркскими. Период интенсивных удмуртско-тюркских контактов приходится на VIII—XIII вв. — время существования Волжской Булгарии. Именно в это время в удмуртском языке появляются слова бускель (сосед, соседская община), веме (помощь, коллективная помощь),

¹²⁷ Дискуссия о кенеше // Ф УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 42, л. 88.

кенеш (сход, совет, собрание)¹²⁸. В исторической науке Волжская Булгария считается раннефеодальным образованием; археологические материалы и сохранившиеся предания позволяют предполагать, что и у древних удмуртов в этот период начался процесс разложения родового строя, но в силу неблагоприятной социально-политической ситуации в крае в начале II тыс. процесс этот затянулся, не успел завершиться, раннефеодальные отношения не приобрели законченных форм. Так или иначе, у нас нет оснований выводить кенеш из родового строя. Он есть производное от соседской общины и появляется вместе с ней в период разложения родового строя. С присоединением к России удмуртское общество было включено в общefeодальную систему государства и социальный строй удмуртов своеобразно трансформировался: развитые феодальные отношения наложились как бы на структурообразующие единицы иного социально-экономического порядка, в том числе — на неразвитые, незавершенные раннефеодальные. К таким единицам можно отнести и кенеш, который, естественно, сохранял какие-то реликты родовых и патронимических связей, но в основе своей представлял сельский сход домохозяев — членов соседской общины.

Вся многовековая история удмуртского кенеша была неразрывно связана с историей сельской (соседской) общины удмуртов, и поэтому в конечном счете какова была община, таков был и кенеш.

Наиболее ранний тип соседской общины удмуртов — община-доля — был охарактеризован П. Н. Лупповым. Описывая внутреннее управление в североудмуртских долях XVII—XVIII вв., П. Н. Луппов пришел к выводу, что они выполняли те же функции, что и мирская тяглая община у русских крестьян¹²⁹. Впоследствии этот вывод был подтвержден и другими исследователями¹³⁰.

Относительно возникновения деления удмуртов на доли в литературе существует несколько мнений. П. Н. Луппов предполагал, что оно явилось плодом административного творчества вятского

¹²⁸ Атаманов М. Г. К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Языкознание. Устинов, 1987. С. 30—32.

¹²⁹ Луппов П. Н. Удмуртские доли в XVII и XVIII веках // Записки УдНИИ. Ижевск, 1941. Сб. IX. С. 9—27.

¹³⁰ Бушуева В. Л. Разложение тяглых общин удмуртских крестьян Хлыновского уезда на рубеже XVII—XVIII вв. // Ученые записки Стерлитамакского пединститута. 1960. Вып. 3. С. 21—37; Гришкина М. В. Поземельные отношения на Севере Удмуртии в XVI—XVII веках // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 20.

воеводы¹³¹. В. Е. Владыкин и М. В. Гришкина считают, что вятская администрация только использовала уже имевшиеся у удмуртов традиционные объединения типа «земляческих союзов»¹³². По мнению М. В. Гришкиной, превращение древних родо-территориальных объединений в тяглые общины произошло в конце XVII в. с отменой былой податной обособленности удмуртов и введением стрелецкой подати¹³³.

Удмуртская община-доля, соответствовавшая по принципам своей организации волостной общине русского Поморья и Сибири, в XVI—XVII вв. мало вмешивалась в процесс регулирования землепользования, что объяснялось тем, что на севере Удмуртии, как и на всем русском Поморье, земля находилась в индивидуально-подворном владении крестьян: в общинном владении, как правило, оказывались только пустоши, выгоны, лес. Каждый крестьянский двор распоряжался своим «паем», в состав которого входили усадебная земля, пашня, сенокос, иногда — поскотина, бортные и промысловые угодья, лес. Крестьяне передавали свой «пай» по наследству, продавали, меняли, закладывали и т. д.¹³⁴ В связи с этим не столь выраженной являлась регулятивная функция общины в поземельных делах, распорядительные функции общего мирского совета-схода ограничивались сферой выбора должностных лиц (старосты, целовальника, денежного сборщика, толмача), решением вопросов о пользовании общеволостными (общедолевыми) угодьями, разрубом государственного тягла, мирских расходов, отбыванием других денежных и натуральных повинностей¹³⁵.

Южные удмурты с конца XVII в. находились в составе Казанского уезда и проживали по Арской и Зюрейской дорогам, которые, в свою очередь, подразделялись на сотни и волости. Сотенная организация, по предположению М. В. Гришкиной, имела, как и северная доля, реальную основу в виде остатков родо-территориальных объединений. Очевидно, в составе Казанского ханства сотни-эли использовались как элементы военной организации и для взыскания феодальных повинностей и в последнем своем

¹³¹ Луппов П. Н. Указ. соч. С. 11—12.

¹³² Владыкин В. Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов // АҚД. М., 1969. С. 12; Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. С. 27

¹³³ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. С. 28.

¹³⁴ Гришкина М. В. Поземельные отношения на Севере Удмуртии... С. 15.

¹³⁵ Бушуева В. Л. Указ. соч. С. 26.

значении были унаследованы Русским государством. Сотня, как и доля, решала наиболее важные в жизни крестьянства вопросы: раскладку податей, посылку челобитчиков в различные инстанции, выбор сотников, старост, целовальников, сборщиков податей и т.д. Здесь же, на мирских советах, на основе обычного права решались вопросы, связанные с хозяйственной и бытовой жизнью крестьянства, совершался суд по делам о мелких кражах, ссорах, драках, взаимоотношениях между супругами. В отличие от мирских сходов северной доли мирские советы на юге Удмуртии строго регламентировали и контролировали все поземельные дела. Община отводила определенный участок, каждому крестьянскому хозяйству согласно размерам его тягла и числу мужских душ. Покушение на общинные угодья со стороны ее членов без санкции мирских властей строго преследовалось. Контроль общины в определенной степени распространялся даже на новоросчисти ¹³⁶.

Пока трудно со всей определенностью сказать, совпадали ли территориально сотенные и поземельные организации удмуртских крестьян на юге Удмуртии. По всей видимости, существовали оба варианта. Так, сотня Е. Иванова представляла собой в период третьей ревизии (1762 г.) всего одну деревню, т. е. в данном случае мы наблюдаем совпадение сотни и поземельной общины. В то же время сотня А. Иванова охватывала 31 селение, а Т. Васильева — 32 селения, и здесь, скорее всего внутри сотни, существовали более мелкие поземельные общины ¹³⁷. В первом случае в сотне, вероятно, функционировал один-единственный мирской сход, а во втором — наряду с общим мирским сходом сотни, функционировали и сельские деревенские сходы. Очень возможно, что подобная картина наблюдалась и в соотношении доли и деревенских поземельных общин на севере Удмуртии. В любом случае вопрос этот требует более глубокого и детального изучения.

В XVIII в. демократические начала сотен и долевых организаций во многом стали подрываться, что объяснялось углублением товарно-денежных отношений в земледельческом хозяйстве, имущественным и социальным расслоением, с одной стороны, и постоянным вмешательством чиновно-бюрократической администрации, противопоставлением выделившейся зажиточной верхушки основной массе крестьянства, с другой.

Во второй половине XVIII в. начинается процесс распада удмуртских сотен и доля, идет структурное упрощение этих образований.

XVIII в. для удмуртского общинного крестьянства был знаме-

¹³⁶ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. С. 29, 118.

¹³⁷ Там же. С. 31.

нателен и тем, что в недрах общинных организаций шел медленный процесс становления уравнительных земельных переделов. Первые известные факты переделов земли по ревизским душам в удмуртских общинах относятся к 70-м гг. XVIII столетия, а широко внедряться в крестьянскую жизнь уравнительный принцип начал с первой половины XIX в.¹³⁸ Материалы пореформенного периода свидетельствуют уже о достаточно четко выраженном и отработанном механизме уравнительных переделов. Не вдаваясь в подробное рассмотрение действия уравнительно-передельного механизма в удмуртской общине (об этом речь пойдет ниже), отметим лишь, что с этого времени регулятивная роль общины в поземельных делах сильно возрастает.

Помимо поземельно-хозяйственных вопросов, на сельских сходах в конце XIX в. крестьяне решали благотворительные и страховые, податные, административно-управленческие и судебно-полицейские, воспитательные, культурно-бытовые и религиозные дела. В качестве примера приведем документ о сельских сходах, проведенных в обществах Гординской волости Глазовского уезда. В нем достаточно ярко отражены полномочия сходов и тот круг вопросов, который обсуждался на собраниях домохозяев: «В волости в 1897 году было 25 сельских и 3 волостных схода. На них обсуждались вопросы о выборе должностных лиц — 13, о перечислении членов из общества — 1, о назначении опекунов — 3, об учреждении и проверке опеки — 14, о семейных разделах — 3, о раскладке денежных сборов — 6, о сельских хлебозапасных магазинах — 6, о разделе земель — 1, об образовании селений и выселков — 1, об учете должностных лиц — 5, о назначении жалованья должностным лицам — 1, по делам о воинской повинности — 4, об устройстве богоугодных заведений — 1»¹³⁹.

Вовлечение крестьянского населения в орбиту капитализма вызвало появление качественно новых вопросов, обсуждавшихся на сходах: о деловых связях с Вятским отделением государственного банка, введении многополья, сдаче в аренду общественных (или паевых) мельниц, маслобоек, крупорушек, отведении площадей под торжки, базары, ярмарки, необходимости обучения детей грамоте и т. д. Подобные приговоры — типичный пример приспособляемости общинного института к новым социально-экономическим условиям второй половины XIX в.

Текущее, повседневное управление общиной проводилось преимущественно через деревенские сходы, а общий сход (всей общины, если она многодеревенская, или сельского общества) соби-

¹³⁸ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. С. 123.

¹³⁹ ЦГА УАССР, ф. 115, оп. 1, д. 39, л. 17—17 об.

рался главным образом для решения административных и фискальных дел.

Большинство вопросов на сходе решалось на основании норм обычного права (сям), решения кенеша носили обязательный характер. Как писал В. М. Бехтерев, «решение схода всеми исполняется обязательно, и нарушитель становится предметом общего презрения и получает прозвище «куштон», т. е. негодный человек для общества»¹⁴⁰.

На сход созывались домохозяева общины, владевшие земельным наделом и имевшие право решающего голоса. Безземельные общинники на сход приглашались не всегда и при обсуждении поземельных вопросов права голоса не имели. Присутствие женщин на кенешах было редким. Обычно они допускались на собрание, если просили о собственном деле (например, о наследстве) или заменяли отсутствующего по каким-либо причинам домохозяина. Женщины-вдовы (с малолетними детьми), если их хозяйства не имели недоимок и все платежи и повинности ими вносились в срок, признавались миром в качестве домохозяев и на кенеше имели право решающего голоса¹⁴¹. Новый член общества получал право голоса, если «садился на полосу», т. е. брал на себя земельный надел и становился домохозяином.

Общественное самоуправление опиралось на дисциплинированность общинников. Домохозяева, уходившие на заработки за пределы общины, были обязаны оставлять за себя замену (взрослого сына, зятя, брата, жену, соседа), о которой докладывали старосте.

Порядок рассмотрения вопросов на сходе зависел от степени их важности и заинтересованности общинников. В ходе обсуждения мог высказаться любой член общины. Вот, к примеру, каким образом решался вопрос о дне выезда на пахоту в одной из общин Сарапульского уезда: «Суждение продолжается около 2 часов, и во все это время в избе стоит до полу табачный дым от куримых трубок, здесь вначале всякий толкует со своим соседом о сельскохозяйственных делишках, о всходах трав и озимей на своих полосах, и в конце суждение бывает общее: готовы ли все домохозяева на праздник, просохла ли земля, сварена ли кумышка, пиво? Выезжают ли соседние селения? И наконец назначается день выезда на пашню»¹⁴².

Решения схода принимались большинством голосов и входили в силу, если за них голосовало не менее 2/3 домохозяев. Собрания

¹⁴⁰ Бехтерев В. М. Указ. соч. С. 644.

¹⁴¹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 89, л. 106.

¹⁴² Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 30.

заканчивались вынесением письменного решения общинной сходы — приговора. Приговоры деревенских сходов имели силу только на территории конкретной деревни. Нужно отметить, что они письменно фиксировались не повсеместно, это зависело от размеров общины, местного обычая, степени важности обсуждаемых вопросов и даже от уровня грамотности участников схода.

Периодичность созыва схода определялась необходимостью и регулировалась циклом сельхозработ. Наиболее активно мирская жизнь проходила между ноябрем и апрелем, а в июле—октябре сходы собирались только в неотложных случаях.

В общинном быту особое место занимали старики — наиболее авторитетные пожилые общинники, умудренные опытом жизни, чей производственный авторитет и социальная значимость на кенешах объяснялись традиционностью всего уклада деревенской жизни; ролью обычая в миру. В период капитализма значение «совета стариков» как неформального общинного органа значительно понизилось, более весомым становился голос имущественной верхушки. Углублявшееся социальное расслоение непосредственно отражалось в формировании выборных крестьянских органов, в их действиях. Солидарность в решении мирских проблем все чаще вытеснялась диктатом имущих общинников; на сходах участились случаи принятия решений, не получавших поддержки со стороны домохозяев. Кенеш становился ареной борьбы двух противоборствующих начал: общинного и частнособственнического.

В одной из статей по истории Удмуртии периода капитализма А. Н. Вахрушев ввел в научный оборот понятие «малый кенеш» как орган кулачества, противостоящий «большому кенешу» — сходу всех домохозяев общины¹⁴³. Впоследствии этот тезис был поддержан М. М. Мартыновой, охарактеризовавшей «малый кенеш» как группу знатных людей деревни в составе «родоначальников родов, служителей языческого культа и наиболее обеспеченной верхушки деревни»¹⁴⁴, и М. А. Садаковым, считавшим «малый кулацкий кенеш прямым пережитком родового строя»¹⁴⁵.

На наш взгляд, выделение «малого кенеша» как тайной не-

¹⁴³ Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России (1861—1895 гг.) // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. С. 83.

¹⁴⁴ Мартынова М. М. Удмуртская община (бускель) в конце XIX—начале XX в. // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 318.

¹⁴⁵ Садаков М. А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. до октября 1917 г.) // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 2. С. 159.

формальной группы, противостоящей по своим интересам всей остальной массе общинников, не правомерно.

Во-первых, вызывает сомнение социальный состав «малого кенеша». Речь о родоначальниках родов в удмуртской деревне на рубеже XIX—XX вв., по-видимому, уже не может вестись. Если даже иметь в виду «родоначальников» патронимических объединений, то почему же их интересы обязательно могли идти вразрез с общинными? Неужели неформальные главы всех патронимий были зажиточными? Этот же вопрос возникает и относительно служителей языческих культов. К тому же хранителем и носителем внутриобщинных языческих культов, в первую очередь аграрных, было все взрослое население общины. Об этом достаточно ярко свидетельствуют как дореволюционная литература, так и архивные документы и полевой этнографический материал.

Таким образом, «малый кенеш» мог состоять только из имущих крестьян. Но нужен ли был им какой-то тайный орган для воздействия на массу остальных общинников, если для этого имелись условия на общем кенеше? Ведь уже дореволюционные авторы весьма убедительно показали, как наиболее обеспеченная верхушка использовала этот традиционный институт самоуправления. На руку зажиточным были их экономические возможности (ссуда, займ и т. п.), идеологические и психологические факторы, верность обычаям и традициям, присутствие основной массе крестьян, обычное право, крестьянский суд. Не следует забывать и о фигуре старосты — лице, обладавшем существенной властью в общине. Это был, как правило, «прожиточный», «достаточный», «добротный», пользующийся в миру авторитетом и уважением человек. На пост старосты существовал (хотя и негласный) имущественный ценз, бедняки в старостах оказывались исключительно редко. Значит, и здесь имущая верхушка имела возможность проводить удобные для себя решения. Несомненно, факты предварительного обговаривания определенных внутриобщинных вопросов в кругу зажиточной прослойки крестьян, попытки с их стороны повлиять на общественное мнение и т. д. могли иметь место и имели, но на этом основании выделять «малый кенеш» как антитезу «большому» (общему), по-видимому, нет оснований.

Наконец, необходимо учитывать и то, что на рубеже XIX—XX вв. классовая дифференциация в удмуртской общине не достигла той глубины и остроты, как, например, в русской. В исследованиях по социально-экономической истории Удмуртии рубежа XIX—XX столетий в подтверждение этому приведено достаточное

количество убедительных фактов и цифр¹⁴⁶. Вероятно, не следует чрезмерно преувеличивать роль сельской буржуазии во внутриобщинной жизни, в деятельности кенеша. В начале XX в. в общине — бускель — наблюдались сходные с общероссийскими социально-экономические процессы, но интенсивность их отличалась. И по-прежнему высоким авторитетом, наиболее справедливым судом для удмуртского крестьянина оставался кенеш. Обиженный кем-то, он не пытался один восстанавливать справедливость и свою обиду не высказывал лично обидчику, зато на сходе давал, по словам Г. Е. Верещагина, «волю своим чувствам». Хотя он же писал и о том, что «бедный вотяк на сходе не может и слова промолвить. Если мнение других признает не основательным, то возражение делает не громко, во всеуслышание, а тихо, и то лишь в разговоре с равным себе, где-нибудь в углу избы»¹⁴⁷. Нам кажется, тут нет противоречия. Это лишь отражение того многогранного, мучительного и длительного процесса, который переживало общинное крестьянство в сложной социально-экономической обстановке рубежа XIX—XX вв.

Исполнение приговоров мирского схода возлагалось на всех членов общины, но, в первую очередь, за претворение их в жизнь отвечал выборный аппарат общественного управления — сельский староста, сборщик податей, десятские и сотские.

Староста — исконно мирской персонаж, призванный по правде и справедливости решать общественные дела. В традиционном представлении крестьян он служил образцом житейской мудрости и добропорядочного отношения к делу. Староста подготавливал мирские сходы, утверждал повестку дня, разбирал крестьянские прошения, вершил полюбовное примирение крестьян, участвовал в мирском суде, следил за состоянием дорог, полевых изгородей. Он был также постоянным представителем мира при решении спорных земельных дел, но самой главной его обязанностью являлся контроль за поступлением мирской казны. Как первое лицо сельской администрации староста мог штрафовать, приговаривать к телесному наказанию «ослушников», выдавал крестьянам билеты и паспорта «на отлучку» из общины, подготавливал вопрос об увольнении членов из общины и представлял его решение сходом волостному старшине. Старосты организовывали первую помощь при пожарах, наводнениях, падеже скота и других происшествиях. Они же обязывались предупреждать потраву хлеба,

¹⁴⁶ См., например: Садаков М. А. Указ. соч. С. 129—196; Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX в. // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. Ижевск, 1981.

¹⁴⁷ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 127, 126.

побой травы, лесные пожары, порубки в лесах. По этой живой работе крестьянские миры и оценивали фигуру сельского старосты, эффективность возглавляемого им аппарата управления. Но вышестоящая по отношению к старосте волостная администрация оценивала его работу по исполнению им «буквы закона», по документальной отчетности¹⁴⁸. В пореформенный период роль старосты как лица административного, посредника между крестьянами и вышестоящей властью проявилась особенно ярко. Через него волостное и земское управление получало информацию, связанную с любыми изменениями в органах крестьянского самоуправления и в хозяйственной жизни того или иного сельского общества.

По законоположениям 1860-х гг. на должность сельского старосты могли претендовать приписанные к общине крестьяне-домохозяева — главы крестьянских семейств, пользовавшиеся земельным наделом¹⁴⁹. Приписанные к общине «безземельники» могли быть избраны на должности, но лишь помощниками старосты или низшими полицейскими (десятниками, сотскими). Обязательным условием для претендента было отсутствие судимости как административным, так и крестьянским судом. Выборы старосты всегда проходили на сходе домохозяев сельского общества; срок полномочий главы местного самоуправления длился 3 года¹⁵⁰.

Как отмечалось выше, бедняки на посту старосты — явление исключительно редкое. На практике эту должность, как правило, занимали состоятельные домохозяева. Честолюбивое желание занять место старосты с их стороны объяснялось не столько тем, что в общественном мнении эта должность считалась почетной, сколько практическими возможностями, которые она таила в себе: большая свобода действий давала возможность достичь определенные личные цели (свести счеты с противниками, извлечь выгоду при решении спорных вопросов, при случае нажиться за счет мирской казны и т. д.). Но не редки были случаи, когда более влиятельные зажиточные домохозяева стремились откупиться от должности старосты, так как она в целом была довольно обременительной, требовала много сил и времени. Поддерживая кандидатуру на должность старосты из среды середняков, имущие домохозяева часто ставили его в зависимое от себя положение и проводили через него угодные для себя решения.

¹⁴⁸ Кучумова Л. И. Сельская община в России // Научно-популярная серия «Знание» (История). М., 1991. № 1. С. 39.

¹⁴⁹ ПСЗ-2. Т. 36. № 36657. Ст. 114.

¹⁵⁰ ЦГА УАССР, ф. 114, оп. 1, д. 68, л. 51 об.—52.

Переизбрание старосты проводилось на специально созываемом сельском сходе, который организовывал и открывал староста, но на сходе не председательствовал. Его место занимал помощник по должности или уважаемый член общества.

Сборщик податей избирался на 1 год и отвечал за исправный сбор государственных поборов¹⁵¹. По истечении сроков полномочий сельский сход заслушивал его итоговый отчет, проверял финансовую дисциплину. Из всего состава сельского управления только сельский староста и сборщик податей по закону получали денежное вознаграждение за службу. Размер его определялся сельским сходом «смотря по богатству общества». Так, крестьяне Кезского сельского общества Глазовского уезда на своем сходе в 1894 г. «решили назначить жалование старосте 15 рублей в год в виду его трудной должности, а на следующий год назначить вновь старосте жалованье в каком количестве пожелаем»¹⁵². Крестьянами Кулаковского сельского общества того же уезда в 1888 г. сборщику податей И. Волкову было назначено годовое жалованье в размере 6 рублей, которое было разложено по деревням общества в зависимости от количества душ¹⁵³.

Вопрос о материальном вознаграждении других должностных лиц решался в каждом обществе индивидуально. Согласно закону выборные крестьянские должностные лица на время службы должны были освобождаться от выполнения натуральных повинностей¹⁵⁴, однако миры не повсеместно придерживались буквы закона, не всегда предоставляли лицам сельского общественного управления льготы в отбывании этих повинностей.

За соблюдение порядка в общинах отвечали десятские и сотские. Десятских избирали в каждой деревне, а сотских и их помощников — на сельское общество, и тех и других — сроком на 1 год. Представители этих должностей обязаны были осуществлять общий полицейский надзор в деревнях, ловить «беглых», воров и разбойников, искоренять «колдовство» и т. д. Приговоры сельских сходов дают сведения о требованиях, выдвигавшихся к кандидатам на должности сотских и десятских. Вот выдержка из приговора крестьян Большеучинского сельского общества Малмыжского уезда: «Все избранные лица поведения хорошего, под судом не были, ни в каких предосудительных поступках не замечались, виноторговлей не занимаются и возлагаемые на них обязан-

¹⁵¹ ЦГА УАССР, ф. 114, оп. 1, д. 68, л. 51 об.— 52.

¹⁵² Там же. Д. 251, л. 1.

¹⁵³ Там же. Ф. 108, оп. 1, д. 599, л. 8 об.

¹⁵⁴ ПСЗ-2. Т. 36. № 36657. Ст. 124.

ности могут отправлять исправно и без расстройств своего хозяйства»¹⁵⁵. Крестьяне, избравшиеся на должности десятских и сотских, как и староста, должны были иметь земельный надел и проживать в одной из деревень общества; единственных работников в семье, а также лиц моложе 25 лет не выбирали¹⁵⁶.

Выполнение полицейских функций было одной из неприятных и трудных обязанностей для сельских выборных лиц. Хотя следует сказать, что их действия воспринимались как вынужденная необходимость и не подвергались осуждению в общественном мнении крестьян, более того, по окончании сроков полномочий того или иного должностного лица в некоторых общинах проводились «поздравления и обеды в честь прослуживших по выборам должности». Например, 30 декабря в доме отслужившего десятичника проводился общедеревенский ужин «десятник шюд» (десятнический суп), во время которого «хозяин молился, прося счастья новому десятнику, благодарил бога за исправное отправление должности, желал здоровья односельцам», которые в свою очередь поздравляли хозяина с успешным окончанием годичной службы. «Уволенные по распоряжению начальства за какую-нибудь вину и не прослужившие положенного срока» такой чести не удостоивались¹⁵⁷, что свидетельствует о том, что индивидуальная репутация каждого «общественного» лица в первую очередь зависела от его деловых качеств, что было немаловажно для общины, так как от подобных персональных носителей и охранителей общинных традиций и норм во многом зависела репутация самой общины (особенно в глазах близлежащих селений).

Смотрителей хлебозапасных амбаров избирали сроком на 3 года. По истечении срока их службы общество выслушивало их отчеты и проводило ревизию наличного хлеба. При нехватке хлеба восполнение растраты возлагалось на смотрителя, иногда общество брало это на себя¹⁵⁸.

Пожарный староста, избравшийся обществом на 3 года, обязан был наблюдать за исправностью пожарных инструментов в сарае: «Он снабжен медным значком с надписью «пожарный староста», который носится им во время исправления должности»¹⁵⁹.

Для надзора за рубкой леса в податном лесном участке выбирался лесной сторож. В случае похищения леса, самовольной порубки на дрова лесной сторож составлял акты на виновных лиц и

¹⁵⁵ ГАКО, ф. 716, оп. 2, д. 197, л. 10.

¹⁵⁶ Там же, л. 12, 28, 56.

¹⁵⁷ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 63—65.

¹⁵⁸ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 24, л. 1—7 об.

¹⁵⁹ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 90.

передавал документы сельскому сходу для предъявления иска ¹⁶⁰.

Надо заметить, что в целом служба по выборам удмуртскими хлебопашцами рассматривалась как нелегкая повинность, при удобной возможности они старались уклоняться от нее, но уж если выдвигалась чья-либо кандидатура, вопросом чести для каждого было убедиться, единодушно ли он будет представлен к «выбору» своими односельчанами, что свидетельствовало об огромной роли общественного мнения среди общинников.

Мельники, пастухи, церковные сторожа, как правило, работали по найму. О мельниках, например, С. К. Кузнецов писал: «Мельник строго следит за очередями, обычно он чужой человек, получающий определенное жалование — 30 фунтов муки в день. Мельник состоит на отчете и за всякую провинность может быть оштрафован водкой, а то и уволен»¹⁶¹.

Таким образом, изучение традиционных и наиболее общих для поземельной общины элементов мирского управления позволяет сделать вывод, что в них отражалась роль сельской общины как организующего начала всей деревенской жизни. Через органы мирского самоуправления община осуществляла контроль и регулирование воспроизводства внутриобщинных хозяйственно-экономических, социально-бытовых, религиозно-этических, нравственных, культурных и других традиций. Сельский сход, мирские должностные лица, формальные и неформальные лидеры общины являлись выразителями общественного мнения, блюстителями обычно-правовых основ общинной жизни и в стабилизирующих процессах жизни удмуртского этноса играли немаловажную роль. Все это и обуславливало силу и авторитет кенеша в глазах удмуртских крестьян.

В первые годы после Октябрьской революции все общественно значимые дела в удмуртской деревне по-прежнему обсуждались на кенеше. Его авторитет был настолько прочен, что официальные представители, прибывшие в деревню, непременно обращались к нему, объясняли полномочия и задачи, а кенеш выносил соответствующее решение.

Вместо упраздненных сельских властей (старосты, сотские, десятские) создавались сельские комитеты или Советы, которые воспринимались крестьянами в первую очередь как органы самоуправления (мирские организации) и лишь в меньшей степени как органы государственной власти ¹⁶². Чаще всего Советы и избира-

¹⁶⁰ ЦГА УАССР, ф. 113, оп. 1, д. 14, л. 18, 21, 24.

¹⁶¹ Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 48.

¹⁶² Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. М., 1984. Вып. 3. С. 109.

лись на сходах прямым и открытым голосованием. На сход приглашалось все взрослое население, в том числе и женщины (в 1928—1929 гг. число женщин в составе удмуртского кенеша доходило до 25%)¹⁶³. Слабость Советов (они первоначально не имели даже собственного бюджета), с одной стороны, и традиционность, нерасчлененность поземельных, хозяйственных и социально-политических отношений, еще присущие деревне того периода, с другой, приводили к тому, что практическое руководство жизнью общины осуществлялось не столько Советами, сколько сельским сходом.

На повестку дня сходов выносились самые различные вопросы, при этом часто выходящие за пределы интересов конкретных деревень. Так, в протоколах собраний, проведенных в Алнашской волости в 1925 г., названы следующие вопросы: выборы сельсовета, выборы сельского комитета по борьбе с тифом, опекунство, о запасном фонде зерна, о создании крестьянских комитетов, рассмотрение жалоб о разделе имущества, доклад «Год без Ильича», о международном положении, едином сельхозналоге, заготовке дров для школы, перевозке дьяконовского дома под школу и т. д.¹⁶⁴ Сельский сход производил раскладку натуральных и иных повинностей (чрезвычайный революционный налог, продразверстка и пр.), определял жалованье выборным лицам, в том числе членам и председателям Советов. Предметом особого интереса на сходах стал вопрос о ликвидации неграмотности, об открытии школ, изб-читален, медпунктов.

По мере развертывания социалистических преобразований в деревне обострялась борьба между различными ее слоями. В сельскохозяйственные коллективы (к 1926 г. в Удмуртии было 217 коммун, артелей, товариществ) вступали в основном бедняцко-средняцкие слои (зажиточных только 4%), а большая часть имеющих крестьян выжидала или оказывала сопротивление мероприятиям советской власти, стремясь использовать при этом традиционный общинный институт — кенеш. В конечном счете «лицо» кенеша, характер его решений и их выполнение зависели от социальной структуры общины, расстановки классовых сил в ней, насущных интересов и проблем общинников, а также авторитета партийных и советских органов на местах, их конкретной деятельности на селе, от того, каким образом влияли мероприятия

¹⁶³ Шибанов К. И. Кенеш— орган самоуправления удмуртской деревни // Пропагандист и агитатор. Ижевск, 1988. № 12. С. 24.

¹⁶⁴ РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 42, л. 12.

¹⁶⁵ РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 42, л. 59—60.

советской власти на общее благосостояние крестьян, как крестьяне были подготовлены к ним.

Партийные и советские органы, конечно, использовали сельский сход для политической пропаганды, для осуществления экономических, культурных и других мероприятий, но делалось это стихийно, без какого-либо учета этнической специфики удмуртского кенеша, без осознания его значения в жизни крестьян. До 1930 г. вопрос об особенностях предшествующего социально-экономического развития удмуртской деревни, общинных традициях удмуртских крестьян на повестку дня партийными органами не ставился. Они «узнали» о кенеше, «открыли» его для себя только после событий в Лудорвае, когда в трех деревнях Советской волости Ижевского уезда (Лудорвай, Непременная Лудзя, Юськи) была совершена массовая порка крестьян под видом мирского наказания за неисправные полевые изгороди (1928 г.)¹⁶⁶.

Возможно, «Лудорвайское дело» осталось бы одним из многочисленных фактов классовой борьбы в деревне и не получило бы такой широкой известности, если бы не усугубилось неудовлетворительным проведением в Удмуртии посевной кампании, срывом хлебозаготовок 1928 г. Все это послужило сигналом для проверки ЦК ВКП(б) деятельности Удмуртского ОК партии. В Удмуртию была направлена комиссия во главе с инструктором ЦК т. Густы. В ходе проверки деятельности партийных организаций на местах «всплыл» вопрос о кенеше. Он был охарактеризован как «родовой пережиток в удмуртской деревне, выступающий в настоящее время орудием кулацкого сопротивления социалистическому строительству»¹⁶⁶. В Постановлении ЦК ВКП(б) о состоянии работы Вотской парторганизации Удмуртскому ОК ВКП(б) было рекомендовано повести решительную борьбу за ликвидацию кенеша.

В 1931 г. были опубликованы тезисы Удмуртского обкома «О борьбе с кулацким кенешем», после чего в административном порядке начался его разгром. На «контрреволюционную» деятельность кенеша были свалены ошибки в колхозном строительстве в 1929—1930 гг., невыполнение ряда хозяйственных планов Удмуртией в 1930 г. и т. д. В связи с Лудорвайским делом в вину кенешу было поставлено то, что именно на нем был принят приговор о порке крестьян. Так традиционный демократический орган самоуправления в деревне был подменен кулацким контрреволюционным кенешем и стал рассматриваться не как арена клас-

¹⁶⁶ Лудорвайщина но тараканчиковашина бере азинкыса, ударно чошаткыса социализм лэсьтонэ. ЦК-лэн инструкторезлэн Густы эшлэн докладэз. Ижевск, 1930. С. 14—15.

совой борьбы, а как одна из противоборствующих классовых сил.

Что касается конкретного Лудорвайского дела, литературы о нем, казалось бы, более чем достаточно ¹⁶⁷, но полностью рассчитывать на объективность в ней данных, по-видимому, не следует. Вызывают недоумение отдельные цифры, интерпретация фактов. К примеру, в отдельных публикациях фигурируют данные о 300 выпоротых крестьянах ¹⁶⁸, между тем в республиканских газетах, освещавших ход следствия по Лудорваю, в ряде других изданий названы цифры вдвое меньше ¹⁶⁹. В настоящее время появляются публикации, в которых сделана попытка дать объективную оценку событиям в Лудорвае ¹⁷⁰. Думается, дальнейшие исследования, введение в научный оборот новых рассекречиваемых документов по истории коллективизации в Удмуртии позволят восстановить реальную картину драматических событий в удмуртской деревне 1930-х годов.

¹⁶⁷ См., например: Родэн Д. Указ. соч.; Главатских С. От Лудорвая к сплошной коллективизации. Ижевск, 1931; Ямушкин В. Классовая борьба и кенеш в современной удмуртской деревне // СЭ. 1932. № 5—6.

¹⁶⁸ Данилов В. П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. М., 1958. С. 125; Шибанов К. И. Социалистическое преобразование удмуртской деревни. Ижевск, 1963. С. 45.

¹⁶⁹ Ижевская правда. 1928. № 288; Огонек. 1928. № 44.

¹⁷⁰ Мусская И. И шла коллективизация... // Пропагандист и агитатор. Ижевск, 1989. № 12—14; Куликов К. И. Удмуртская автономия: Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990.

Глава II. ПОЗЕМЕЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ УДМУРТСКОЙ ОБЩИНЫ

§ 1. Уравнильно-передельное землепользование

Поземельно-хозяйственную структуру общины — бускель — составлял земельный надел, совокупность необходимых для сельскохозяйственного производства угодий — пашенных, сенокосных, лесных, усадебных, — юридически являвшихся собственностью государства, но фактически находившихся во владении крестьян-односельчан. Распоряжение земельными угодьями через уравнильные переделы составляло экономическую основу общины, здесь проявлялась ее суть как соседского союза индивидуальных держателей земли.

Передельную функцию удмуртская община, по-видимому, приобрела под давлением государственной политики, ряда правительственных мер (в частности, Генерального размежевания), замыкавших хозяйство удмуртских деревень определенными территориальными границами, а также в силу «хозяйственных и агротехнических причин, прежде всего трехполья как наиболее рациональной системы полеводства при все более сужавшемся количестве удобной земли у крестьян»¹.

Община, проводя переделы, с одной стороны, наделяла каждую крестьянскую семью тем количеством земли, которое соответствовало записаным за этой семьей земельно-раскладочным единицам — «душам»*, с другой, определяла размеры повинностей общинников в целях выполнения своих фискальных задач перед государством. При этом она брала во внимание хозяйственную и экономическую силу крестьянских семей, земля оставалась в их пользовании до тех пор, пока они были в состоянии нести за нее соответствующие повинности. Как отметил В. А. Александров, «земельное перераспределение прежде всего проводилось в целях обеспечения тяглых обязанностей всей общины в целом, а не ради удовлетворения потребностей или хозяйственных устремлений отдельных крестьянских дворов»².

Кроме того, регулируя эксплуатацию общедеревенских угодий, община осуществляла воспроизводство хозяйственных традиций,

* «Души», на которые начислялась земля, могли быть «паличные», т. е. реальные, и «ревизские», переписанные в ходе ревизии и со временем терявшие реальное значение.

¹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII—начало XIX в.). М., 1976. С. 182.

² Александров В. А. Указ. соч. С. 317.

без чего процесс сельскохозяйственного производства был бы просто невозможен.

Составными частями передельного механизма общины были общие (коренные), проверочные и частные переделы. Решение о перераспределении земель принималось сходом. Он собирался зимой, за несколько месяцев до передела, на нем обязаны были присутствовать все домохозяева. Сход устанавливал конкретный срок проведения передела, выбирал уполномоченных для измерения земельных наделов, определял категории угодий, подлежащих перераспределению, размер душевого надела и т. д. Крестьяне относились к переделу как к крайне важному делу, в котором не должно быть допущено никаких неточностей, злоупотреблений и обид.

Коренной передел в большинстве удмуртских общин проводился после очередной ревизии, т. е. через 10—12—15 лет³. Душевой надел при этом равномерно распределялся по трем полям, так как в удмуртской общине господствовал трехпольный севооборот⁴. Поля эти состояли из земель неодинакового качества, находились на разном расстоянии от селения, поэтому их делили еще на более мелкие участки, которые назывались конами, клинами, ярусами (утьым, рад, дасо)⁵. Чем большим разнообразием почвы отличалось поле, тем большее количество участков выделялось на нем. Г. Е. Верещагин отмечал, что в деревне Ляльшур Сарапульского уезда во всех трех полях насчитывалось 93 кона⁶.

Внимательное отношение к земле и многовековой опыт ее возделывания позволяли удмуртам довольно точно определять качество почвы. С. К. Кузнецов в своей работе «Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии» заметил, что «вотяки — усердные хлебопашцы, хорошо умеющие разобрататься в качествах почвы, такой подробной терминологии обозначения общин и специальных свойств пахотной земли нет ни у черемис, ни у татар». Для примера он привел несколько терминов, обозначавших качество почвы: «Старое выпаханное место с совершенно бесплодной землей — «кыршам», ровный, как скатерть, гладкий участок пашни — «чочат», низкое, потное место, где даже в засуху бывает урожай — «пукыль», вновь расчищенная тучная земля — «сайкос», а запущенная под сенокос лесная рос-

³ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 48, 64, 69, 100, 101, 105.

⁴ Там же, л. 48, 67, 105, 119, 128, 131, 136.

⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 48, 100, 105, 108, 134.

⁶ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 117.

чисть' — «сайкем»⁷. Знание особенностей сельскохозяйственных угодий способствовало выработке коллективного мнения, на каких участках целесообразнее высевать ту или иную культуру, какую сохранять норму глубины вспашки, количество вспашек того или другого участка и т. п.

Каждое поле и даже коны имели свои топографические названия, являвшиеся своеобразным источником информации об общине или, по словам С. Кузнецова, «живой летописью общины». В подтверждение своей мысли он привел некоторые названия полей и участков одной из общин Мамадышского уезда: «Бусы вьсь — поле, где при начале пашни совершается жертвоприношение, Эшмат луд — Эшматова родовая роца (она давно распахана), кабак выр — участок, который из-за малой величины как непригодный для передела, всегда пропивался миром (как и большинство небольших отрезков), мынё ватон — место, где по принятии христианства вотяки побросали своих идолов»⁸.

Каждый кон поля делился на душевые полосы — ана. Нередко количество полос в одном хозяйстве доходило до 30—40 и более, что нашло отражение даже в устном народном творчестве:

Лудлы быдэ дас вить ана,
Гырим-кизим ми вазен.
Лудлы быдэ дэра пасьта —
Узыр улём межаен.

В каждом поле по 15 полос
Пахали-сеяли мы раньше.
В каждом поле в ширину
холста —
Богато жили межами⁹.

Чересполосица сильно мешала крестьянскому хозяйству и приводила к принудительному севообороту, но та же чересполосица при всех ее недостатках в условиях низкого уровня агротехники в трудные годы помогала общиннику «продержаться», «перебиться»: имея участки в разных местах, он мог рассчитывать на ежегодный средний урожай. В засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый — на возвышенных местах¹⁰.

Община строго следила за эксплуатацией общедеревенских пахотных угодий и в случае необходимости принимала меры наказания к тем членам, которые проявляли небрежность в обра-

⁷ Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии. М., 1905. С. 31, 32.

⁸ Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 33—34.

⁹ РФ УИИЯЛ УрО РАН, д. 254, оп. 3, л. 11.

¹⁰ Анфимов А. М., Зырянов П. Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период // История СССР 1980. № 4. С. 28.

ботке своих участков. Так, крестьяне Быдзимошурского сельского общества Глазовского уезда во время передела земли в 1883 г. отказали в нарезке удобренных полос своему однодеревенцу и вновь выделили ему прежние полосы в качестве наказания «за запущение их по нерадению». Такая жесткость общины объяснялась ее стремлением пресечь попытки отдельных лиц отклониться от установленных норм обработки земли и сохранить преемственность в сложившихся традициях. Немаловажную роль в данном случае сыграла и индивидуальная репутация самого общинника, который в свое время без разрешения схода, «по собственной воле уезжал для приискания места в Уфимской губернии»¹¹. «Нерадение», своеволие и неподчинение общинника авторитету мира оказались весьма достаточным поводом для формирования решения соседей.

Иногда при переделах община несколько клинов соединяла в один. Делалось это в случае сильного истощения земли, а также, чтобы избежать дробления поля на чересчур мелкие клины. Соединение конов допускалось и при большой прибыли душ в селе, когда единица дележа — душевой надел — оказывалась слишком узкой: «так, что душевые полосы сделаются даже уже бороны»¹².

Передел пашины всегда проводился только в паровом поле и поэтому длился 3 года, пока озимое и яровое поля при трехпольном севообороте не становились паровыми¹³.

Дробление кона на полосы совершалось с помощью веревки, на которой узлами или цветными лоскутами отмечались аршины и сажени. Обычно употребляли 10-саженную веревку, но чаще пользовались самодельной деревянной саженью в виде печатной буквы А, боковые стороны которой были по 1 сажени *, а расстояние между ножками равнялось 1 аршину **. Этот самодельный оригинальный инструмент был прост и удобен в употреблении, легок в переноске¹⁴.

В зависимости от ландшафта окружающей местности длина полос в кону колебалась от 20 до 200 сажен. Ширина полосы зависела от формы кона: чем шире кон, тем шире полоса, но в конечном счете ширина полос каждого домохозяина зависела от того, на сколько душ он получал землю. На одну душу в удмурт-

* 1 сажень = 213,36 см.

** 1 аршин = 71,12 см.

¹¹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, л. 578, л. 3—5.

¹² ГАКО, ф. 574, оп. 1, л. 834, л. 134.

¹³ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, л. 858, л. 5.

¹⁴ Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 34.

ских общинах в среднем выделялось от 1 до 3 сажен в ширину¹⁵. По Г. Е. Верещагину, в общине Ляльшур длина полосы доходила до 60 сажен, а в ширину на каждую душу отрезалась земля от 2 до 4 сажен¹⁶.

Полосы в большинстве удмуртских деревень располагались параллельно и чаще не вдоль дорог, а поперек, что в определенной мере облегчало к ним доступ.

Распределение земли между общинниками производилось путем жеребьевки. Г. Е. Верещагин в своей статье описал оригинальный способ жеребьевки с помощью бирок с обозначенными на них семейными знаками — тамгами. Во время передела бирки клались в чью-нибудь шляпу и перемешивались, затем легким ударом или щелчком вытаскивалась одна из бирок. Хозяину этой бирки первому нарезался земельный надел на его души. Таким образом процедура продолжалась до последней бирки. Если из шляпы выпадали сразу 2—3 бирки, их клали обратно и метали жребий снова или хозяева бирок проводили жеребьевку между собой: «Один из них берет в руку палку длиной около 1 аршина и держит ее за нижний конец вертикально, взявши в кулак. Другой берет таким же образом, кладя руку на руку первого, за этим берет третий. После этого державший снизу кладет руку на верхнюю, а следующий за ним опять на его руку и т. д. Таким образом, кулаки по очереди поднимаются все выше и выше. Кому пришлось взять палку за верхний конец, тому и должна быть полоса»¹⁷.

Судя по отдельным данным, не все переделы земель проходили мирно, порой со стороны общинников высказывались протесты и даже оказывалось сопротивление. Так, отец и сын Санниковы из деревни Елох Малмыжского уезда во время передела земель в 1901 г. отказались передать односельчанам часть ярового поля, отошедшую от них, и «межевые знаки, отделяющие одну полосу от другой и поставленные сельским старостой и уполномоченными от схода, повыдергали, угрожая каждому, кто будет пахать их землю, рубить, притом отец держал в руках топор»¹⁸. По словам Г. Е. Верещагина, «ссоры и драки при дележе земель в вотских селениях ныне не редкость»¹⁹. Крестьянин деревни Золотаревской Глазовского уезда В. Золотарев в 1880 г. жаловался в волостной суд, что «сосед его Антон Золотарев на поле ударил его в правую руку саженью, которою они меряли землю, и от

¹⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 49, 64, 105, 106, 108, 111.

¹⁶ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 117—118.

¹⁷ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 114—115.

¹⁸ ГАКО, ф. 716, оп. 2, д. 152, л. 263.

¹⁹ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 119.

удара рука его теперь не владеет, потом брат Антона схватил его за бороду и теребил, наконец оба вместе наносили ему жестокие побои»²⁰.

В фонд, подлежащий переделу, попадали не все пахотные угодья общины. Из практики переделов исключались «блячные» поля и новоросчистные земли. На новоросчисти распространялось право «частного» распоряжения, основанием к чему служил вложенный по освоению земли труд. Во многих общинах из жеребьевки изымались удобренные полосы: зажиточные слои деревни, удобряя свои земли, добивались права постоянно сохранять их за собой. Так, в общине Ляльшур во время коренного передела в 1892 г. удобренные полосы остались за прежними хозяевами, а жеребьевке подверглись только неудобренные земли²¹.

Коны и полосы отделялись межами, как правило, очень узкими. В краеведческой литературе второй половины XIX в. отмечалось, что «в древности вера в языческих божеств была сильнее, и межи между полосами оставались вдвое шире, чтобы можно было прохаживаться по ним Утысю, Кылдысину и прочим духам-покровителям полос и меж»²². Едва ли сужение меж между полосами можно объяснить только падением религиозных нравов и ослаблением язычества, это, скорее всего, результат того, что Генеральное межевание 1804—1835 гг. и последующие узаконения по земельному вопросу ограничили земельный фонд общин и создали искусственную «земельную тесноту».

Получив полосы, каждый домохозяин на меже ставил кол со своим семейным знаком: переменить или сместить кол никто уже не имел права, в противном случае это было бы расценено как мошенничество. В отдельных случаях община разрешала обмен полосами между домохозяевами, а именно в целях облегчения доступа к наделу и сокращения времени на переходы. В обмен поступали только равноценные по качеству полосы²³.

В практике переделов крестьяне часто сталкивались с необходимостью вычисления площадей участков, имевших самые различные формы. И тут, благодаря трудам Г. Е. Верещагина и С. К. Кузнецова, мы имеем возможность ознакомиться с приемами удмуртского землемерного искусства, которое, если и не отличалось высокой точностью, все же было очень практичным. Напри-

²⁰ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 132, л. 4.

²¹ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 93—94.

²² Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 119. См. также: Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 34; Пераухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. С. 7.

²³ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 119.

мер, при вычислении площади кона, имеющего форму прямоугольного треугольника, одна сторона его принималась за основание, другая — за высоту, их произведение делилось на два, и частное принималось за число квадратных сажений, заключающихся в треугольнике. При вычислении площади, имеющей форму параллелепипеда, за число квадратных мер площади принималось произведение основания на боковую сторону. Вычисление площади круга удмурты производили путем удвоения длины диаметра круга²⁴. Избежать погрешностей при подобных приемах не всегда удавалось (например, в двух последних вышеприведенных случаях они совершенно явны), поэтому время от времени возникала необходимость проведения проверочных переделов: обделенные члены общины настаивали на справедливом наделении их земель. Г. Е. Верещагин о проверочных переделах писал следующее: «Наделы поверяются обычно по жалобам членов общины. Обделенный обращается к местному сельскому старосте, чтобы приказал общине проверить наделы каждого члена, или же обращался к деревенским десятским о созыве схода. Не сразу все соглашаются на поверку, особенно те, кто имеет лишнюю землю и знает об этом. От жарких споров в конце концов община на сходе по большинству голосов решает произвести поверку»²⁵. В результате обмера пострадавшему выделялся соответствующий участок из запасного фонда, если таковой имелся, или отрезался от однодеревенца, пользовавшегося излишним количеством земли.

В промежутках между коренными переделами крестьяне периодически проводили частное перераспределение земель, так называемые «свалки-навалки» или «скидки-накидки». Главное отличие частных переделов от коренных состояло в том, что первые проводились в тех случаях, когда с ростом населения менялся состав только отдельных крестьянских дворов, т. е. небольшой части общины, если же изменения охватывали большинство ее членов, проводился общий передел. В. А. Александров заметил, что общие переделы внутри общины осуществлялись в крайних случаях, когда нужно было привести все земельное хозяйство в соответствие с возможностями и потребностями всех домохозяев, входивших в общину. «Основу же повседневной тягло-земельной общинной практики составляло не общее, а частное перераспределение, что можно признать определенным типом общинного землепользова-

²⁴ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 120—123; Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 36—38.

²⁵ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков...

ния, возникшим в условиях ограниченного количества годных к хозяйственному освоению угодий»²⁶.

При «свалках-навалках» установленные границы наделных полос не менялись, количество и размеры душевых наделов в общине оставались неизменными, они просто передавались из одной семьи в другую. На сходе крестьяне решали, сколько душевых паев и кому именно нужно прибавить, а у кого отобрать. Практика передачи земли из одной семьи в другую давала возможность общинам избегать довольно сложных и чреватых столкновениями и противоречиями общих переделов. Но со временем постепенный прирост населения приводил к тому, что численность членов общины, имевших право на надел, начинала превышать количество душевых наделов, появлялось целое поколение «заревизской» молодежи, нуждавшейся в земле. Назревала необходимость в новом коренном переделе с расчетом количества наделов и их размеров на новое число душ и ломке межей. Вот, к примеру, каким образом объяснялась необходимость нового коренного передела в приговоре крестьян деревни Выше Богатырской Глазовского уезда в 1885 г.: «...многие домохозяева, вошедшие в X перепись, уже вовсе не в силах окупать подати, а некоторые умерли, и в семействах других домохозяев после X ревизии вновь родились дети, уже полные работники, но не вошедшие в перепись и не пользуются землею»²⁷.

Анализ крестьянских приговоров показывает, что отсутствие коренных переделов со времени X ревизии (1858 г.) весьма характерно для большинства удмуртских общин. В 80—90-х гг. XIX в. эти переделы проходят подобно цепной реакции, в ходе которых общины принимают приговоры о возможных переделах на будущее примерно через 10—15 лет. В данном случае, по-видимому, в какой-то мере сказалось принятие закона от 8/VI 1893 г., по которому общины могли производить переделы не ранее чем через 12 лет²⁸, но согласно архивным данным удмуртские общины свои переделы в более короткие промежутки обычно и не проводили. А в пореформенный период наблюдается даже удлинение сроков между коренными разверстками земель. Так, к 1912 г. в Вятской губернии насчитывалось 36% селений, в которых в течение предыдущих 24 лет переделов не было. В Сарапульском и Глазовском уездах процент селений, где переделы не проводились в течение 25—30 лет, был еще выше²⁹.

²⁶ Александров В. А. Указ. соч. С. 238.

²⁷ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 858, л. 5.

²⁸ ПСЗ. Собр. 3. Т. 13, № 9754.

²⁹ Мартынова М. М. Удмуртская община (бускель) в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 319.

Переделы как общие, так и частные вызывались необходимостью выравнивать количество земли, имеющееся в пользовании отдельных семей, и были призваны обеспечить каждому домохозяйину равноправные экономические возможности наряду с другими членами сельского общества. Но полного уравнивания земли в общине не происходило, так как земля давалась только мужчинам, женский состав семьи не учитывался. Поэтому обычно бывало так, что численно равные семьи получали разное количество земли³⁰. По меткому выражению В. И. Ленина, «кажущаяся уравнительность общин только прикрывает величайшую неравномерность распределения внутри общин»³¹.

При выходе из общины или приеме в нее новых членов передел земель не проводился. Г. Е. Верещагин писал, что «если выселяющиеся сами найдут желающих снять их наделы, то община не вмешивается ни в какие дела, лишь бы подати уплачивались и натуральные повинности исправлялись. Если же выселившиеся формально не перечислены, они продолжают отвечать за исправный платеж податей и исправление натуральных повинностей. Их даже на стороне находят через начальство и обязывают уплатить подати»³². Если переселение совершалось с согласия общины, она брала на себя земельный надел выселившегося и распоряжалась им по своему усмотрению. По решению мира надел мог быть разделен между всеми односельчанами, сдан в аренду, выделен только одному члену, пользующемуся неполным наделом, на него мог быть принят новый общинник, а иногда участок оставался совсем без обработки³³. Такая «подвижность» наделовой земли тормозила тенденцию к концентрации общинной земли в руках деревенской верхушки.

Вновь принятому члену общины участок выделялся на концах полос в каждом клину, или он принимался на участки убылых или умерших душ, не вышедших из ревизии, платил за них подати и пользовался землей на эти души. Иногда новый общинник платил подати за значительно большее число душ, чем того требовал выделенный ему участок. Так, новожил А. Бяков, принятый в починок Годекшур Глазовского уезда, подати платил за 4 ревизские души, а земельным наделом пользовался только на полдуши³⁴. Часто новичкам приходилось довольствоваться истощенными участками, находившимися близко к селению и легко потра-

³⁰ Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 91.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 87.

³² Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 129.

³³ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 64, 69 об., 70, 100, 101, 105, 108.

³⁴ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 581, л. 6.

лявшимися скотом, или, наоборот, дальними неудобными землями. Полный надел на все свои души новый домохозяин мог получить, если община имела много земли и не страдала от малоземелья, или если он вносил что-то вроде вступительного взноса, например: «сделал одновременное иждивение бедняку: внес за него казенную недоимку, уплатил мирские сборы, заплатил его долги»³⁵ (своего рода «покупка» права пользования земельным наделом).

После передела совокупность деревенских угодий традиционно обводилась межой или изгородью в целях защиты их от потравы домашним скотом. Обязанность устройства и поддержания в порядке общественной изгороди возлагалась на каждого домохозяина общины. По меже, отделявшей владения соседних деревень, изгородь ставилась по взаимной договоренности. Например, в Гыинской волости Глазовского уезда «изгородь исправляется тем селением, поле которого паровое и пасется скот, а при некоторых селениях — по равной части тем и другим»³⁶.

Исправление изгородей обычно проводилось весной, до начала посева яровых. Особые уполномоченные от общества измеряли окружность каждого из трех полей и вычисляли, сколько саженьей прясел приходится на каждую душу или надел земли. Потом каждый домохозяин должен был исправить участок изгороди согласно имевшемуся у него числу душ, при этом он помещал изгородь своей тамгой. Для наблюдения за исправностью изгородей в некоторых селениях избирался на год специальный человек, в других эту обязанность выполнял староста. Если при обходе полей замечались неисправные прясла, по тамге находили виновного домохозяина и заставляли исправлять повреждения, в противном случае он подвергался наказанию.

Во многих селениях, чтобы удержать скот от потрав, «въезд и выезд из селения обносились забором или плетнем и ставились ворота. Кто оставит ворота открытыми, штрафуются до 3 рублей. В других селениях у таких ворот есть сторожа, нанимаемые целым обществом. За недосмотр их штрафуют или увольняют»³⁷. Некоторые общины устраивали специально огражденные с двух сторон проходы для скота от деревни до самого леса, которые около леса запирались, чтобы скот не мог вернуться в деревню раньше положенного времени. Пастуха прежде нанимали только для овец, которые паслись отдельно от рогатого скота. Со временем, когда леса постепенно вырубались и удалялись от селений,

³⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 101.

³⁶ ЦГА УАССР, ф. 113, оп. 1, д. 47, л. 5.

³⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 60.

для рогатого скота стали нанимать пастухов³⁸, которых выбирали из своей деревни или нанимали из чужой на сельском сходе на весь срок пастбы от ранней весны до поздней осени. Общая договорная плата распределялась на каждое хозяйство в зависимости от количества скота, сданного на выпас. Содержание, кормление пастухов, предоставление им ночлега тоже лежало на обязанности домохозяев и было пропорционально количеству скота. За пастбу одной коровы или двух овец полагалось кормить пастуха обедом³⁹.

Пастухи несли полную ответственность перед общиной и отдельными крестьянскими хозяйствами за пропажу скота и траву полей. Если пастух допускал траву полей или лугов, он подвергался штрафу в пользу пострадавшего домохозяина. Сумму произведенной травмы определяло общество; в некоторых селениях Елабужского уезда штраф доходил до 10 рублей⁴⁰. Нередко травмы происходили не по вине пастухов, а по невнимательности, нерасторопности и нерадению самих домохозяев. В таких случаях, «если травма не сильная, то обычно с хозяев скота выпивается общиной четверть водки и дело кончено, но если травма сильная, с хозяев скота взыскиваются деньги или по соглашению, или через волостной суд»⁴¹. Обычно больше денег старались взять с крестьян другой деревни. Если общинники обнаруживали на своем хлебном поле скот из чужой деревни, они запирали его в хлеву у кого-нибудь из односельчан, обычно у десятского, и уведомляли хозяев скота, чтобы они выкупили его. Для оценки произведенной травмы собирались старосты и понятые из обеих деревень и осматривали поля. В сумму оценки вносились и затраты на прокорм задержанного скота. Так, с крестьян починка Лысковского Глазовского уезда Степана и Даниила Лысковых, свиньи которых потравили картофельные поля 8 жителей починка Юдинского, было взыскано 16 руб.: 10 руб.— за траву, 6 руб.— за прокорм животных в течение месяца⁴². Травма, произведенная скотом крестьян деревни Кычановской Глазовского уезда в яровом поле жителей починка Матвеевского, была оценена «в 85 пудов, а полагая за каждый по существующей в то время цене по 45 копеек, всего на сумму 38 руб. 25 коп.»⁴³

В состав общинных угодий входили также усадебные места —

³⁸ Козлова К. И. Указ. соч. С. 92.

³⁹ Там же. С. 93.

⁴⁰ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 59.

⁴¹ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков. С. 144.

⁴² ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 462, л. 1—1 об.

⁴³ Там же. Д. 321, л. 3.

гуменники, телятники, огороды, задворки, собственно дворовые участки. Согласно архивным данным, усадебные места по своему положению приближались к «частному» владению и переделам не подвергались. Вот наиболее типичные ответы на анкету РГО: «усадебные и огуменные земли не переделаются» (Елабужский уезд), «усадебные и огуменные земли не переделаются, вновь принятому члену общества усадебные и огуменные земли по заведенному обычаю отводятся в конце селения» (Сизнерская волость Малмыжского уезда), «усадебная и огуменная земля никогда не переделаются, а передаются из поколения в поколение» (село Цыпья Малмыжского уезда), «усадебная и огуменная земля не переделаются, разве только за переходом крестьянина в другое звание или перечислением законным порядком в другую местность» (село Полом Глазовского уезда)⁴⁴.

Выморочная усадьба поступала в распоряжение общины, и она могла продать ее или пустить на нее нового домохозяина. Так, в деревне Нелюбинской Глазовского уезда в 1892 г. по приговору сельского схода было продано «запасное одворичное место односеленцу С. Шкляеву с уплатой денег в общество 21 руб. 50 коп. и с условием, что за эту одворицу Шкляев будет нести все натуральные повинности». Причина продажи объяснялась тем, что «изгородь этого запасного места валится и поправлять ее некому»⁴⁵.

По размерам усадебные места общинников были разные. Г. Е. Верещагин писал, что «дворы и одворицы не у всех одинаковые. Чьи предки каким пространством владели издавна, те места и остались за наследниками. Это же нужно сказать об огородах и телятниках»⁴⁶. К сожалению, мы не имеем архивных данных о размерах усадебных участков, но можем сослаться на сведения В. П. Тихонова, относящиеся к Сарапульскому уезду. По его данным, в этом уезде усадебные участки встречались размером 7×40 сажен, 25×35 сажен, 15×45 сажен, наиболее часто — 15×30 сажен⁴⁷.

Право «собственности» на «одворичное место» прочно коренилось в сознании крестьян, и при малейшем нарушении усадебных границ возникали иски, рассматриваемые миром. Если иски ока-

⁴⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 49 об., 116, 129, 136.

⁴⁵ ЦГА УАССР, ф. 76, оп. 1, д. 263, л. 101—101 об.

⁴⁶ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 106.

⁴⁷ Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. Ч. 1 // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. 3. Приложения. С. 32—58.

зывались справедливыми, община становилась на сторону потерпевшего и принуждала соседа-нарушителя восстановить старую границу⁴⁸.

При перепланировках, особенно после деревенских пожаров, община имела право распоряжаться усадебными местами, но с возмещением убытков за снос или перенос строений.

В начале XX в. в некоторых селениях были установлены определенные размеры усадебных участков и лишняя земля отрезалась в общее пользование⁴⁹.

Регулятивная функция общины активно проявлялась также по отношению ко всем видам сенокосов, которые по хозяйственной значимости стояли на втором месте после пахотных угодий. Согласно архивным данным, луга распределялись в те же годы, что и поля. К их разверстке обычно приступали в июне, к моменту наибольшей сочности и густоты трав. Выборные от общины осматривали луга, в зависимости от качества трав делили на участки и измеряли их. В одних общинах сенокосы делились на три участка: лучший, средний и худший, в других — на два: лучший и худший⁵⁰. Участки назывались «заполосками», «гривами», «повытками», «пожнями» или «делянками»⁵¹. Каждый домохозяин в зависимости от количества ревизских или наличных платежных душ во всех участках получал душевые полосы. Ширина полос измерялась веревкой, палкой или саженью. К примеру, в селе Цыбья Малмыжского уезда измерение полос производилось веревкой длиной в 5 сажень, почему и сама мера длины называлась «веревка». На одну душу отводилась полоса шириной в одну веревку⁵². В большинстве удмуртских деревень самые узкие душевые полосы сенокоса равнялись 1—4 саженьям⁵³. Распределение полос производилось путем жеребьевки. При этом отдельные общины придерживались следующего порядка: «при недостатке лучших участков, некоторые домохозяева с общего согласия получали большие по размеру полосы в худшей части луга, против тех, кто получил в лучшей части»⁵⁴. Некоторые общины, владевшие большими покосами, качество лугов не брали в расчет и выделяли сенокосные деланки не пополосно, а участками в одном месте⁵⁵.

⁴⁸ Александров В. А. Указ. соч. С. 235.

⁴⁹ Козлова К. И. Указ. соч. С. 91; ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 64.

⁵⁰ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 129, 135.

⁵¹ Там же. Л. 67, 49 об., 105, 107.

⁵² Там же. Л. 100, 129, 131.

⁵³ Там же. Л. 6, 100, 131.

⁵⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 131.

⁵⁵ Там же. Л. 135.

В ряде общин на покосы, образованные силами отдельных семей путем расчистки неудобных земель, распространялось право «частного» пользования: «если крестьянин, имевший большое число душ в семье, собственным трудом образовал покос из-под леса, болота, кочкарника, ему делается снисхождение и дозволяется владеть покосом без передела»⁵⁶.

Г. Е. Верещагин писал, что иногда несколько семей имели общие артельные покосы, доставшиеся им по наследству от предков. На таких участках «траву косят сообща, причем каждый пайщик на покос доставляет то число рабочих (косцов), которое должен доставить сообразно с числом владеемых частей. Сено складывается на взгляд в равномерные копны весом около 6—7 пудов каждая, и эти копны делят между собой пайщики... Так же косится, убирается и делится сено в общих телятниках и около гуменников»⁵⁷.

Практика выкашивания сена небольшими артелями иногда распространялась на всю общину. В таких случаях общинники объединялись в более крупные единицы — пай; например, в каждый пай входило 10 душ. Луга делились на пай. Каждый пай выкашивался совместно входившими в него семьями, а потом высушенное сено делилось между ними копнами по душам. Иногда крестьяне сами делили пай по душам, и каждый убирал сено отдельно⁵⁸.

На пустошах, лужайках, в лесах, возле дорог трава выкашивалась без всякого дележа, кто сколько сможет.

Общинные земли, находившиеся в индивидуальном пользовании отдельных семей, некоторое время года использовались коллективно всеми общинниками. Сюда в первую очередь относилось поле, оставленное под пар, а также луга после сенокосов, озимые и яровые поля после уборки урожая, используемые в качестве общего пастбища.

Лесные наделы в пользовании удмуртских общин были двоякого рода: «одни исключительно для постоянного обеспечения крестьян дровяными и строевыми материалами под названием лесного надела под условием платежа лесного налога, а другие — для дополнения прежнего надела по недостатку полевых и сенокосных угодий с возложением на общества платежа дополнительной оброчной подати»⁵⁹. Дополнительный лесной участок являлся своего рода резервом, за счет которого можно было расширить

⁵⁶ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 117.

⁵⁷ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 143.

⁵⁸ Козлова К. И. Указ. соч. С. 91.

⁵⁹ ГАКО, ф. 744, оп. 1, д. 17, л. 7 об.

площадь пахотных и сенокосных угодий общины, если она в этом испытывала нужду. Лесом с этого участка крестьяне могли распорядиться по своему усмотрению, были вправе даже продавать его (если, конечно, казенное управление не оставляло за собой право продажи леса в пользу казны), тогда как продажа леса и строевого материала с податного лесного участка запрещалась. В податном лесном участке также не разрешалось делать расчистки и обращать их в хозяйственные угодья, производить сплошную вырубку лесного массива. Несмотря на эти запреты, многие общины вырубали свои лесные наделы, можно сказать, «под корень» и, оказавшись без леса, были вынуждены просить Вятское управление государственных имуществ разрешить им обменять участки: лесной податной участок превратить в пашню и сенокос, а дополнительный лесной участок оставить в качестве лесного запаса. Именно с такой просьбой обратились крестьяне деревни Верхние Алнаши Елабужского уезда в Вятское казенное управление государственных имуществ в 1891 г.: «податной лесной участок «А» в настоящее время представляет весьма истощенное насаждение, где крупного леса почти нет совсем, земля в этом участке, если бы ее расчистить, была бы весьма удобна под пашню, а участок «В» имеет лучшее насаждение и представляется менее выгодным для пашни, а лучшим для охраны как лесной податный участок», и далее изложена просьба произвести обмен участков⁶⁰.

Согласно архивным данным пользование лесом в большинстве удмуртских деревень строго не регламентировалось, было «вообще, безо всяких различий», «с обоюдного между собою согласия, порубка — согласно потребности», «в общем пользовании, все жители рубят где и как хотят, запасной рощей пользуются также без ограничения». Но в то же время ряд документов свидетельствует, что в общинах, имевших мало леса, «домохозяева лесной участок делят между собой, так сказать, корнями и хворостом»⁶¹. В одних общинах лес делился на участки, и пользование ими было по числу платежных душ, в других лесные полосы выделялись домохозяевам «по равному числу бревен и равной части хвороста без расчета числа душ»⁶². Например, крестьянам села Юськинского Глазовского уезда по приговору сельского схода, принятому в 1894 г., разрешалось вырубать по 1 куб. сажени дров на одну платежную душу, а жителям починка Усть-Кузьминского того же

⁶⁰ ГАКО, ф. 1295, оп. 1, д. 26, л. 3—3 об.

⁶¹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 50, 67, 70 об.; ф. 1295, оп. 1, д. 26, л. 104.

⁶² ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 105, 167, 131.

уезда — 2 куб. сажени на каждую семью независимо от количества платежных душ⁶³.

Кустарник вырубался по желанию домохозяев, без всяких разделов, однако орешник рубить не разрешалось, «как могущий принести хорошие выгоды в урожайный год»⁶⁴.

Общества, не имевшие леса, таким пользовались из казенных дач, «предназначенных к отпуску крестьянам по билетам лесного ведомства»⁶⁵.

Как при нераздельном, так и пополосном (по числу платежных душ или по равной части на каждую семью) пользовании лес вырубался крестьянами довольно беспощадно. Лесничие и лесные ревизоры постоянно сообщали в Вятский лесоохранительный комитет о нарушениях лесного устава и опустошительных вырубках лесных участков. Так, в донесении лесного ревизора о результатах расследования податного лесного участка крестьян деревни Старая Омга Малмыжского уезда в 1890 г. писалось: «Рубку в лесном наделе следует признать опустошительною на всем пространстве участка и поэтому необходимо запретить дальнейшее пользование растущим лесом с обязательством немедленно приступить к уборке валежника». Далее ревизор сообщал, что, несмотря на запрет, крестьяне постоянно делали расчистки в лесном податном участке и вырубывали лес для продажи лесопромышленникам, «чтобы улучшить свое бедственное положение»⁶⁶. Сами сельские общества, начав испытывать нужду в лесе, а также под давлением местных властей стали принимать специальные приговоры о порядке пользования лесом, более строго контролировать деятельность лесных сторожей, жестче наказывать самовольных порубщиков. Вот, к примеру, приговор, принятый крестьянами деревни Старый Ошмес Елабужского уезда в 1900 г.: «...из лесного надела, принадлежащего селению в количестве 52 дес. делать ежегодные (или по мере надобности) вырубки по частям, не более 1/50 части всего надела в год, так, чтобы когда дойдет очередь до последней части, первая часть успела бы уже за это время подрасти и быть готовой к новой вырубке... Вырубку производить не сплошную, а вырубать только деревья толщиной от 6 вершков (в комле) и более, причем вырубленную часть немедленно очищать от сора, сучьев и хвороста. Назначенную к ежегодной вырубке часть лесного надела распределять между домохозяевами по числу земельных наделов, наличных душ, по дворам — смотря по тому, как будет удоб-

⁶³ ЦГА УАССР, ф. 114, оп. 1, д. 34, л. 18, 20.

⁶⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 129.

⁶⁵ Там же. Л. 136.

⁶⁶ ГАКО, ф. 1295, оп. 1, д. 13, л. 8—9 об.

нее, правильное и равномерное, причем на каждую вырубку составлять особый приговор, а тех односеленцев, которые будут рубить лес без приговора, привлекать к уголовной ответственности как самовольных порубщиков»⁶⁷. Очень часто самовольных порубщиков по решению сельских сходов подвергали денежному штрафу в пользу мирского капитала.

Согласно архивным данным, иногда лесные участки выделялись в общее пользование нескольких деревень. Например, деревни Пелямыш и Мандык Елабужского уезда имели в общей лесной даче 12,07 дес., деревня Кузубаево и починок Пожог тоже владели общим лесным наделом⁶⁸. Наличие общих лесных дач усложняло отношения между селениями. Часто возникали противоречия и споры по поводу порядка пользования общим участком. Так, починок Тольен и деревня Горд Яр Глазовского уезда имели в общем пользовании 145,94 дес. податного лесного участка. В 1890 г. жители Горд Яра подали жалобу в Глазовское уездное по крестьянским делам присутствие, что крестьяне починка Тольен «пользуясь тем, что лесной участок находится к ним на расстоянии 1/2 версты, а от д. Горд Яр в 4 верстах, хозяйствуют в этом участке совершенно самопроизвольно, чем наносят большой убыток, не гнушаются даже продажей леса посторонним лицам и пастьбою своего скота». Далее крестьяне просили разрешения разделить лесной участок по числу ревизских душ в селениях, после чего они могли бы огородить свой участок и заняться охраною леса⁶⁹.

Довольно часто междеревенские споры вспыхивали и по поводу пользования тем или иным участком поля или сенокоса. При этом, стремясь сохранить за собой спорные участки, общины часто прибегали к помощи права давности и обычая. Так, между крестьянами деревни Сулвай Какси и починок Колногородского и Обуховского Малмыжского уезда более десяти лет шел спор об участке земли в 306 дес. В 1873 г. жителям починок удалось выиграть спор, так как они на основе документальных данных доказали, что надел зачислен за ними, кроме того, они апеллировали к факту, что «данный участок с 1827 г. разрабатывали под пашню и при усиленных тяжких трудах привели его в лучшее состояние»⁷⁰. Крестьяне деревни Ермаковской Глазовского уезда, отстаивая свое право на пользование спорным сенокосным участком, в 1880 г. писали: «Жители починка Жужитшурского, нарушая грани-

⁶⁷ ГАКО, ф. 1295, оп. 1, д. 389, л. 2—2 об.

⁶⁸ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 4188, л. 155, 158 об.

⁶⁹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 1071, л. 1—2 об.

⁷⁰ ГАКО, ф. 20, оп. 1, д. 1586, л. 82—84, 86 об.

цу, проведенную за речкой Ю, на которой по межеванию в 1872 г. поставлены столбы, намереваются ныне накошенное за речкой Ю сено свезти в свою пользу, несмотря на то, что местом этим мы пользуемся не только с 1872 г., а даже пользовались ранее еще отцы наши»⁷¹. Порой междеревенские споры достигали такого накала, что дело доходило до рукопашных схваток. Так, между крестьянами деревни Жарниковской и починка Шкляевского Глазовского уезда из-за спорного сенокосного участка в 1870 г. «произошло на спорном месте буйство, а один из крестьян деревни Жарниковской был убит»⁷².

Пожалуй, лишь в этих междеревенских спорах, в защите своих владений от посягательств посторонних лиц и учреждений продолжало проявляться полное, коллективное единство общины; крестьяне годами вели тяжбы за спорные земельные участки, надеясь, что, выиграв дело, восстановят затраты за счет виновных.

Общинные водные ресурсы под действие уравнилельно-передельного механизма, как правило, не подпадали, но уж если возникла острая необходимость, община брала под свой контроль даже пользование водой из деревенского ключа. Так, С. К. Кузнецов в своей работе описал чрезвычайно интересный порядок пользования водой в деревне Студеный Ключ Мамадышского уезда Казанской губернии. Расположенная на горе, далеко от реки, и имевшая единственный ключ на всю деревню, община установила строгий порядок набора воды из ключа. В первую очередь, суточный приток воды в 200 ведер был разделен на 18 семей: «для утреннего и вечернего водопоя — 100 ведер, на приготовление кушанья — 50 ведер, на стирку белья и баню — 50 ведер, итого 200 ведер на 18 дворов, т. е. на двор 11 с небольшим ведер». Брать воду разрешалось только в определенное время суток: «утром поят крупную и мелкую скотину — часов около 3 утра летом и часов в 5 — зимой, часов в 9 утра берут на разные хозяйственные надобности по кухне, после полудня берут воду для стирки и бани, часов около 5 вечера и зимой немного раньше (в 4) — второй водопой скота. На недостаток воды не жалуются вообще, только зимой в морозы случается недостаток»⁷³.

Что касается пользования общинными рыбными и охотничьи-ми угодьями, к концу XIX в., по-видимому, происходит индивидуализация их эксплуатации, без какого-либо прямого регулирующего влияния общины, что можно объяснить общей убылью птицы, зверя, рыбы. Промысловыми угодьями пользовались те,

⁷¹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 494, л. 11 об.

⁷² ГАКО, ф. 20, оп. 1, д. 1538, л. 1—2.

⁷³ Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 47—48.

кто хотел: отдельные семьи, артели, даже жители других общин. Правда, судя по полевым материалам, массовый лов рыбы в деревенских прудах, в реках (в пределах их течения через какой-либо конкретный населенный пункт) «чужакам» все же не разрешался.

В целом, как видно из вышеизложенного, материалы второй половины XIX в. сталкивают исследователя с безусловно регулируемым земельным хозяйством общины — бускель. Общинный принцип владения землей являлся господствующим. Регулирование эксплуатации пахотных угодий, лесов, сенокосов, пастбищ служило механизмом передачи определенных сельскохозяйственных норм и навыков, отбора оптимальных для конкретных условий способов и приемов ведения производства. Соблюдение сложившихся эмпирическим путем традиций (подготовка к переделу земель, способы измерения площадей, жеребьевки, соблюдение обычно-правовых норм при решении спорных вопросов, знание и учет особенностей почв, климата, ландшафта и т. д.) способствовало максимальной приспособляемости удмуртских общин как к локальной специфике всего края в целом, так и к микролокальным особенностям каждой конкретной местности.

Возникновение новых социально-экономических явлений, связанных со становлением капиталистических отношений, наложило свой отпечаток на поземельные порядки в удмуртской общине. Основной сутью поземельного вопроса в этот период становится борьба между общинной и частновладельческой тенденциями. Этой борьбой объяснялись и многие изменения, происшедшие в действительности уравнительно-переделного механизма.

Для решения проблемы нехватки земель, проявившейся в конце XIX в., многие общины стали включать новоросчистные земли и «бöлячные» поля в фонд, подлежащий переделу⁷⁴.

В обстановке, когда ревизии прекратились, а состав семей в результате участвовавших семейных разделов стал меняться, когда более быстрыми темпами происходило социальное расслоение, крестьяне были вынуждены чаще прибегать к частным переделам. Это приводило к тому, что общинники не решались производить какие-либо агротехнические улучшения, не приносящие немедленных плодов. Частое перераспределение земель стало задерживать развитие земледельческой культуры. В Памятной книжке Вятской губернии на 1866—1867 гг. среди причин, по ко-

⁷⁴ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 445, л. 1. См. также: **Верещагин Г. Е.** Общинное землевладение у вотяков... С. 130—131.

⁷⁵ **Памятная** книжка Вятской губернии на 1866—1867 гг. Вятка, 1866. С.

⁹⁰ ЦГА УАССР, ф. 113, оп. 1, д. 263, л. 1—1 об.

торым крестьяне упорно не допускали нововведения в своем хозяйстве, были названы частые «свалки-навалки» земель, «отнимающие всякую охоту заботиться об увеличении производительности того участка, который принадлежит им временно»⁷⁵. Идти по пути интенсификации сельскохозяйственного производства общинники не могли и в силу того, что «усовершенствованные орудия бедноте не достаются вовсе, а среднему крестьянству достаются в ничтожном количестве»⁷⁶.

Несмотря на то, что с каждым переделом земель наделы становились все более дробными и недостаточно обеспечивающими прожиточный минимум населения, бедные и средние слои общины не могли обойтись без переделов, так как они продолжали оставаться рациональным средством уравнивания земли и мерой борьбы против частнособственных устремлений общинной верхушки. Проявлялось это прежде всего в том, как правильно отметил В. А. Александров, что при ежегодных общинных переоброчках «скинутая» часть тягол распределялась миром «уравнительно» между гораздо большим числом крестьян по сравнению с теми, кто ее «скинул»⁷⁷. Освободившееся «пустое» тягло действительно делилось между несколькими крестьянами или передавалось неимуществу крестьянину. Так, переделы 80—90-х гг. насколько возможно «уравнили» земельные наделы крестьян, чем, хотя и временно, но ослабили тенденцию к концентрации земли в руках имущих. В этом плане довольно любопытен ответ крестьян села Люмского Глазовского уезда на жалобу своего односельчанина А. Горбушина. В 1881 г. он пожаловался в волостной суд, что односельчане «пустили к разделу собственно его трудами расчищенное место». Крестьяне на запрос волостного суда ответили: «Передел земли был сделан потому, что такового не было со времени производства IX ревизии, да и земли у нас было очень мало, а у Горбушина много. При переделе земли Горбушин несколько не обижен, так как и ему земли было отведено наравне с нами»⁷⁸. Документы подобного рода свидетельствуют не только о социальном расслоении общины, через них четко прослеживается значение традиций, когда основная масса общинников выступала как носительница согласованных действий против общинной верхушки.

Со стороны же зажиточных слоев общины рос протест против перераспределения земель, их интересы начинали приходиться в противоречие с повседневными нуждами рядового крестьянства.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 91.

⁷⁷ Александров В. А. Указ. соч. С. 240.

⁷⁸ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 445, л. 1—1 об., 14, 15.

Жители деревни Убытской Глазовского уезда в 1888 г. жаловались в волостное правление, что их «сосед П. Тугбаев от раздела земель положительно нам отказывает и не разделяет, потому что у него как пахотной, так и сенокосной земли более против других»⁷⁹.

Участились случаи, когда на сходах при обсуждении поземельных вопросов принимались решения, не получавшие единогласной поддержки рядовых общинников, особенно неимущих. В угоду своим интересам богатые меняли условия и ход жеребьевок, нарушали традиционные принципы переделов. Так, крестьяне деревни Нижнекузьминской Глазовского уезда жаловались в волостное правление, что их сельский староста в 1879 г. «прекратил передел земли только лишь потому, что к разделу приходилось громадное количество земли, захваченной им раньше в свое пользование, тогда как жители деревни в одном поле провели было уже передел, но староста нарушил все новые межи»⁸⁰. Зажиточными крестьянами починка Гондрошур Глазовского уезда в 1885 г. был нарушен принцип передела земли с той целью, чтобы новоросчистные полосы, более плодородные и дававшие больше урожая, от прежних домохозяев полностью перешли в их руки⁸¹.

Имущие слои общины были заинтересованы, чтобы односельчане не сдавали свои участки в аренду посторонним лицам. Во многих общинах были составлены соответствующие приговоры, запрещающие сдачу душевых наделов крестьянам из других общин. Так, в приговоре крестьян починка Быдзімошур Глазовского уезда было записано: «Никто из нас не вправе отдать в кортом или сдавать целые души земельного надела в сторонние руки в течение 15-летнего срока, если кто из нас домохозяев будут сами в состоянии снимать земли у неимущих обрабатывать свои наделы»⁸². Подобными приговорами зажиточная общинная верхушка открывала себе путь для концентрации деревенских угодий в своих руках.

В пореформенный период стало типичным наделение земель не по ревизским (с прекращением ревизий наделение земель по ревизским душам постепенно становилось анахронизмом), а по наличным душам и сообразно экономическому состоянию крестьян. В Сарапульском уезде в 80-х гг. около 35% крестьянских общин земли распределяли по ревизским душам, 39% — по принци-

⁷⁹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 855, л. 1—1 об.

⁸⁰ Там же. Д. 39, л. 86 об.

⁸¹ Там же. Д. 1069, л. 1—1 об.

⁸² Там же. Д. 579, л. 4 об.

пу платежеспособности хозяйств, остальные — по числу членов семьи или по числу работников мужского пола⁸³. Приведем несколько характерных решений крестьянских сходов того времени: «разделить всю землю не на все наличные наши души, а смотря по семейному положению, по числу рабочих рук и вообще по состоянию семей к обработке земли», «уравнять земельные наделы между домохозяевами нашего селения соображаясь с семейно-экономическим положением», «предполагаем за необходимость произвести передел земель на новые наличные мужского пола души, но однако ж применяясь и соображаясь с теми обстоятельствами, кто из нас состоит исправным плательщиком, предоставив тем соответственные душевые наделы»⁸⁴. У К. Качоровского в работе «Русская община» приведен любопытный факт о наделении земель даже женских душ: «В Сарапульском уезде Вятской губернии рядом с рабочей разверсткой уже в 52 общинах при переделах принимаются во внимание женские души того или иного возраста»⁸⁵. Приговоров, в которых были бы зафиксированы случаи выделения земельных наделов на женские души в удмуртских общинах, нам не удалось выявить. Но предположить, что такие случаи в конце XIX в. наблюдались, мы можем по приговорам, в которых идет речь о переделе земли по едокам, по наличным душам, рабочим силам и т. д.⁸⁶ Косвенные данные дают и материалы I Всероссийской переписи населения 1897 г.: из рассмотренных нами 1985 удмуртских семей Сарапульского уезда в 8 семьях домохозяевами являлись женщины (как правило, вдовы с малолетними детьми), которые как исправные налогоплательщики и рачительные главы хозяйств обладали правом решающего голоса на сходе и, вполне вероятно, наделялись земельным наделом на свою «душу»⁸⁷.

В одних общинах наделяли землей даже новорожденных мальчиков, в других — начиная с подростков 11 лет и кончая стариками, пожелавшими принять на себя земельный надел⁸⁸. Община Ляльшур в 1892 г. наделила землей своих членов в возрасте 15—59 лет⁸⁹. Эти факты свидетельствуют о том, что в практике

⁸³ Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 74.

⁸⁴ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 578, л. 4; ф. 109, оп. 1, д. 89, л. 105—106; ф. 108, оп. 1, д. 911, л. 4—4 об.

⁸⁵ Качоровский К. Русская община. М., 1906. С. 258.

⁸⁶ МСВГ: Сарапульский уезд. Вятка, 1892. Т. 7. С. 19—21, 22.

⁸⁷ ЦГА УАССР, ф. 236, оп. 1, д. 590.

⁸⁸ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 581, л. 1; д. 578, л. 7.

⁸⁹ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 131.

переделов крестьянская община проявляла определенную гибкость, изменяла принципы и условия перераспределения земель в зависимости от сложившихся обстоятельств: количества населения, размеров общедеревенских угодий, наличия фонда свободных земель и т. д. Крестьянами починка Большой Варыш Глазовского уезда в 1886 г. был проведен коренной передел с условием не проводить таковой в течение 12 лет, но уже через 6 лет ими был принят новый приговор о переделе пахотной и сенокосной земли по наличным душам «по случаю прирезки земли под расчистку и желая некоторыми домохозяевами получить более число душ, а некоторыми сдать по недостатку рабочих сил»⁹⁰. Как уже отмечалось выше, на переделные порядки большое влияние оказывало и углублявшееся социальное расслоение крестьян-общинников.

Таким образом, в пореформенный период на переделный механизм общины оказывали воздействие две противоборствующие силы. С одной стороны, интересы зажиточных крестьян начинали приходиться в противоречие с общинными традициями в решении поземельных вопросов, и они всячески стремились ослабить действие поземельно-распределительной функции общины, с другой, растущее малоземелье, истощение пахотных угодий, частые неурожайи заставляли беднейшие слои общины еще более активно вмешиваться в процесс сельскохозяйственного производства и настаивать на уравнильных переделах (т. е. на сохранении за общиной регламентирующей функции). И поскольку социальная дифференциация в пореформенной удмуртской общине не достигла той глубины и остроты, которая была характерна, например, для русской деревни, в ней продолжала действовать сложившаяся производственная традиция, основным транслятором и регулятором которой оставалась община — бускель. Говорить о прекращении переделов в удмуртской деревне не приходится, господствующее положение по-прежнему оставалось за трехпольной уравнильно-переделной общиной. Но в исторической перспективе уравнильные переделы уже не могли спасти общину от начавшегося разложения, социального расслоения и концентрации земли в руках зажиточной верхушки.

§ 2. Платежи и повинности

Наряду с делами, связанными с крестьянским землевладением и землепользованием, в основную компетенцию общины входила также раскладка повинностей. Подчиняя крестьянский мир своим интересам, абсолютистское государство навязывало ему прежде всего фискальную задачу, использовало его в системе обложения в качестве организатора и гаранта уплаты податей: без этого община не могла бы получить официального признания⁹¹.

В пореформенные годы XIX в. в обстановке усиленного развития и утверждения в деревне капиталистических отношений крестьянство по-прежнему оставалось сословием, несущим на своих плечах главную тяжесть налогового бремени. Как и все российское крестьянство, удмуртские общинники во второй половине XIX в. продолжали платить подушную подать, которая в одинаковом размере взималась с богатых и бедных, с младенцев и стариков, по-прежнему с крестьян взимали земские повинности для удовлетворения государственных и местных потребностей, с них брали оброчную подать, общественный сбор, обязательные страховые взносы. В связи с частыми неурожаями на крестьян падали разорительные платежи на погашение продовольственных ссуд и все мирские сборы сословного характера. Например, на крестьян Кенского общества Сарапульского уезда в 1873 г. было начислено всевозможных платежей на сумму 2856 руб. 83 коп. Среди них «подушной подати по 2 руб. 17 коп. с души, государственного земского сбора по 58 коп. с души, общественного сбора по 38 коп. с души, оброчной подати, дополнительного к оброчной подати сбора по 7 коп. с десятины удобной земли, лесного налога за материалы для домашнего продовольствия крестьян. Кроме сего крестьяне Кенского общества участвовали и в платеже государственного поземельного налога, исчисленного на целую волость»⁹².

Тяжелым бременем ложились на крестьян всевозможные натуральные повинности, которых в течение года набиралось до десятка и более. Так, крестьянам Глазовского уезда в течение 1894—1896 гг. ежегодно приходилось отбывать повинности «по поставке подвод должностным лицам волостного и сельского управления; исправлению полотна проселочных дорог и тракта коммерческого, а равно и сооружений на них; отбыванию караула в деревнях каждым домохозяином по очереди по 2 человека в ночь в течение

⁹¹ Громыко М. М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII--60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 73.

⁹² ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 2845, л. 348.

целого года; исправлению пожарных сараев и покупке инструментов; по караулу и осмотру сараев с лошадьми; исправлению и подержанию общественных хлебозапасных магазинов, чистке и перемержке хлеба; доставке натурою для отопления волостного правления дров; доставке натурою дров для отопления школы в селе Александровском». К числу натуральных повинностей также относилось исполнение обязанностей «избираемых на сельских сходах сторожей для церквей в селах и особых караульщиков для наружной ночной охраны церквей, рассыльных волостного правления». По приблизительным подсчетам, отбывание этих повинностей крестьянам в 1894 г. обошлось в 9 550 руб., в 1896 г.— в 10 174 руб.⁹³ Помимо вышеперечисленных повинностей, в обязанности крестьян вменялись «отвод квартир для проходящих партий новобранцев и для проезжающих чиновников по делам службы, наряд людей для тушения лесных пожаров, наряд для караула мертвых тел и охраны следов преступлений и наряд понятых для сопровождения арестантов в помощь нижним чинам полиции»⁹⁴.

По сведениям земства, в 80-х гг. XIX в. всевозможные сборы с вятской деревни поглощали 97,5% дохода с десятины⁹⁵. К. Маркс в «Конспектах трудов податной комиссии» привел данные статистики об общей сумме налогов, взимаемых с крестьян губернии. По его подсчетам, вятские крестьяне уплачивали прямых налогов более 7 млн. руб., тогда как весь доход сельского населения губернии составлял 6,2 млн. руб. По Малмыжскому уезду «расчет доказывает, что ни в одной из всех 26 волостей земледельческих продуктов недостаточно для начисленных выше расходов»⁹⁶. Постоянный дефицит денежных средств приводил к накоплению больших недоимок (долгов по денежным сборам) за крестьянскими хозяйствами. Так, в Рыбноватажской волости Малмыжского уезда рост недоимок по годам наблюдался в следующем порядке: до 1871 г.— 240 руб., 1871 г.— 285 руб., 1872 г.— 573 руб., 1874 г.— 680 руб., 1875 г.— 1 375 руб., 1878 г.— 2 428 руб.⁹⁷ В Большепорекской волости этого же уезда в 1881 г. сумма казенных, земских, мирских поборов с крестьян составила более 26 тыс. руб. (с каждой ревизской души — около 10 руб.), кроме того, недоимок за волостью числилось на сумму 13 тыс. 254 руб. (на каждого

⁹³ ЦГА УАССР, ф. 113, оп. 1, д. 69, л. 18—23 об.

⁹⁴ ГАКО, ф. 716, оп. 2, д. 186, л. 188 об.

⁹⁵ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1978. С. 119.

⁹⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1955. Т. 13. С. 144, 107.

⁹⁷ ГАКО, ф. 716, оп. 1, д. 83, л. 15.

налогоплательщика-недоимщика — 20 руб., на каждую ревизскую душу — 4 руб. 80 коп.)⁹⁸. По уровню покупательной способности рубля во второй половине XIX в. средняя сумма налогов с крестьянской семьи с 2—3 наделными душами равнялась стоимости 3 коров, или 57 пудов ржи, или 75 пудов овса⁹⁹.

Раскладка денежных сборов с крестьян совершалась на мирском сходе. При этом роль общины в уплате податей не сводилась только к простому распределению их между крестьянами: через общинный механизм подушная система приспосабливалась к конкретным условиям¹⁰⁰. Обычно начальство, сделав расчеты платежей по числу душ, рассылало по местам составленные им росписи и сметы, а деревня, получив их, брала во внимание лишь общую сумму обложения и распределяла ее сообразно конкретным условиям и местным критериям: или же действительно по ревизским душам, а чаще — по наличным мужским душам, по размерам земельных наделов, в целом по имущественному положению и т. д. Таким образом, нередко происходила замена подушного принципа обложения репартиционным. Так, например, поступили в 1879 г. крестьяне Сосновского сельского общества, решив «разверстку податей делать соразмерно количеству земли, владимой каждым, а не по душам»¹⁰¹. Подобные документы в значительном количестве отложились и в делах Вятской губернской казенной палаты¹⁰², которые позволяют делать вывод, что наиболее вероятным и главным фактором, определявшим тяглоспособность двора, была земля, в частности, пахотные угодья.

Выплата платежей крестьянами производилась обычно дважды — в первой и во второй половине года, но наибольшие поступления в государственную казну наблюдались в конце года. На запрос управляющего казенной палатой о причинах резкого различия в размере окладных поступлений податной инспектор Елабужского уезда ответил: «Население приобретает главные средства для своего существования и на подати от земледелия. Поэтому оно и располагает наибольшими платежными средствами во вто-

⁹⁸ ГАКО, ф. 716, оп. 1, д. 83, л. 20—21.

⁹⁹ Шибанов К. И. Социалистическое преобразование удмуртской деревни. Ижевск, 1963. С. 9; По архивным данным, в 1869—1870 гг. в Вятской губернии средняя цена 1 пуда ржи равнялась 50 коп., овса — 35 коп., 1 лошади — 20 руб., 1 коровы — 10 руб., овцы — 1 руб. 50 коп. (ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 309, л. 27).

¹⁰⁰ Громыко М. М. Указ. соч. С. 73.

¹⁰¹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 39, л. 103.

¹⁰² ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 3983, 3979 и др.; См. также: ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 599, л. 8—8 об.

рой половине года по снятии хлеба с полей»¹⁰³. Подобный ответ был дан и податным инспектором Сарапульского уезда. В начале года способными к уплате податей оказывались только наиболее состоятельные хозяева, «которые имеют в запасе денежные средства, ведут торговлю или промысел, владеют хорошим хозяйством и имеют запасы хлебов»¹⁰⁴, основная же масса «ко времени турения или выколачивания податей продает свои продукты, а затем вновь покупает их для продовольствия себя и семьи. Таким образом крестьянин как бы закладывает осенью нужный ему хлеб и выкупает его весной с приплатой процента»¹⁰⁵.

Непосильная тяжесть налоговой системы болезненно отражалась на состоянии значительной части крестьянских хозяйств, вызвала их обнищание и разорение. Стремясь избежать окончательного падения платежеспособности некоторых своих членов, община порой делала определенные послабления, например, выходила с ходатайством к властям об отсрочке выплаты платежей (от 2—3 до 7—8 лет), особенно если то или иное хозяйство испытывало затруднения по уважительной, на взгляд мира, причине: падеж скота, неурожай или, как пишется в одном из документов, «домохозяин малолетний, работников нет, хозяйство ведет мать—вдова»¹⁰⁶. Довольно любопытный документ отложился в фонде Глазовского уездного по крестьянским делам присутствия: П. Трефилов из Лековаевского сельского общества в 1881 г. обратился к сельскому сходу с просьбой сложить с него платеж податей на 2 ревизские души, «возложив их на однодеревенца его крестьянина Е. Трефилова», сын которого убил приемного сына П. Трефилова. Просьба общинника была признана уважительной, и приговор составлен в его пользу¹⁰⁷.

В исключительных случаях платежи несостоятельных общинников раскладывались частично на зажиточных крестьян (на что обратили внимание многие дореволюционные исследователи удмуртской деревни), но делалось это, разумеется, не только и не в первую очередь из благотворительных побуждений, а из административно-фискальной заинтересованности общины в поддержании хозяйств своих членов от окончательного разорения. К тому же наиболее зажиточные крестьяне шли навстречу обедневшим односельчанам или под сильным давлением мира, или из своих личных корыстных побуждений. Как заметил И. Н. Смирнов, «во время

¹⁰³ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 2767, л. 27.

¹⁰⁴ Там же, л. 28.

¹⁰⁵ РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 59, л. 86.

¹⁰⁶ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 6440, л. 1—42.

¹⁰⁷ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 39, л. 58—61 об.

подателей богатые вносят за бедных, не договариваясь насчет процентов», но впоследствии «должник уплачивает работой или позволяет кредитору отобрать у себя вещи на сумму долга»¹⁰⁸.

Помощь соседей в уплате податей заставляла держаться за общину большинству крестьян. В то же время мелочное наблюдение мира за состоятельностью каждого крестьянина, принудительная отработка податей низводили «защитную» роль общины до минимума¹⁰⁹. В целом ее действия на податном поприще были чужды интересам крестьян, что особенно выпукло проявилось в навязанной властями круговой поруке.

Круговая порука — общественная ответственность каждого селения за исправную уплату причитающихся окладов — была оформлена еще законом 1769 г., последующие законодательные положения только укрепляли ее, вменяя сельским обществам в обязанность отвечать за исправный взнос податей «за круговую порукой». Особенно усилилось действие принудительной круговой поруки в пореформенный период: законодательство возложило на сельский сход в крайних случаях принимать к неплательщикам суровые меры взысканий: продавать недвижимое имущество; продавать ту часть имущества и строений, которые не составляли первой необходимости в хозяйстве; урезать или полностью отбирать полевой надел. Если и после этого недоимки не погашались, они должны были раскладываться сельским сходом на прочих крестьян¹¹⁰. На практике осуществление круговой поруки значительно отклонялось от указанных в законодательстве условий. Община далеко не всегда применяла статью закона о раскладке платежей недоимщиков между всеми членами общества. Иногда она брала на себя ответственность за задолженности односельчан, как это сделали, например, крестьяне Сазоновского сельского общества Глазовского уезда: недоимки четырех домохозяев починка Коршуновский разложили на 23 хозяйства того же починка, а недоимки других четырех крестьян из деревни Сазоновской разложили вообще на всех членов Сазоновского общества — починков Сазоновский, Поторочинский, Джихоровский и у речки Слюк¹¹¹. Недоимки двух домохозяев деревни Пумси Малмыжского уезда также были разложены обществом на каждого налогоплательщика, но задолженность третьего односельчанина была

¹⁰⁸ Смирнов И. Н. Вотьяки. Казань, 1890. С. 170—171.

¹⁰⁹ Рабцевич В. В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775—1825 гг.)// Крестьянская община в Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 138.

¹¹⁰ ГАКО, ф. 108, оп. 2, д. 152, л. 42—43.

¹¹¹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 738, л. 3—4.

оставлена на нем самом с просьбой рассрочить ее уплату на 2 года ¹¹².

Опасение отвечать за неисправность другого нередко вызывало беспощадное притеснение миром своих односельчан-недоимщиков, имущество которых (телеги, самовары, скот, перины и т. д.) в целях погашения числящегося за ними долга продавалось по решению схода. Такие случаи наблюдались в особенно неурожайные годы, «когда для большинства самих членов общины уплата подати была тяжела» ¹¹³. В 1882 г. сельскими сходами крестьян Порезской волости Глазовского уезда была составлена опись и определена оценка имущества домохозяев-недоимщиков в целях продажи «на пополнение податной недоимки». Таких хозяйств в волости оказалось 14 ¹¹⁴.

Крестьянам Лученского сельского общества Глазовского же уезда в 1889 г. волостным правлением было сообщено, что на общество начислена недоимка прежних лет в сумме 132 руб. При разбирательстве на сельском сходе общинники обнаружили, что счета сборщиков податей, служивших в 1884—1887 гг., совершенно запутаны и «неизвестно, с кого именно должны взыскиваться начисленные податные недоимки». Приговор схода был лаконичен и суров: «Недоимку взыскать со сборщиков податей, служивших в 1884—1887 гг., по равной части, а именно по 33 руб., взыскать ныне же» ¹¹⁵.

Нередко инициатором применения определенных санкций к неплательщикам налогов выступал староста как лицо административное, несущее, в первую очередь, ответственность за исправное поступление всех платежей. Так, сельский староста К. Князев Котныровского общества доложил волостному суду, что на 38 крестьянах его общества «состоят недоимки, что они нерадивы к уплате недоимок, а посему надо привлечь их к ответственности». Суд присудил многих к 5 ударам розгами, одного — к 7, десять человек — к аресту в волостном правлении — «каждого по 2 дня» ¹¹⁶.

Сельский староста деревни Омутницкой также жаловался в волостной суд, что «крестьяне Е. Чирков и И. Князев крайне ленивы к крестьянским работам, от этого делаются несостоятельными к платежу казенных податей». Суд признал крестьян винов-

¹¹² ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 6440, л. 7.

¹¹³ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 85.

¹¹⁴ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 67, л. 73—74 об.

¹¹⁵ Там же. Д. 49, л. 33—33 об.

¹¹⁶ Там же. Д. 202, л. 3 об.—6.

ными и принял решение подвергнуть их наказанию розгами: Чиркова — 15 ударами, Князева — 10¹¹⁷.

Сурово вынужден был относиться мир и к неплательщикам из самовольно разделившихся семей. Так, Н. Борисов из починка Кулаковский Глазовского уезда обратился с жалобой к земскому начальнику, что односельчане заставляют его платить недоимки «за дядю Якова, за которым состоит податной недоимки 23 руб 69 коп.». На запрос земского начальника волостное правление, ссылаясь на приговор сельского схода, ответило: «поскольку проситель Н. Борисов от Якова отделился самовольно и раздел их значится и по книге о самовольно разделившихся семьях, то в виду этого волостное и сельское начальство имеет право требовать с просителя Н. Борисова уплаты состоящей за вышеуказанным Яковом Борисовым податной недоимки 23 руб. 69 коп. и в случае неуплаты таковой продать у Борисовых имущество смотря по тому, у кого это будет удобнее»¹¹⁸.

Острое разногласие по поводу недоимок вспыхнуло в 1889 г. между деревнями Балезинского сельского общества Глазовского уезда. Волостное правление распорядилось податную недоимку крестьян этого общества разложить на все ревизские души. Жители деревни Гординской наотрез отказались взять на себя недоимки жителей села Балезино, мотивируя тем, что никакими угодьями балезинцев они никогда не пользовались и свою податную недоимку «старались каждый домохозяин чрез продажу собственного своего имущества, скот и прочее пополнять, которой и уплатили около 800 руб. Многие лишились последней коровы и лошади, а некоторые продали и последний хлеб, не оставя и для посева достаточного количества семян», что «с платежом за Балезино жители Гордино должны вовсе придти в разорение». При этом доверенные от гординцев заверили волостное правление, что «податную свою недоимку 200 руб. доверители наши озаботятся употребить все меры к платежу и за лиц, вовсе несостоятельных своих соседей». Спор дошел до губернского по крестьянским делам присутствия, которое решило дело не в пользу гординцев: «Каждое сельское общество отвечает круговую порукою за каждого из своих членов в исправном отбывании повинностей, потому отказ жителей д. Гординской от уплаты по раскладке недоимки за общественников — жителей Балезино является неосновательным»¹¹⁹. Данный инцидент — яркий пример тому, насколько обременительной была круговая порука для сложных общин (или

¹¹⁷ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 177, л. 10 об.— 11.

¹¹⁸ Там же. Д. 599, л. 1—4 об.

¹¹⁹ Там же. Д. 67, л. 100—103, 107—107 об.

сельских обществ, куда входило несколько общин), и какие трудности, споры и разногласия вызывало распределение между ними недоимок. Столкнувшись с этим фактом, администрация в конце XIX — начале XX в. сделала ряд попыток освободить подразделения сложных общин от круговой поруки и высылала окладные листы о государственных и земских сборах и недоимках отдельно каждому селению, входящему в общину¹²⁰, но ликвидировать недоимки полностью никогда не удавалось.

В трудах некоторых авторов второй половины XIX в. можно встретить высказывания о том, что удмуртские крестьяне «весьма исправны в отправлении повинностей», и что «недоимок за ними никогда не бывает»¹²¹. У нас нет оснований сомневаться в том, что основная масса общинников-удмуртов прилагала все усилия к своевременной и безнедоимочной уплате всех государственных сборов и исправному отправлению всех натуральных повинностей. Однако объективная реальность пореформенного времени была такова, что община, лишенная во многом самостоятельности и обремененная податями, насаждала неравенство и кабалу и убеждать беднейшие крестьянские хозяйства от дальнейшего разорения была не в силах.

§ 3. Крестьянская взаимопомощь

Рассматривая вопрос о природе отношений, связывавших крестьянские дворы в единое экономическое целое, и экономических связей между ними, Ю. И. Семенов отметил, что крестьянскую общину как хозяйственный организм характеризует не только общинное владение землей, но и система отношений взаимной помощи. «Каждый крестьянский двор время от времени нуждался в помощи со стороны других крестьянских дворов. И он ее получал», — пишет автор¹²². Неизбежная необходимость прибегать к помощи односельчан обуславливалась разными причинами, среди которых немаловажную роль играли подверженность сельскохозяйственного производства власти случайностей (погода, вреди-

¹²⁰ Денисова Н. П. Административно-фискальные и правовые функции общины у чувашей (XIX—начало XX в.) // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1984. С. 60.

¹²¹ Шестаков В. Глазовский уезд // Вестник РГО. СПб., 1859. № 7. С. 95; Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880. С. 38.

¹²² Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государств. М., 1976. С. 49.

тели, слабое посевное зерно и др.), сезонный характер большинства видов хозяйственной деятельности, постепенное изменение отношения числа работников к числу иждивенцев (числа едоков к числу работников), различия в потребностях крестьянских дворов, экстраординарные события (строительство дома, болезнь и др.).

Система отношений взаимной помощи в удмуртском обществе этнографической наукой освещена еще недостаточно, но в целом эта проблема для удмуртской историографии не нова. В свое время об отдельных видах крестьянской взаимопомощи, ее значении, готовности общинников оказать помощь односельчанину трудом, продуктами, инвентарем писали многие дореволюционные исследователи¹²³. К сожалению, в их работах этот вопрос не нашел глубокого анализа. Даже Г. Е. Верещагин и Н. Г. Первухин, уделявшие довольно значительное место в своих трудах некоторым видам крестьянской взаимопомощи (строительство дома, битье печей, шитье полога, мытье мотков пряжи и т. д.), в целом ограничились их описанием.

В советский период вопрос о крестьянской взаимопомощи также не становился предметом специального интереса ученых, хотя М. М. Мартынова, А. Н. Вахрушев и другие исследователи-историки останавливались на системе отношений взаимной помощи с целью показать влияние капиталистических отношений на этот традиционный общинный институт¹²⁴. Полностью соглашаясь с утверждением, что крестьянская взаимопомощь в период капитализма часто использовалась как прикрытая форма эксплуатации неимущих общинников зажиточными, автор данной работы не склонен относить ее к родовым пережиткам, как это делают историки. Если понимать под взаимной помощью «особого рода обмен вещами и деятельностью», то его в родовом обществе (первобытном обществе, первобытной коммуне) заведомо быть не могло. Такого рода экономическое отношение возможно только между ячейками обособленной собственности, т. е. между крестьянскими дворами. Члены же первобытной коммуны, вместе взятые, были полными собственниками всех средств производства и продукта, поэтому между ними могли быть только отношения распределения, но не обмена¹²⁵. Таким образом, у нас, по-видимому, нет основа-

¹²³ Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб., 1889; Он же. Вотяки Сосновского края. СПб., 1886; Он же. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии; Кошуриков В. Указ. соч.; Кузнецов С. К. Указ. соч.; Первухин Н. Г. Указ. соч.; Смирнов И. Н. Указ. соч.

¹²⁴ Мартынова М. М. Указ. соч.; Вахрушев А. Н. Указ. соч.

¹²⁵ Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 56—57.

ний считать систему отношений взаимной помощи пережитком родового строя, первобытной коммуны, она есть порождение соседской общины и возникает вместе с ней. Взаимная помощь являлась одним из общинных институтов, гарантировавших нормальное функционирование мелких индивидуальных хозяйств.

Система отношений взаимной помощи, аналогичная русским помочам, толоке, в удмуртской общине называлась веме. По данным лингвистов, слово веме — помощь, коллективная помощь (мар. вима, чув. виме, миме, ниме, тат., башк. омә) относится к болгарским заимствованиям и восходит к арабскому и персидскому языку (немат — благодеяние, дар, милость) ¹²⁶.

Основу обычая веме составлял совместный неоплачиваемый труд крестьян для аккордного завершения какого-либо срочного этапа работ у отдельных хозяев, как говорили сами крестьяне, «чтобы груднее схватить всю работу, чтобы опосля уж она не представлялась тебе, что надо ее непременно окончить», «чтобы в нужную пору не хлопотаться работников искать, коли дело-то уже совсем к спеху подойдет» ¹²⁷.

Все разнообразие форм коллективной взаимопомощи конца XIX — начала XX в. можно свести к трем основным типам. Первый тип — помочи, проводимые многими (если не всеми) членами общины последовательно у каждого из участников. В сезонных сельскохозяйственных работах — пахота, сев, сенокос — этот тип взаимной помощи, как правило, не практиковался: каждый домохозяин стремился в самые короткие сроки справиться с пахотой, севом, жатвой, чтобы добиться максимально возможного положительного результата. Зато широко применялась подобная взаимопомощь при обмолоте зерна, в некоторых видах женских работ. По сообщениям земских статистиков, удмурты «для молотбы собираются артелями в 8—10 человек. Рабочих для этого никогда не нанимают, обходясь взаимной друг другу помощью, отмолачивая один у другого» ¹²⁸.

Второй тип помочи проводился по решению сельского схода всей или почти всей общиной в хозяйстве одного домохозяина, оказавшегося в силу разных обстоятельств в исключительно неблагоприятных условиях — пожар, тяжелая болезнь, падеж скота, сиротство. По решению общины помощь оказывалась также солдаткам, вдовам: «ослабевшим семьям вдов сообща весь бускель

¹²⁶ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 140.

¹²⁷ Тихонов В. П. Указ. соч. С. 27.

¹²⁸ МСВГ: Елабужский уезд. Вятка, 1890. Т. 6. Вып. 1. С. 56.

вспахивал и засеивал полосы, сообща убирал им хлеб и сено»¹²⁹. Подобный тип помочи устраивался иногда для вывозки навоза, ремонта или строительства дома, рытья колодца, возки дров.

Третий тип — помочи, затеваемые по своей инициативе одним хозяином. Помочи этого типа, какими бы многолюдными они ни были, с общиной как таковой не имели прямой связи: «Общинными они являются лишь генетически и по социально-психологической своей основе»¹³⁰.

Веме обычно начиналось с приглашения. Инициатор обходил своих родственников, соседей, если работа предстояла объемная и срочная, требовавшая большого числа рабочих рук, — всю деревню, а иногда извещались даже родственники из соседних деревень.

Изыявившие желание участвовать в помочи на следующее утро приходили к хозяину, где их угощали завтраком, затем все приступали к работе. Утренний сбор в доме хозяина не был обязательным элементом помочей, иногда съезжались или сходились прямо к месту работы (в лесу, в поле, на лугу). В обед, если работали на дальних лугах или полях, помочан кормили холодными блюдами: окрошкой, зеленым луком, яйцами, кислым молоком, пирогами, ватрушками. После завершения работы помочане возвращались к себе домой и, отдохнув немного, переодевшись, шли на ужин, во время которого «подают водку по небольшой чайной чашке, затем ее заменяет пиво. На столе горячие щи, каша разных сортов, пирожки и пр.»¹³¹

Продолжительность помочи обычно зависела от объема работы, но, как правило, работали день или даже полдня. По словам В. П. Тихонова, крестьяне (русские. — Г Н.) Сарапульского уезда считали, что «помочан должно быть столько, чтобы дела всем хватило до вечера»¹³².

День проведения веме каждым домохозяином выбирался произвольно и согласовывался с односельчанами, приглашенными на помочь. По данным Г. Е. Верещагина, «помочи раньше обычно делали по воскресеньям и праздничным дням. Ныне в описываемой общине (д. Ляльшур Сарапульского уезда, 1895 г. — Г Н.) желающий делать помочи в воскресенье прежде всего должен был испросить на это согласие общины, чтобы она на основании поставленного приговора о почитании воскресных и праздничных

¹²⁹ Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 30—31.

¹³⁰ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 37

¹³¹ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 136.

¹³² Тихонов В. П. Указ. соч. С. 25.

дней не оштрафовала. Если община просьбу найдет уважительной, разрешает делать помочь, и то лишь в воскресенье после обеда»¹³³.

Хозяин был любезен и приветлив с помочанами. Он не мог принуждать, указывать, как и сколько кто-либо должен работать. Крестьянская этика исключала также замечания хозяина, если чья-либо работа ему не нравилась.

По описаниям наблюдателей, отзывам информаторов, во время работы звучали песни, шутки, молодежь затевала игры, шалости. Не было четкой границы между трудовой и праздничной частью помочей. Знатоки удмуртского быта Г. Е. Верещагин и С. К. Кузнецов отмечали, что помочане, считая веме «праздником с обильным угощением, работают не очень усердно, являясь утром довольно поздно — к 9 часам. Особенно лениво работают женщины, проводящие большую часть времени в пустых разговорах, если среди них нет хорошего заправицы, который мягко, но настойчиво просит работать и увлекает к этому всех собственным примером. Наилучшим средством прервать пустые беседы служит пение»¹³⁴. С песнями возвращались с работы, звучали они и во время ужина. Женщины после веме по мытью пряжи, во время угощения, напевали специальную мелодию без слов — шорт миськон гур.

На строительство дома веме собирали от одного до двух-трех раз. Если у хозяина хватало рабочих рук в семье, заготовку и перевозку строительного материала, рубку сруба, настиление пола и потолка он проводил своими силами, организуя веме лишь для поднятия сруба. Семьям же с малым количеством работников обращаться к помощи односельчан приходилось чаще. Так, первый раз веме собирали для вывозки бревен из леса. Помочане съезжались к хозяину на своих лошадях, с рабочим инвентарем. После завтрака отправлялись в лес. Обед проходил прямо в лесу, а вечером все собирались у хозяина, и ужин продолжался за полночь. В следующий раз общинники приглашались рубить сруб. Для выполнения этой работы приходили 4—6 мужчин (по человеку на угол сруба и помощники), знающих плотничье дело. При поднятии сруба собиралось до 30 человек, среди которых нередко присутствовали и женщины, а также старики и старухи, «которые знали древние обычаи» и к советам которых помочане непременно прислушивались. Некоторые хозяева при поднятии матицы подкладывали под нее монетку, другие привязывали к ней завер-

¹³³ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 137.

¹³⁴ Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 41—42. См. также: Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 135.

нутый в скатерть каравай хлеба, которым потом угощали помочан. Тем, кто поднимал матицу, обязательно подносили по рюмке вина, но в принципе помочан угощали спиртным только вечером. Необходимым блюдом при проведении корка жутон веме (веме по возведению дома) был овсяный кисель — кóртчал. По словам стариков, организатор веме накануне обходил односельчан со словами: «Приходите есть овсяный кисель, веме делаем» (кóртчал сиыны лыктэ, веме кариськом)¹³⁵.

В дружную коллективную работу превращалось битье глинобитных печей — гур шуккон веме. Один-два человека отправлялись копать глину, подростки подвозили ее к дому, а взрослые забрасывали через окно в дом на предварительно посыпанный песком пол. Женщины вениками сбрызгивали глину водой и затем толкли ее деревянными палками — чокмор. Процедура эта совершалась в кругу и сопровождалась песнями, шутками, прибаутками. Иногда в этот своеобразный хоровод включались до 14—15 человек. Периодически переворачивая, сбрызгивая водой, глину доводили до тестообразного состояния и подавали мужчинам на деревянные своды. В некоторых деревнях перед тем, как начать бить глину деревянными колотушками, мужчины вбивали в глиняную массу «кол» из круто замешенной глины, который якобы удерживает печь от преждевременного разваливания¹³⁶.

По сведениям Г. Е. Верещагина, на битье печей предпочитали приглашать молодых людей в расчете, что они будут меньше пить и для них потребуется меньше угощения¹³⁷. Помочан кормили только один раз, ужин превращался в застолье с песнями и плясками.

Большим разнообразием отличались веме, проводимые женщинами: трепание льна, конопля — сэскон веме, прядение — черсон веме, мытье пряжи — шорт миськон, шитье полога — ын вурон веме, мытье дома — корка миськон веме.

Сэскон веме проводили осенью после просушки снопов льна, конопля. Хозяйка ставила сусло — варсь, пиво — сур, варила конопляное семя в сусле — кенэм пöзътэм, готовила разнообразное угощение и приглашала 4—6 человек.

На супрядки хозяйка приглашала к себе девушек, женщин, пекла для них блины из кислого теста — табани, а те ей пряли шерсть, наматывали на мотовило или сматывали в клубки, вязали чулки, носки, варежки. Особенно часто подобные супрядки устраивали в семьях, где были девушки, готовящиеся к замужест-

¹³⁵ РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 1 II. д. 804, л. 1, 8.

¹³⁶ Там же, л. 8.

¹³⁷ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 9.

ву, или где было много детей мужского пола, и женщина-мать не успевала одна готовить для них теплые вязаные вещи.

Весной, обычно в конце февраля — марте, женщины по 6—7 человек поочередно друг у друга организовывали веме для мытья мотков пряжи. Предварительно пряжу, пересыпанную золой, дватри дня парили на горячей печи, периодически переворачивая. В назначенный день хозяйева запрягали лошадь (сбруя бралась праздничная, с колокольчиками), складывали в сани подготовленные мотки, туда же садились помочане и с песнями, шутками отправлялись к реке или пруду. Иногда из одного дома выезжали на нескольких лошадях. Перед началом работы одна из пожилых женщин совершала небольшой обряд жертвоприношения: в прорубь выливала немного самогона и бросала кусок хлеба, шепча про себя молитву. Затем все принимались полоскать мотки. Работа сопровождалась песнями, шутками, молодежь затевала игры и пляски. Особенно много шуток и смеха звучало, если в семье, организовавшей веме, была молодушка, вступившая в семейную жизнь незадолго до этого. Молодежь грозилась искупать ее в проруби и с этой целью предпринимала даже соответствующие действия, в ответ чему молодушка обязана была откупиться обещанием угостить всех самогоном. И все-таки ее непременно обрызгивали водой, мочили подол платья, иногда — ноги. Работа периодически прерывалась потчеванием помочан нехитрым угощением, самогоном, прихваченным с собой. Прополоскав мотки, с песнями возвращались домой, развешивали пряжу на шестах. После небольшого отдыха, переодевшись в праздничную одежду, помочане снова собирались у хозяйки, где застолье продолжалось до поздней ночи. Н. Г. Первухин отметил, что глазовские удмурты после завершения цикла помочей по мытью мотков в отдельных хозяйствах устраивали еще общедеревенское торжество шорт туй (дословно — праздник пряжи.— Г Н.), во время которого женщины с прялками в руках, имитируя прядение, ходили из дома в дом, угощаясь¹³⁸.

Веме для шитья льняного полога устраивалось в семьях, где были дочери на выданье или уже сосватанные. По одним сведениям, на веме приглашали 3—4 женщин по родственной линии, по другим — шить полог приходили из той семьи, куда девушка была сосватана. На этом же веме проводили и сговор: договаривались о дне свадьбы, количестве участников свадебного пира с обеих сторон и т. д. Хозяйка и дочь-невеста готовили угощение для помочанок и в шитье полога участия не принимали.

Довольно подробное описание обычая ын вурон веме у глазов-

¹³⁸ Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 51—57.

ских удмуртов оставил Н. Г. Первухин. По его словам, любое веме, где подруги, родственницы помогали девушке шить приданое перед свадьбой, назывались ын вурон, так как изготовление полога было обязательным элементом такого рода веме, хотя не всегда единственным. С приглашением на шитье полога за день или даже за несколько дней отправлялась сама невеста или ее младшая сестра. «Особенно усердно приглашаются из женщин и девушек те, которые славятся своим умением кроить и шить». Помочанки собирались в клетки девушки, где их ожидало угощение. Кумышку (самогон) и пиво к этому дню варила сама девушка, на веме она получала первую оценку за умение варить хмельные напитки, что считалось одним из главных достоинств женщины-удмуртки. После небольшого угощения «наиболее искусная закройщица начинает кроить сначала полог, а потом рубашки и понитки невесте». Сшив полог, подруги невесты к передней части полога пришивали небольшие обрывки цветной тесемки, лоскутки ситца, платки, иногда бусинки и даже серебряные монеты, сопровождая свои действия добрыми пожеланиями, «ни пожилые мужчины, ни молодые парни не допускаются в компанию женщин во время шитья полога, и они одни весь день угощаются и поют разные песни. Когда полог бывает готов, к этому времени у хозяйки дома уже поспела и каша, сваренная по вотскому обычаю из ячменной крупы с вяленой говядиной. Приготовленный полог развешивается среди двора. Приходят старшие в дом и, благословляя кашу, кладут на полог деньги. Между тем под полог садятся от трех до пяти мальчиков и к ним туда также подается каша, которую они и съедают на здоровье и счастье невесты, и только тогда, когда они кончат есть кашу, начинается ужин взрослых, сопровождаемый пением и пожеланиями счастья невесте. Мальчишкам за едение каши невеста дает по мелкой монете»¹³⁹.

Наконец, одним из распространенных видов женских помочей было поочередное весеннее мытье потолков и стен в избах. Женщины обычно группировались по родственной линии, но, по отзывам информаторов, в любой деревне находилось 2—3 человека, которых каждая женщина считала за честь пригласить к себе на веме: общественное мнение выделяло их как очень старательных, усердных, достигших особого мастерства в мытье потолков и стен. Хозяйка пекла женщинам табани, вечером топила баню. Работа по мытью избы была сложная, трудоемкая, приходилось тереть стены и потолок речным песком, добиваясь желтизны. За день женщины успевали вымыть один дом.

¹⁴¹ Тихонов В. П. Указ. соч. С. 26.

По полевым материалам; организация взаимопомощи для вывозки навоза на поля, для рубки и вывозки дров из леса практиковалась в удмуртских деревнях довольно редко, к такой форме взаимовыручки прибегали только те хозяйства, в которых не хватало рабочих рук, лошадей или когда хозяйства были вынуждены кооперироваться друг с другом из-за дальности полей, лесов. Редко организовывали веме и на жатву. Любой общинник, закончив жатву на своем наделе, шел помогать односельчанину, не дожидаясь официального приглашения или принятия мирского приговора. Общественное мнение в данном случае было единодушно: «Как выдержит сердце, если видишь, что человек в затруднении?» (кызыы кӧтыд чидалоз, адямилӧсь секытэ шедемзэ адзыса?). Отдельные главы хозяйств, как правило, более состоятельные, зажиточные, на жатву нанимали работников, выплачивая им за день работы по 15—20 коп., они же из соображений выгоды чаще организовывали и веме при жатве, в чем проявлялось социальное неравенство членов соседской общины. Нередко на веме от маломощных хозяйств присутствовали сын, дочь, жена или сам хозяин, в то время как от крупных, состоятельных дворов приходил кто-либо из батраков. Между тем богатые общинники к коллективной помощи односельчан прибегали чаще, так как экономически проведение помочи для них было выгодным: стоимость угощения никогда не превышала стоимость полученной помощи. Как отметил А. Н. Вахрушев, зажиточные крестьяне иногда собирали до 100 человек, и в первую очередь среди помочан присутствовали те, кто находился у них в экономической зависимости. В период уборки урожая, например, 100 человек могли сжечь 15—20 га, на угощение же расходовалось в среднем 2—3 ведра самогона и готовились незатейливые обед и ужин¹⁴⁰.

В. П. Тихонов участников помочей у зажиточного хозяина делил на две группы: «на равноправных устроителю, людей, от него не зависящих, и на группу его клиентов. Первая группа участвует в помочи главным образом из-за угощения и косвенно в расчете, в свою очередь, воспользоваться такою же помощью того, к кому они явились на работу в данный момент. Вторая группа состоит из людей двух типов — должников патрона и людей, нанятых им исключительно на этот случай. Должники, кроме угощения, работают на помочи как бы за проценты на выданный им заем»¹⁴¹.

Взаимная помощь оказывалась не только трудом, но и предметами, продуктами, деньгами, на что обратили внимание дорево-

¹⁴⁰ Вахрушев А. Н. Указ. соч. С. 84.

¹³⁹ Первухин Н. Г.; Указ. соч. С. 110—112.

люционные исследователи. «Если член общины почему-либо обеднел, имущество его для погашения его недоимки не продается, а вносят за него родственники, они дают ему семян для засева полей, лошадей для обработки земли. Если же нет родственников, или последние сами очень бедны, то помогает община», — читаем у Г. Е. Верещагина¹⁴². «Сильно развита между вотяками взаимопомощь, почему до последнего времени у них не было нищенства. На вотском языке даже нет слова сирота», — заметил в своем отчете один из миссионеров Глазовского уезда¹⁴³. В. Кошурников по этому поводу писал: «Недостало у вотяка хлеба для обсеменения полей, он идет к соседу и получает нужное, осталась невыжатой его полоса в поле за болезнью, ее выжнут услужливые соседи. Попал вотяк в беду, вся деревня за него ходатайствует и где нужно, не жалеет денег»¹⁴⁴.

Разумеется, помощь слабым, обедневшим нельзя относить только к чистой благотворительности общины, тут действовал и механизм круговой поруки, необходимость обеспечения хозяйственных интересов сельского общества: «как угроза общине рассматривалось не только обогащение одних ее членов, но и обнищание других»¹⁴⁵. Однако было бы неверно отрицать и традиции коллективизма, взаимовыручки, взаимопомощи, присущие крестьянам. По сведениям информаторов, погорелец после пожара отправлялся в близлежащие селения, жители которых снабжали его не только хлебом, но давали одежду, посуду и другие вещи. Односельчане же, не дожидаясь просьб, все это приносили в дом, где пострадавший временно поселялся, а впоследствии с помощью веме помогали ему строить собственный дом¹⁴⁶.

Подобную ситуацию отражают и некоторые архивные документы. Так, в 1899 г. в одной из деревень Глазовского уезда было принято решение оказать безвозмездную помощь в сумме 110 руб. семи крестьянским семьям, потерявшим все постройки и имущество в результате пожара¹⁴⁷. По-видимому, сводить все виды крестьянской помощи только к интересам фиска, сбрасывать со счетов связи родства и свойства, традиции добрососедских отношений и т. п. было бы неверно. Иначе трудно объяснить и широко распространенный в прошлом обычай оказывать взаимную по-

¹⁴² Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 85.

¹⁴³ Крекнин С. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них. Вятка, 1899. С. 15.

¹⁴⁴ Кошурников В. Указ. соч. С. 38.

¹⁴⁵ Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 73.

¹⁴⁶ Научный архив УРКМ: Материалы ЭЭ УРКМ—1980.

мощь в проведении ритуалов семейно-бытовой обрядности, некоторые виды женских помочей и т. д.

Полевой этнографический материал, архивные документы и сведения дореволюционных исследователей свидетельствуют о большом значении родственной взаимопомощи: «На помочах жнут усерднее и приходят раньше родственники», «в общине Ляльшур земельные наделы в силу обычая принято давать им (родственникам.— Г. Н.) в одном месте. Обычай этот, видимо, установился с целью устранения неудобства при возделывании полос одного родственника другим, когда первый не может сам обрабатывать их»¹⁴⁸, «вотяки не пускают бедняка до продажи его имущества за недоимки, а вносят за него родственники или всем миром», «быть на помочи обязательно для ближайших родственников»¹⁴⁹ и т. д. Значение родственных связей нашло отражение и в устном народном творчестве удмуртов:

Улмо пу бодые вань дыръя,	«Если есть у меня яблонева трость,
Малы пыкъясском бадьпулы?	Зачем же я буду опираться на ивовую?
Аслам туганэ вань дыръя,	Если есть у меня родственники,
Малы йыбырттом ятьёслы? ¹⁵⁰	Зачем же я буду кланяться чужим?»

Вокруг участия в помочах сложился целый комплекс этических представлений и норм. В принципе любой общинник мог отказать в помощи, но фактически это было малоосуществимо, так как принудительный севооборот, жесткая регламентация полевых работ в ряде случаев сковывали инициативу общинников, заставляли их считаться с хозяйственным циклом соседей и, когда необходимо, прибегать к их помощи или самому оказать таковую кому-либо. Обязательность помочей глубоко осознавалась крестьянами и в нравственном плане, так что отказов в подобных случаях почти не бывало, особенно если веме организовывалось миром для помощи попавшему в экстремальную ситуацию члену общества. Общественное мнение решительно осуждало отказавшегося принять участие в подобного рода помочи.

Не следует забывать и о том, что если помочи организовывал

¹⁴⁷ ЦГА УАССР, ф. 76, оп. 1, д. 263, л. 108.

¹⁴⁸ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 135, 93.

¹⁴⁹ Кузнецов С. К. Указ. соч. С. 29, 42.

¹⁵⁰ Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 89.

богатый односельчанин, крестьяне, заинтересованные в его поддержке (ссудой, займом и т. п.), не могли отказаться от приглашения — помочь уже в силу некоторой экономической зависимости.

Осознание необходимости взаимной выручки, помощи друг другу, преимущества коллективной работы, добрососедских отношений нашло отражение и в устном творчестве народа: без соседей жить нельзя (иськавынтэк улыны уг лу); к соседям во всякое время можно обратиться (иськавын-ббляк доры котьку мыныны луоз); у одной головы один ум, у двух — два, а ум соседей-родственников — всем умам ум (одйг йырлэн одйг визьмыз, кык йырлэн — кык визьмыз, иськавын-ббляклэн визьмыз — вань визьлы визь), не посоветовавшись с соседями, не нужно начинать дела (бускелен кенештэк ужез кутсконо овёл); помогай другим и тебе помогут (юрттйськы, тыныд но юрттозы)¹⁵¹ и т. д.

Помочи играли существенную хозяйственную и нравственную роль как одна из форм коллективных работ, где вырабатывались, закреплялись и передавались в межпоколенной трансляции производственные приемы и навыки, происходил обмен эмпирическими знаниями и наблюдениями. Общественное мнение на помочах выделяло лиц, наиболее успешно овладевших тем или иным приемом, осуждало и высмеивало неловкость, небрежность или неприемлемые новшества¹⁵². Молодежь не раз слышала, как об искусных работниках, мастерах отзывались — зарни ки (буквально — золотые руки), а о лодырях, болтунах, неумелых и нерадивых высказывались метко и однозначно — кыыз мажес (буквально — руки-грабли). О них же сочинялись насмешливые афоризмы: язык острый, да руки тупые (кылыз лэчыт, кыыз мырк); делал лодку, да даже весла не вышли (быдэс пипуэз пыж лэсьтыса, полыс но поттымтэ).

На помочах высоко ценилась роль стариков как носителей социально значимых навыков, знаний, приобретенных опытом, исполнителей индивидуальных неформальных ролей.

Таким образом, веме — форма помощи работой, оказываемой по просьбе или извещению кого-либо из членов соседской общины. Ее оказывали всем нуждавшимся в ней и входившим в общину. Это была помощь, в которой мог нуждаться как богатый, так и бедный, форма взаимопомощи, которая представляла собой одновременно и привилегию, и обязанность. Система отношений вза-

¹⁵¹ **Вотяки** // Сборник по вопросам быта, экономики и культуры вотяков. М., 1926. Кн. 1. С. 51.

¹⁵² **Громыко М. М.** Обычай помочей у русских крестьян в XIX в. // СЭ. 1981. № 5. С. 46.

имной помощи и выручки имела место во всех сферах человеческой деятельности, этот термин обозначал и такие связи, которые никакого отношения к экономике не имели, являлись неэкономическими.

В пореформенный период с развитием капиталистических отношений крестьянская взаимопомощь приобрела социальную направленность, чаще использовалась зажиточной частью общины, нежели рядовой массой крестьян-общинников. Социально-экономические условия приводили к подмене соседских и родственных связей интересами фиска, но говорить о том, что система вела себя как традиционный институт крестьянской взаимопомощи, не приходится.

Глава III. СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ФУНКЦИИ ОБЩИНЫ

§ 1. Регламентация семейной жизни

Крестьянская семья функционировала в рамках сельской общины, которая, сообразуясь с задачами, стоявшими перед ней как институтом, обеспечивавшим экономическую и социальную организацию крестьянства, воздействовала на семью и держала под своим контролем практически все стороны хозяйственной деятельности и семейно-брачных отношений.

Семья являлась низшей хозяйственной единицей общины, ее первичной социальной ячейкой, в тесном взаимодействии с общиной она реализовывала организацию стереотипов группового опыта, осуществляла межпоколенную передачу этнической специфики и этнических традиций. Кроме того, семья была единицей биологической, одна из ее основных функций заключалась в производстве и воспроизводстве членов общины «при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»¹.

Пожалуй, трудно будет назвать сферу семейной жизни, которая выпадала бы из поля зрения сельского мира. В большей или меньшей степени община контролировала наследование имущества в крестьянских семьях, семейные разделы, создание новых семей, поддержание семейно-бытового распорядка, воспитание сирот и т. д.

Регулирование семейной жизни осуществлялось как прямым, так и опосредованным способом. Прямой контроль выполнялся самой общиной и по ее поручениям — выборными лицами, соседями, родственниками, а опосредованная деятельность общины проявлялась в выработанных ею обычаях и традициях, которые руководили сознанием и поступками отдельных людей.

Обратимся к вопросам регулирования общиной хозяйственной деятельности крестьянских семей. Пристальное внимание мира к этой сфере жизни объяснялось тем, что именно имущественная

¹ Маркс К. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 483.

состоятельность семей, их трудовые ресурсы являлись своего рода гарантией хозяйственных интересов общины. Общине важно было, чтобы ее члены не опускались ниже того уровня, за которым они потеряли бы свою значимость в качестве налогоплательщиков и превратились в «обузу» для самого сельского общества. Чтобы обеспечить хозяйственную деятельность двора и существование семьи, каждому новому хозяйству выделялась наделная земля, усадьба для строящегося дома, проверялось экономическое состояние семьи, наличие достаточного количества рабочих рук и орудий труда для ведения хозяйства и уплаты повинностей. В своих интересах община часто ограничивала самостоятельность общинников, подвергая их действия строгому контролю. Без ведома схода крестьянам не разрешалось ликвидировать свое хозяйство и выезжать за пределы общины, временно отлучаться на посторонние заработки, продавать постройки, скот и навоз в другие селения и т. д. Так, крестьяне починка Аверинского Глазовского уезда в 1892 г. обратились с жалобой к земскому начальнику на односельчанина за то, что он самовольно продал свой дом в сторонние руки, несмотря на то, что был даже «составлен приговор не продавать ни стройкой, ни бревном». Дело закончилось миром только благодаря тому, что дом был признан ветхим и куплен лет 25 назад у другого домохозяина².

Когда функционирование крестьянского двора как хозяйственной единицы оказывалось под угрозой и положение семьи становилось бедственным, община в силу фискальных интересов, а также соседских и родственных связей приходила ей на помощь, о чем уже писалось в предыдущей главе. При этом, конечно, еще раз необходимо отметить, что с усилением социальной дифференциации в общине помощь односельчанам часто превращалась в прикрытую родственными или соседскими связями эксплуатацию имущими крестьянами несостоятельных общинников. Тот же Г. Е. Верещагин отмечал, что «богачи беднякам если и помогают, то из корыстных видов»³, а В. Максимов заметил: «Взаимодавец предъявляет к бедняку требование в качестве процентов за помощь отработать несколько дней в самый важный момент полевых работ, чем еще более подтачивает слабое хозяйство получившего заем»⁴.

Долги семьи считались ее частным делом, и ответственность

² ЦГА УАССР, ф. 94, оп. 1, д. 1084, л. 2, 4.

³ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 102.

⁴ Максимов В. А. Вотяки. Ижевск, 1925. С. 47.

за них возлагалась на всех членов семьи, независимо от того, кто непосредственно в них был виновен: «А раз это так, то в интересах всех членов семьи проникнуться заботой о том, чтобы очистить долг... Эти условия создают то, что ни глава семьи не имеет возможности с лукавством отпереться от совершенного им займа, ни члены семьи не в состоянии отделиться от своего большака по делу уплаты долга». В противном случае «неуплата долга не может быть совершена без того, чтобы вся семья должника не была, как говорят крестьяне, «опорочена», как незаслуживающая никакого доверия»⁵. По отношению к такой семье в общине могла оформиться и довольно устойчиво сохраняться соответствующая репутация, нередко переходившая из поколения в поколение.

Как правило, все виды займов совершались при свидетелях — людях «сторонних» (т. е. незаинтересованных ни в чьей стороне) и надежных. При крупных займах заимодавец и берущий в долг заключали письменное соглашение, скреплявшееся печатью старостой. Возмещение общиной частных долгов крестьян было явлением довольно редким и наблюдалось лишь в случаях, когда должники вовсе не могли удовлетворить кредиторов. Признание миром солидарной ответственности за своего члена отчасти объяснялось соображениями фиска и круговой порукой, отчасти — тесным переплетением связей родства и свойства и обычаем крестьянской общинной взаимопомощи.

Во всех отношениях с внешним миром семью представлял домохозяин — кузё. Он выступал в качестве распорядителя, управляющего хозяйством от имени всех членов семьи, а также в качестве организатора семейного производства. При наличии делового, расторопного домохозяина и нормальном течении дел в хозяйстве контроль общиной за семейными делами сводился к минимуму. В противном случае, особенно если дела семьи приходили в расстройство и община считала виноватым в этом кузё, решением схода он мог быть заменен другим. Иногда община устанавливала опеку над хозяйством слабого хозяина или брала главу семьи «на поруки» и всю его деятельность строго контролировала.

Главой семьи становился отец семейства или кто-либо старший по возрасту, но домохозяином «может быть и младший член семьи, если он удовлетворяет тем требованиям, какие поставлены современными обстоятельствами перед главою семьи. Кто умнее, находчивее, говорит по-русски, неробок на сходке и пред начальством, тот может быть кузё. Обязанности кузё очень важные и от

⁵ Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. Ч. 1.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. 3. С. 17.

него зависит весь строй семьи»⁶.

В делах, связанных с взаимоотношениями супругов, мирское общество всегда придерживалось четкой позиции: в пределах семьи за женщиной сохранялись определенные права и относительная самостоятельность, но от участия в общественной жизни она была отстранена. Как свидетельствуют литературные и архивные данные, взаимоотношения супругов в большинстве удмуртских семей строились на основе согласия: «между собою вотяки миролюбивы, имеют согласие в семействах, имеют привязанность к дому»⁷, «мирно и в любви у вотяков живут и мужья со своими женами»⁸, «во многих случаях по обычаю мужья советуются с женами, они являются самостоятельными хозяйками»⁹, «в домашней жизни вотяк кроток и тих, с женой живет в согласии, во всех делах советуется с ней»¹⁰. Возможно, эти отзывы в силу некоторых причин (например, поверхностное знакомство с крестьянским бытом) несколько преувеличены, но все же с достаточной уверенностью можно сказать, что грубый и откровенный произвол во взаимоотношениях супругов в удмуртской семье был явлением исключительным и жестокость мужа в обращении с женой осуждалась в общине.

Степень независимости женщины во внутрисемейной жизни во многом зависела от размера приданого, полученного ею во время выхода замуж: чем больше приданого имела она, тем значительнее было место, занимаемое ею в семье. За женщиной сохранялось право собственности на приданое и на те продукты и изделия, которые изготовлялись исключительно ее силами: холст, шерстяные ткани, кумышка и т. д. В большой неразделенной семье в ведении старшей женщины, особенно жены кузё, находились все женские работы, и женская половина семьи подчинялась ей. Общественное мнение деревни требовало почтительного отношения к пожилым женщинам: к их голосу прислушивались в семье, на молениях и праздниках им, как и старикам, отводилось специальное почетное место, жены жрецов — вöсьсей — принимали участие в исполнении религиозного ритуала, и, более того, без них ряд молений считался даже недействительным. Но в целом удмуртская женщина все же была лишена возможности проявлять общественную активность и так или иначе находилась в зависимости от мужчины — отца, бра-

⁶ ГАКО, ф. 170, оп. 1, д. 126, л. 40 об.

⁷ Крекнин С. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них. Вятка, 1889. С. 15.

⁸ ГАКО, ф. 237, оп. 178, д. 506, л. 12 об.

⁹ Там же. Ф. 170, оп. 1, д. 126, л. 46 об.

¹⁰ Харузина В. Н. Вотяки. М., 1898. С. 9.

та, мужа. В удмуртской общине нередко бывали случаи, когда после смерти главы семьи, кенеш указывал женщине человека, которого она должна была принять к себе в дом в качестве мужа (пыртос)¹¹. Над хозяйством вдовы, оставшейся с малолетними детьми и не вышедшей вторично замуж, община устанавливала опеку и держала под своим постоянным контролем. Конечно, бывали случаи, когда вдова (даже при взрослых сыновьях) признавалась главой семьи и управляла хозяйством, и сыновья «должны были слушать ее во всем, а из-под ее воли не выходить». Но даже в таких ситуациях хозяйственные права матери простирались только на текущие (обыденные) дела по хозяйству: «Все, что носит на себе характер перемен и изменений, должно быть произведено матерью не иначе, как по сугласу со своими сыновьями, потому что перед обществом за именование отвечают сыновья и с них общество требует все повинности». Ко всему нужно добавить, что эти права предоставлялись только «доброй» матери, разумной хозяйке, на которую община могла надеяться, что она не «уронит» хозяйство и сохранит его в целости. Такие матери пользуются безусловным уважением среди крестьян¹².

Как уже упоминалось в первой главе, на сходах женщина принимала участие только в определенных обстоятельствах, например, «когда дело коснется взыскания податной недоимки, а хозяина нет дома. А по делам поверки и переделов земель они на сходы не являлись»¹³. За мужем признавалось право на развод¹⁴, он мог наказывать жену за мелкие проступки и супружескую неверность¹⁵. Над супругами стояли община, местная администрация, для которых поддержание «согласия» между мужем и женой являлось одним из предметов постоянной заботы.

Еще большее значение имела деятельность общины по регулированию взаимоотношений родителей и детей. В деревне неукоснительно действовало правило — дети должны повиноваться воле родителей: «Отцы заботятся о добром воспитании детей, а дети, в свою очередь, исполняют их распоряжения»¹⁶. По традиции молодежи не принимала участия в обсуждении деревенских проблем и на общинные собрания не допускалась. О молодых людях со скромным характером всегда можно было услышать похвальные отзывы в деревне, и, наоборот, вмешательство в дела взрослых,

¹¹ Смирнов И. Н. Вотяки // ИОАИЭ. Казань, 1890. Т. 8. Вып. 2. С. 167.

¹² Тихонов В. П. Указ. соч. С. 122, 123.

¹³ Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 126.

¹⁴ Максимов В. А. Указ. соч. С. 72.

¹⁵ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 159, 167—168.

¹⁶ ГАКО, ф. 811, оп. 1, д. 656, л. 3.

возражения старшим вызывали отрицательную реакцию общинников, особенно стариков.

Мир заботился о том, чтобы крестьянские дети с малых лет приучались к сельским работам. Как само собой разумеющееся воспринималось выполнение некоторых трудовых операций детьми 7—8 лет, а мальчики 12 лет считались уже взрослыми работоспособными людьми. Раннее включение детей в трудовую жизнь семьи было самым действенным средством воспитания. В условиях жизни удмуртской семьи вырабатывалось правило, что трудолюбие, как и другие нравственные качества детей — верный залог спокойной и обеспеченной старости самих родителей. Бездетность удмуртами воспринималась не только как несчастье, но и как позор. По словам Г. Е. Верещагина, удмурты «счастье полагают только в детях, особенно в сыновьях; поэтому у кого есть дети, тот считает вправе назвать себя счастливым, довольным судьбой»¹⁷.

Следует отметить, что требуя неукоснительного подчинения в хозяйственных делах, взрослые уделяли мало внимания молодежи в свободное от домашних и полевых работ время, когда она была предоставлена самой себе.

В конфликтных ситуациях, возникавших между родителями и детьми, решение общины чаще всего выносилось в пользу родителей. Крестьянин деревни Водопиевской Глазовского уезда в 1892 г. подал прошение земскому начальнику с просьбой разрешить ему отделиться от отца или поставить его домохозяином, так как «отец постоянно причиняет ему и жене обиды и притеснения, совершенно не работает, а только распоряжается, и распоряжается лишь по своему самодурству». Прошение было подано на рассмотрение схода и тот принял решение: «управлять хозяйством в настоящее время способен отец без всякого расстройства, а потому прошение сына оставить без последствий»¹⁸. Лишь в исключительных случаях община сама проводила отделение сына от отца. Так, крестьянами починка Малый Варыш Глазовского уезда был принят приговор о разрешении сыну пойти в раздел вопреки желанию отца. Причиной тому были постоянные раздоры, ежедневные ссоры, отчего хозяйство могло прийти в расстройство. В приговоре поведение отца было названо «безнравственным»¹⁹. В целом же община всегда поддерживала стремление отцов удерживать детей около себя, и сын, живший с отцом, по мнению общинников, был более достоин уважения, чем отошедший в раздел.

¹⁷ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб., 1886. С. 7.

¹⁸ ЦГА УАССР, ф. 94, оп. 1, д. 228, л. 2—4.

¹⁹ Там же. Ф. 113, оп. 1, д. 304, л. 1—2, 4—6.

Мир следил также за тем, чтобы наследование крестьянского имущества (вернее, не столько наследование, сколько определение доли каждого члена семьи) происходило согласно местным обычаям с учетом фискальных интересов общины. Размер наследства определял отец, и община привлекалась только в тех случаях, когда возникала необходимость разрешить спорный вопрос. Отец как глава семейства обладал широкими полномочиями относительно своих сыновей вплоть до лишения их наследства. Такое лишение могло последовать в случае их неповиновения или при требовании о выделении, с чем не соглашался отец. Эта норма признавалась общественным мнением деревни, и спорное дело разрешалось в пользу главы семьи, если он считался «рачительным» хозяином. Однако, если выдел сыновей из семьи община находила необходимым, она контролировала, чтобы они получили хотя бы минимально необходимое для ведения самостоятельного хозяйства. В этом проявлялось отношение общины к главе семьи в большей степени как к распорядителю общего семейного имущества, нежели как к владельцу²⁰.

После смерти отца движимое и недвижимое имущество делила община, наследство поровну распределялось между сыновьями. Тому из братьев, с кем оставалась вдова или незамужние сестры, выделялась большая часть имущества. С выходом замуж дочери теряли все права на пользование имуществом отца и могли получить его часть только в виде приданого²¹. При жизни отца обязанность обеспечить дочерей приданым лежала на нем, после его смерти — на том из братьев, с кем оставались жить сестры.

Недоимки и частные долги умершего отца переносились на сыновей, если община отказывалась брать их уплату на себя. Так, у смотрителя хлебозапасного магазина из Гереевского сельского общества Глазовского уезда во время проверки была обнаружена нехватка хлеба, которую он так и не мог восполнить вплоть до самой смерти. После его смерти взыскание недостающего хлеба было переложено на его наследников²².

Одним из важных вопросов, обсуждавшихся на сельских сходах, был вопрос об опеке. Опека над осиротевшими детьми, слабыми хозяйствами носила традиционный характер, и нормы обычного права здесь выступали с особой наглядностью. На полное свое обеспечение община сирот не бра-

²⁰ Александров В. А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVII — н. XIX в. // История СССР, 1979. № 6. С. 40, 52.

²¹ ЦГА УАССР, ф. 113, оп. 1, д. 60, л. 5.

²² Там же. Ф. 118, оп. 1, д. 20, л. 1, 10—11

ла, а возлагала обязанности по их воспитанию на близких родственников. От негласного правила родственной помощи опекуны не могли отказаться, какой бы тяжелой и нежелательной она ни была для них. Опекун назначался на сельском сходе из людей, отличавшихся хорошим поведением и пользовавшихся уважением общины, и обязан был следить за имуществом, чтобы оно не было расхищено или неправильно использовано²³. Иногда часть имущества опекаемых шла в продажу, а вырученные деньги хранились в банке. Сироты могли получить эти деньги только с разрешения сельского схода и опекуна по достижении совершеннолетия. Часть средств шла на уплату недоимок, если таковые оставались после умерших родителей, а также отдавалась опекуну на содержание сирот. Усадебная земля считалась наследственным владением малолетних сирот, земельный надел тоже сохранялся за ними, но до их совершеннолетия им мог пользоваться опекун или община в целом²⁴. Сход периодически контролировал опекуна, выслушивал отчеты о его действиях. Так, крестьяне Кожильского сельского общества Глазовского уезда на одном из своих сходов в 1886 г. провели проверку действий опекунов «над призрением сирот Ивана, Тимофея, Натальи и Анны Ивановых Ельцовых», в результате которой сход пришел к решению, что «упущений по должности опекунов не усмотрено и жалоб со стороны сирот не поступало. А потому постановили: над призрением сирот Ельцовых и имения их оставить опекунами тех же Князева и Ельцова»²⁵.

Если община замечала, что опекун не исполняет возложенные на него обязанности или не справляется с ними по старости или нездоровью, она пересматривала кандидатуру опекуна и назначала другого. За труды опекунам вознаграждение не полагалось, это считалось обычным делом.

В исключительных случаях община назначала опекунство над детьми и хозяйством даже при живых родителях. Например, над хозяйством А. Корепанова, приговоренного решением общины к высылке в Сибирь «за дурное поведение», сельский сход определил «учредить опеку, которая и учреждена с избранием опекунов из крестьян-соседей его К. Корепанова и Я. Корепанова, коим поручено сохранять оное в целости до времени... Имение оставить в пользу жены и детей его, сохраняя под опекою впредь до совершеннолетия последних»²⁶.

²³ Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 94.

²⁴ ЦГА УАССР, ф. 113, оп. 1, д. 28, л. 2—2 об.; ф. 108, оп. 1, д. 623, л. 5—6, 7—7 об.

²⁵ Там же. Л. 7.

²⁶ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 7, л. 51 об.—52.

С развитием капитализма опека над сиротами становилась далеко не такой бескорыстной, как это могло показаться на первый взгляд. Как писал А. Вахрушев, «часто кенеш назначал опекунов для сирот из числа состоятельных членов общины, в хозяйстве которых подопечные работали в качестве батраков»²⁷.

В статьях членов Вятской архивной комиссии и отчетах миссионеров часто встречаются замечания, что среди удмуртов нельзя было встретить нищих как детей, так и стариков: «вотяки не оставляют сирот и дряхлых стариков, престарелые и бездетные содержатся усердием тех, у кого они живут»²⁸, «неимущим своим они не позволяли ходить дальше своей деревни и доставляли им пропитание сами, увечных же, престарелых и вообще неспособных к труду, они отдавали на содержание родственникам»²⁹, «старики и калеки, не имеющие родственников, преимущественно живут и питаются среди своих же соседей»³⁰. Часто община — бускель — даже новожилов принимала в свою среду с условием, что они возьмут под свою опеку то или другое обедневшее семейство, чтобы последнее окончательно не потеряло свою тяглоспособность. «Таким приемышам обыкновенно предоставляется не только тот именно земельный надел, коим пользовалось захудалое семейство, но и одворица, и дом с его скарбом, который, впрочем, поступает в полную собственность приемыша только по выполнении им всех принятых на себя обязательств»³¹.

Таким образом, дело призрения слабых, маломощных членов своего коллектива община держала под постоянным вниманием, но с развитием капитализма и этот «достойный подражания порядок несколько изменился: недостаток насущного хлеба и истощение хлебных запасов заставили некоторых прибегать к христарядничеству»³². В конце XIX в. «в Сарапульском уезде было зафиксировано 1125 нищих (905 человек русских, 220—удмуртов, татар и пр. народностей)». В 1892 г. по Глазовскому уезду нищих насчитывалось 2945 человек³³.

²⁷ Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 84.

²⁸ ГАКО, ф. 237, оп. 178, д. 506, л. 21.

²⁹ Календарь Вятской губернии на 1880 год. Вятка, 1880. С. 49.

³⁰ ЦГА УАССР, ф. 113, оп. 1, д. 82, л. 160—161.

³¹ Там же. Л. 161.

³² Календарь Вятской губернии на 1880 год. С. 49.

³³ Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. Ижевск, 1961. С. 41.

В ведении общины также находились вопросы, связанные с усыновлением. Разрешение на усыновление сход давал при условии, что у желавшего усыновить нет своих детей мужского пола, что он является домохозяином или получил разрешение на усыновление от родителей, наконец, он должен отличаться примерным поведением и быть на хорошем счету у общины. Женщина, лишь овдовев и притом бездетная или при малых детях, могла получить разрешение общины на усыновление «на умершую душу». При этом сход особенно пристрастно обсуждал ее кандидатуру с моральной точки зрения. Брак между приемной матерью и усыновленным не возбранялся, если позволял их возраст. Брат в «детство» к себе можно было сироту, зятя, члена как своей, так и чужой общины, причем разрешалось усыновлять даже не одного человека, а двоих-троих. Так, крестьянин С. Денисов из починка Кулак Кучес Сарапульского уезда имел двух приемных сыновей — братьев Козьму и Николая Самойловых³⁴. При усыновлении члена чужой общины требовался приемный приговор той деревни, где жил усыновитель, и увольнительное свидетельство из общества усыновляемого. Если у идущего в «детство» были живы родители, требовалась их расписка, что они не возражают против ухода их сына в чужую семью³⁵. В случае возникновения конфликта между приемными родителями и усыновленным последнего можно было «отсадить в рознь, дав ему землю, приходящую на его долю, поставив избу и снабдив скотиной и домашней утварью»³⁶.

Усыновленные, как и опекаемые, часто попадали в кабалу к главе зажиточного семейства и мало чем отличались от простых работников.

Под непосредственным наблюдением общины находилось и выполнение ритуалов семейной обрядности. Общественное мнение руководило действиями жителей деревни, заставляя их поступать так, «как принято, как положено». В этом сказывался авторитет мира. Особенно пристальное внимание общины привлекала свадьба, так как создание нового крестьянского двора считалось общественным делом и требовало признания брака со стороны общины. В заключении браков мир принимал участие в виде материальной или нравственной поддержки, а также и непосредственного присутствия во время веселья. Л. Федоров из села Александрово Елабужского уезда о свадьбе сестры рассказывал: «В пас-

³⁴ ГАКО, ф. 176, д. 2779, л. 215 об.—216.

³⁵ Там же. Д. 2771, л. 7—14.

³⁶ Харузин М. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии // Юридический вестник, 1883. Т. 1. С. 283.

ху выдал сестру свою. Начали пировать с первого и продолжалось до четвертого дня. Народу на свадьбе было много, александровские едва ли не все перебивали, так как у нас почти каждый ходит». А его однодеревенец добавил: «По вотскому обыкновению на свадьбу у нас ходит всякий»³⁷. Сами масштабы праздника, величина расходов являлись свидетельством отношения крестьян к вступлению в брак как к очень торжественному и значительному событию, определявшему всю последующую жизнь молодоженов. Община ревниво следила за исполнением ритуалов свадебного обряда, мнение родственников, ближайших соседей, селения в целом являлось регулятором поведения, оказывавшим непосредственное воздействие на сохранение традиционных воззрений и соблюдение традиционных норм.

На свадьбах ярко проявлялась роль индивидуальных носителей традиций, к которым относились, например, дэмчи (сваха), бадзым ваись (старшие поезжане со стороны жениха), торо (главный распорядитель свадьбы и запевала, чаще всего это один из крестных родителей невесты) и др.

Чувство общинной солидарности и близости в не меньшей степени проявлялось и в родильно-крестильных и похоронно-поминальных обрядах. По словам А. Н. Семакина, «свою радость и горе они (удмурты.— Г. Н.) привыкли делить сообща. Родится ребенок, устраивают по этому поводу праздник, и соседи чувствуют отца ребенка кумышкой, придя к нему в гости. Умирает человек, опять соседи и родственники вместе оплакивают умершего»³⁸. На это же обратил внимание Г. Е. Верещагин: «Односеленцы, узнавши, что в доме есть новорожденный, идут поздравить его отца. Женщины идут со стряпней кормить роженицу, а мужчины дают деньги: кто копейку, кто две и т. д.»³⁹

Община выступала как хранительница нравственных принципов, она вела борьбу с мотовством, праздностью, воровством, ленью, нерадивым отношением к труду отдельных членов семей. В качестве наказания общество могло подвергнуть провинившихся крестьян денежному штрафу в пользу мирской казны, «отлучить» от участия в общинных празднествах, подвергнуть публичному наказанию и даже выгнать из деревни. Когда дело касалось нравственности, община вмешивалась в частную жизнь даже тех лиц, которые были приписаны к данному обществу, но не пользовались в нем земельным наделом. Так, крестьяне села Селты решением

³⁷ ГАКО, ф. 20, оп. 1, д. 1685, л. 29, 30.

³⁸ Семакин А. Н. Северо-восточная часть Вотского края // Труды научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1927. Вып. 5. С. 46.

³⁹ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб., 1886. С. 25.

схода объявили односельчанину Л. М. Столбову, чтобы тот отказал своей квартирантке Опариной с семейством, так как «она и ее дети, не имея определенных занятий, живут по крестьянству довольно открыто, сыновья покупают водку, шатаются с песнями по селу, замечаются за ними и кражи в огородах, дочери порочно-го поведения»⁴⁰.

В компетенции общины находился вопрос о высылке в Сибирь неугодных ей членов, и при необходимости она прибегала к этой мере наказания. В качестве примера приведем приговор крестьян Игринского сельского общества Глазовского уезда от 4/II 1877 г.: «Крестьянин нашего общества К. Корепанов и родные его сыновья Семен, Николай и Абросим семейную свою жизнь ведут нехорошую, производя между собой частовременные ссоры, брани и драки, собственно потому, что все они занимаются кражами, за что Козьма Корепанов и сын его Семен неоднократно были уже наказаны розгами, были заключены в тюремное помещение, Николай и Абросим, хотя и не были еще судимы, но как отец их Козьма, так и означенные сыновья его много раз были замечаемы в кражах, за что оставались не судимыми только по пронируемости их, в настоящее же время по таковому развратству поведения семейство это положительно нетерпимо для нашего общества. А потому мы, старшие домохозяева, единогласно постановили приговор на предмет удаления их из места жительства в Сибирь»⁴¹.

Принимая приговоры об изгнании из деревни или высылке в Сибирь своих членов, община руководствовалась не только тем, что тот или иной общинник был ей негоден, что оставлять его в своем составе становилось экономически нецелесообразным, но и тем, что мир нес коллективную ответственность за преступления, разбой и кражи, совершаемые на его территории. При этом, заботясь о соблюдении общепринятой шкалы нравственных ценностей, община действовала не только посредством общественного мнения, но и мерами принуждения.

Среди многообразных дел, контролируемых общиной, важное место занимали семейные разделы. Мы уже упоминали, что согласно литературным и архивным данным семейные разделы среди удмуртов происходили реже, чем среди русских: «семейные разделы у вотяков происходят гораздо труднее и реже, чем у русских, делятся лишь в случае крайней необходимости и слишком большой численности семьи»⁴².

⁴⁰ ГАКО, ф. 716, оп. 2, д. 153, л. 107—107 об., 113—114 об.

⁴¹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 352, л. 10.

⁴² Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1895. С. 216—217.

Среди причин, вызывавших семейные разделы, крестьяне чаще всего называли «недовольство между семействами», «большое число членов семьи», «ссоры в женском полу», «неповиновение сыновей родителям, братьев братьям», «неприятности при расчетах денег, заработанных семейством», «совершенная невозможность увеличить дом и прочие службы через перестройку или постройку новых зданий»⁴³. Вятские губернские ведомости в 1892 г. писали: «Если и возникают вотские семейные разделы, то преимущественно по следующим причинам: или от многочисленности семьи, или от неуживчивости снох, потому что женщины вотяков имеют более самостоятельный нрав, чем мужчины»⁴⁴. Однако едва ли женские несогласия являлись главной причиной распада семей, скорее всего семейные разделы возникали как следствие глубокого процесса проникновения товарно-денежных отношений в деревню.

При разделе глава семьи делил все имущество, скот и земельный надел на равные части по числу мужчин, и отделявшийся получал положенную ему долю. Сход своим приговором «узаконивал» решение о разделе, и таким образом в деревне появлялось новое крестьянское хозяйство. Так, при разделе братской семьи Максимовых из починка Верх Кестым Глазовского уезда в приговоре схода было записано: «В первой части должно быть: «Михайло 47 л., сыновья его Алексей 14 л., Кондратий 8 л., Владимир 6 л., Антон 5 л., и брат Родион 44 л., полевого надела 5,1/2 души, 2 избы, 4 амбара, 1 хлев, 4 лошади, 6 коров и в последней части: брат Василий 38 л., сын его Михайло 7 л., брат Кирилло 29 л., полевого надела 4, 1/2 души, 1 изба, 2 амбара, 1 погреб, 1 чум, 4 лошади, 6 коров. Затем весь наличный хлеб разделить на 2 пая по числу душ, посеянной на 1890 год озими снять Михайлу на 5,1/2 душ и последним двум на 4,1/2 душ»⁴⁵.

По сведениям Г. Е. Верещагина, разделившиеся братья ставили свои дома на отцовской усадьбе. Только в случае особенной тесноты общество отводило одному из них «дворовое место» или в конце селения, или на покинутой незанятой усадьбе, при этом оно руководствовалось утвержденным начальством планом и следило, чтобы были соблюдены меры противопожарной безопасности. При разделе отца с сыновьями на старой усадьбе оставался отец с одним из сыновей, отделявшийся водворялся на новом месте. Если не было отца, община на старое место обычно «приговаривала» старшего брата (майорат). Но такого порядка придерживались не

⁴³ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 985, л. 24 об., 27 об., 40 об.

⁴⁴ Вятские губерские ведомости. 1892. № 73.

⁴⁵ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 985, л. 8.

везде, например, в соседнем с Ляльшуром селе Чумойском на отцовской усадьбе оставался младший брат (минорат)⁴⁶, в Елганской волости Глазовского уезда старое «одворичное место» закреплялось за старшим членом семьи, а в Тишинской волости того же уезда (население исключительно русское) — за младшим⁴⁷.

При семейных разделах дележу подвергался весь комплекс семейного имущества, но при этом несколько особое положение занимали усадебные места, мельницы, гумна с овинами, бани, женское добро, пчелы и отчасти — земля.

Как было видно из вышеизложенного, усадебные места крестьяне не подвергали разделу, усадьба оставалась за одним из членов семьи, другие получали таковую от общества (или все селились на одной усадьбе). Мельницами, гумнами, овинами разделившиеся члены семейства обычно продолжали владеть сообща «сообразно условиям, заключенным на этот счет между ними»⁴⁸. Баня отдавалась тому из членов семьи, который «водворялся» на старой усадьбе (остальные получали за нее небольшую компенсацию), но не исключалась возможность и общего пользования ею, особенно если вновь возникшие хозяйства расселялись где-нибудь по соседству. Женское добро в общий раздел никогда не поступало, каждая женщина брала себе «благоприобретенное» ею имущество и приданое.

Исключительно редко предметом раздела становились пчелы. Их избегали делить, так как по народным поверьям, пчелы не любят разделов, поэтому они оставались в общем владении разделившихся семей, «хотя доход с них, как и расход по их содержанию, распределялся относительно праву каждой семьи на общее имущество». Разделившиеся братья «не меняли даже места, где стояли пчелы при отце, если на этом месте они велись хорошо»⁴⁹.

Земельный надел выделялся каждому члену семьи или соответственно имевшемуся у него числу ревизских душ, или поровну; отцовский надел между братьями всегда делился по равной части. В ряде случаев, особенно если община не страдала малоземельем или имела пустующие участки убылых или умерших душ, мир отделившемуся члену семьи выделял надел из общинного резерва⁵⁰.

⁴⁶ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 107.

⁴⁷ Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. Вятка, 1894. С. 67.

⁴⁸ Тихонов В. П. Указ. соч. С. 72.

⁴⁹ Там же. С. 71.

⁵⁰ Там же. С. 72.

Необходимо отметить, что при семейных разделах земля делилась лишь тогда, «когда братья, либо отец с сыновьями оставались жить и хозяйствовать в своих деревнях. Если же кто-либо из них переселялся из родной деревни, то вступало в силу общинное деревенское право, по которому уходивший не мог претендовать на свою долю в деревенских земельных угодьях, а должен был получить ее от той деревни, куда он переселялся»⁵¹.

Отцовская тамга — пус — как знак семейной собственности отдавалась тому из сыновей, которому отводилась отцовская усадьба. При выборе пусов для отделившихся членов семьи руководствовались общим правилом: «новый пус не должен походить на имеющиеся уже в том же селении. Если этого возможно избежать, то обыкновенно пус первого из отделившихся сыновей отличался от отцовского только одним чеком, второго двумя и т. д.»⁵² Принятие новых тамг происходило на сельском сходе, «чтобы все знали».

Если при разделе семьи возникали ссоры и неудовольствия, последнее слово оставалось за сельским сходом: «Кенеш знает каждого, кто сколько работал, какая женщина получила приданое от родственников и пр. и на этом основании судит, что нужно передать каждому при разделе из общего имущества»⁵³. Так, крестьянин деревни Парзи Глазовского уезда Василий Жуйков в 1876 г. пожаловался в волостной суд, что «его родной брат Козьма, от него отошедший врозь, не дает ему полного надела как из строения, так и из части скота». Для разбирательства дела волостные судьи отправились в деревню и на сходе собрали отзывы соседей. Односельчане высказались, что «по их мнению, следует выделить Василию новую избу с клетью, 1 хлев, 1 двор, чум старый, быка и 1 хомут со шлеей, как ему принадлежащие, а также и остаться на старой одворице ему, а остальное строение — Козьме»⁵⁴. Решение волостного суда было вынесено согласно отзывам соседей и местным обычаям.

Особенно часто ссоры возникали при разделе семей, члены которых не находились друг с другом в прямом родстве (например, дядья и племянники, тетки и племянники и т. п.) или при разделе семей, состоявших, в частности, из свекров и снох-вдов или солдаток с детьми. Так, крестьянка починка Пусошурского Глазовского уезда К. Пономарева в 1875 г. обратилась в волостной

⁵¹ Александров В. А. Семейно-имущественные отношения... С. 44.

⁵² ГАКО, ф. 170, оп. 1, д. 127, л. 15 об.

⁵³ Максимов В. А. Указ. соч. С. 58.

⁵⁴ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 279, л. 3 об.—6.

суд с жалобой на бывшего свекра М. Волкова из починка Истишурского, «который удерживает отданные ей в приданое по выходе в замужество родителем С. Шкляевым лошадь, телку, овцу, крестным отцом — овцу, дядею — овцу, несмотря на то, что она по случаю смерти первого мужа вышла в замужество за крестьянина починка Пусошурского А. Пономарева». Основываясь на отзывах соседей и односельчан М. Волкова, суд приговорил: «От него 5 голов скотины отобрать и выдать его К. Пономаревой в полную собственность»⁵⁵.

Иногда споры по поводу раздела семейного имущества (особенно между братьями) разрешались с помощью жеребьевки: «Когда какую-нибудь вещь хочет получить каждый из делящихся, то для избежания «греха» бросают жребий, кому жребий выпадет, того и счастье»⁵⁶.

Соглашаясь на тот или иной семейный раздел, община никогда не выпускала из поля зрения наличие недоимок на распадавшейся семье. В большинстве общин недоимки, как и подати, повинности и другие казенные взыскания раскладывались сходом на вновь образующиеся хозяйства, но, по-видимому, были и исключения. Например, в Порезской волости Глазовского уезда все недоимки или долги по ссудам возлагались на старшего члена семьи, которому для покрытия этих недоимок назначалась большая, сравнительно с другими членами семьи, часть из движимого имущества, скота и хлеба⁵⁷.

Самовольные разделы порицались обществом, и виновные подвергались наказанию. Часто сельские сходы принимали приговоры, где определяли, что самовольно отделившихся «за самостоятельных домохозяев ни в каком отношении не признавать и считать их членами общей неразделенной семьи»⁵⁸. Самовольных домохозяев не допускали к участию в сельском сходе, не выдавали им дозволительные свидетельства на постройку домов и других строений, не отводили усадебные места. Распространенной формой наказания самовольных домохозяев были штрафы, аресты, розги. К примеру, братья Дмитриевы из починка Удеевского Глазовского уезда за самовольный раздел в 1887 г. были подвергнуты аресту при волостном правлении: «Прокопей 31 г. на 5 суток, Осип 25 л. на 2 суток, Савва 19 л. на 2 дня»⁵⁹.

⁵⁵ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 251, л. 4—5.

⁵⁶ Тихонов В. П. Указ. соч. С. 69.

⁵⁷ Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 г. С. 66.

⁵⁸ ЦГА УАССР, ф. 113, оп. 1, д. 44, л. 2.

⁵⁹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 619, л. 7.

Самовольные разделы, как правило, происходили не только без разрешения общины, но часто и помимо желания отдельных членов семьи: отца, старшего брата, дяди и др. Так, по сведениям Песковского волостного правления Глазовского уезда в период с 1/1 1863 г. по 31/XII 1886 г. из 121 самовольного раздела только 22 произошли с согласия родителей или старших членов семьи⁶⁰.

Несмотря на усилия общины приостановить процесс распадаения больших семей, семейные разделы, особенно самовольные, все же имели место. К примеру, по 3-му участку Глазовского уезда в 1893 г. только 3 раздела произошли с разрешения обществ, а 31 — самовольно, в Гыинской волости в 1894 г. было зафиксировано 10 самовольных разделов, в 1895 г. — 22⁶¹.

Таким образом, община представляла собой жизнестойкий организм, и те общинные традиции, которые питали крестьянский мир в течение веков, не исчезали за короткое время. И во второй половине XIX в. община продолжала держать под своим вниманием и контролем семейный быт и семейно-имущественные отношения крестьян. В вопросах нравственности, взаимоотношения поколений, воспитания детей, в осуществлении хозяйственной деятельности семей, в семейно-имущественных отношениях именно мир для крестьянина был основным выразителем общественного мнения. Многие изменения в семейной жизни общинников могли происходить не только и даже не столько по воле глав семей, они прежде всего подлежали административному контролю общинных властей. Общественно-экономическая обстановка пореформенного периода в определенной мере ослабляла влияние общины на семейный быт крестьян, подменяла родственную и соседскую солидарность требованиям обеспечения тягелоспособности общины в целом, но все же устои деревенской патриархальности даже в условиях капитализма разрушались очень медленно.

§ 2. Мирской суд

Регулирующая роль общественного мнения четко прослеживалась в действиях крестьянского суда, в охране деревенского правопорядка.

⁶⁰ Там же. Д. 985, л. 85 об.

⁶¹ Там же. Ф. 76, оп. 1, д. 144, л. 23 об., 25 об.; ф. 113, оп. 1, д. 44, л. 2 об.; д. 61, л. 38 об.— 39.

Судебные прецеденты — конкретный иллюстративный материал, на основе которого можно достичь более глубокого понимания общих положений обычного права, увидеть, как правовые нормы преломляются в практическом поведении крестьян. Они дают возможность ознакомиться с конкретными правоотношениями, формами общения и поведения внутри общины.

По реформе П. Д. Киселева (1838 г.), крестьянские суды могли рассматривать дела по искам до 5 руб. серебром включительно и имели право наказывать «за проступки» до 20 ударов розгами⁶². Составителями «Общего положения» (1861 г.) в киселевские судебные уставы были внесены поправки, в том числе точно регламентированы размеры налагаемых наказаний: отдача в работы до 6 дней, штраф до 3 руб., арест до 7 дней и телесное наказание до 20 ударов⁶³. При этом первой санкционированной сословной судебной инстанцией для крестьян признавался волостной суд, которому «Общим положением» было предоставлено право выносить решения на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту. Хотя юридические функции самой сельской общины ограничивались в основном решением фискальных и полицейских задач, разбором мелких гражданских исков и правом приговаривать крестьян к наказаниям по некоторым проступкам, в пореформенные годы большинство конфликтов, возникавших в крестьянской среде, разрешалось внутри нее.

В сферу действия обычного права, а соответственно и крестьянского суда попадали традиционные области — землевладение и землепользование, семейное право (вопросы брака, развода, усыновления), наследование, право опеки, прижизненный раздел собственности, некоторые гражданские правонарушения, обязательства (традиционные договоры о мене, найме на работу). Для судебного разбирательства существовало несколько форм не санкционированных законом общинных судов. Самый простой из них был суд сельского старосты как лица официального. Он решал вопросы о мелких земельных исках и спорах, выступал инициатором принятия определенных санкций к неплательщикам налогов, недоимщикам, к уклоняющимся от отбывания натуральных повинностей, иногда в единоличном порядке разрешал семейные споры и т. д. Также практиковался суд старосты со стариками. Судя по всему, суд стариков следует считать прежде всего выражением влияния на общественное мнение старейших членов общины.

⁶² Сборник постановлений для руководства волостных и сельских управлений. СПб., 1853. С. 4—18, 77—87, 165—168.

⁶³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформы П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 565.

ны как людей наиболее авторитетных, опытных и лучше знавших обычаи. Пореформенные письменные источники не содержат в себе достаточных сведений о большой значимости и роли института «суда стариков» в общине, по-видимому, вместе с постепенным изменением социально-экономического облика удмуртской деревни, ее внутренней дифференциацией на группировки по имущественному признаку влияние стариков снижалось, авторитет их падал. Но все-таки полевые этнографические материалы и сведения дореволюционных авторов позволяют говорить о суде стариков в удмуртской общине второй половины XIX в. как о реальном явлении. Основным круг вопросов, решаемых ими, составляли религиозные, морально-этические, некоторые семейно-бытовые дела. Таким образом, суд стариков представлял собой своеобразную цензуру нравов.

Гораздо чаще функции суда в общине исполнял сельский сход домохозяев. Наличие подобного неофициального судебного органа в лице сельского схода было присуще в основном более или менее не расслоившимся общинам⁶⁴, и функционирование его в удмуртской общине пореформенного периода еще раз подтверждает положение о том, что разложение общины — бускель — находилось только в начале этого длительного и сложного процесса. Суд сельского схода (кенеша) в глазах удмуртских крестьян все еще продолжал сохранять беспристрастие и справедливость (хотя перенесение многих видов тяжб в волостной суд уже не было редкостью), и к нему они обращались при всех житейских проблемах; спорах, недоразумениях. «Всякий раздор в семье подлежит суду кенеша,— писал И. Н. Смирнов.— Кенеш наказывает сына, который не повинуетя отцу, семейных, которые ссорятся между собою, жену, которая оказывается неверной мужу. Он является свидетелем при семейных разделах, когда они производятся полюбовно, совершает дележ собственной властью, когда между братьями нет согласия. В случае драки в деревне на другой же день собирается кенеш, который старается уладить дело»⁶⁵.

На суд кенеша собирались в доме десятника, старосты, в пожарном балагане или в мирской избе, летом — иногда прямо на улице. В зависимости от важности расследуемого дела на суде могли присутствовать или все желающие, вплоть до женщин и детей (особенно если они выступали в качестве свидетелей), или только домохозяева. Если разбирательство касалось интересов только отдельных общинников, на суд могли явиться даже не все главы

⁶⁴ Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления. 1861—1914 гг.// Исторические записки. М., 1982. Вып. 107. С. 257.

⁶⁵ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 167, 168.

хозяйств. Обычай (сям) разрешал каждому участнику деревенского суда свободно высказывать свое мнение по поводу дела. Естественно, вспыхивали споры, которые особенно обострялись, если не совпадали интересы отдельных групп в общине.

В качестве доказательств и улик на суде учитывались признание обвиняемого, поличное (например, украденная вещь; предмет, которым наносили удары при побоях, и т. д.) и показания свидетелей. Если обвиняемый не сознавался в содеянном добровольно, прибегали к опросу свидетелей. При этом особым доверием суда пользовались показания тех из них, которые не состояли с лицами, заинтересованными в деле, ни в родстве, ни в дружбе; предпочтение оказывалось свидетелям, известным порядочным поведением⁶⁶.

Поличному в общинном расследовании придавалось особое значение; добывали его посредством обыска, который проводил сельский староста с понятными, а иногда и сельская сходка⁶⁷. Обыскивали только те дома, на которые упало подозрение. Делалось это обычно следующим образом: избу окружали, вызывали хозяина и шли вместе с ним отыскивать пропавшую или спрятанную вещь. Обвиняемого на суд сельского схода часто представляли с поличным, подвешенным на шее или плечах, а иногда еще до начала схода подвергали публичному посрамлению: со связанными руками и с подвешенной украденной вещью (сноп, кусок холста, овчина и т. п.) водили по деревне в сопровождении толпы.

Наряду со следствием на рациональной основе, крестьяне допускали и иррациональные способы добывания доказательств: испытание хлебом, кровью, землей, ворожба. И. Ф. Эрдман в своей работе «Путешествие по Вятской губернии летом 1826 г.» привел несколько таких примеров: «Если, например, сомнительна граница между полями и лугами, то заставляют того, кто заявляет претензию на чужую землю, идти с куском земли на голове до межи своего участка. Нелегко, однако, ему перешагнуть через эту межу ввиду страха перед Кереметем. ...В других случаях добывают истины при помощи особо для того назначенной продолговатой четырехугольной дощечки из меди, на которую кладут кусок хлеба, затем от этого куска отрезают как раз половинку, солят и, наколов на нож, дают с ножа в рот допрашиваемому, заставив его съесть. Трудно ему будет сказать теперь что-нибудь против истины или утаить. ...Наконец, при допросе ставят также на стол высушенную медвежью голову и дают подсудимому в руки топор,

⁶⁶ Миненко Н. А. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // СЭ. 1980. № 5. С. 27

⁶⁷ ГАКО, ф. 716, оп. 2, д. 22, л. 69 об.— 70.

чтобы он разрубил голову медведя. Если он решился это сделать, значит можно положиться на верность его слов; если расколовший голову медведя показывал ложно, то он должен бояться, что его самого задерет медведь в лесу»⁶⁸.

В этих видах крестьянского следствия выпукло обрисовано восприятие земли и хлеба как больших святынь, по отношению к которым недопустимы ложь, лукавство и хитрость. Что касается медведя, фольклорные материалы представляют достаточно сведений о почтительном отношении к нему: его считали хозяином леса, обращались уважительно и только в иносказательной форме (например, лусстро — мохнатый), всегда просили прощения, когда убивали, что говорит о былом культе медведя у удмуртов.

В целях выявления вора в некоторых общинах знахари проводили обряд кион сѡн сутон (сжигание волчьих жил), во время которого в доме, где случилась пропажа, в присутствии всех односельчан на сковороде сжигали волчьи жилы с льняным семенем и произносили заклятье: «Как корчит огнем эти жилы, как сохнет и горит это семя, пусть также скорчит и вора, пусть он высохнет и сгорит. Пускай вор не найдет себе покоя нигде, блуждает по лесам, как волк»⁶⁹. Считалось, что после этого вору не будет спокойной жизни.

Иногда потерпевший приглашал всех однодеревенцев и предлагал съесть с ножа кусок хлеба, положенного на икону, перебирая в руках волчьи жилы и особые травы. Чтобы испытание не показалось обидным, а иск напрасным, потерпевший первый проделывал все требуемые операции⁷⁰. Все приглашенные общинники стремились во что бы то ни стало явиться в дом потерпевшего, «так как не придти значило бы показаться явным вором»⁷¹.

Во второй половине XIX в. сохранялось, по-видимому (хотя и редко), решение неясных случаев при помощи «суда божия», когда обвиняемые клялись в невиновности под страхом «божьего наказания»: «Разрази меня Бог!» (Инмар мед чашъёз!), произносили также клятву: «Провалиться мне сквозь землю» (му пыр мед вяяло). Обычно к этому способу прибегали при решении дел между родственниками или близкими соседями. На семейном суде весьма действенным средством считалось проклятие родителей по отношению к неблагоприятным детям, отказывавшим им во вни-

⁶⁸ Эрдман И. Ф. Путешествие по Вятской губернии летом 1826 года // Цит. по: Труды НОИВК. Ижевск, 1927. Вып. 5. С. 41.

⁶⁹ Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков. Вятка, 1895. С. 59.

⁷⁰ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 168—169.

⁷¹ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб., 1886. С. 211.

манин, благодарности, словом, «в спокойной, обеспеченной старости». К. Гердом в его неопубликованной кандидатской диссертации приведен текст проклятия матери по адресу детей, которые обижают ее: «О, Бог-Кылчин! Сама родила, сама воспитывала. Пока на печке не вырастет зеленая трава, пока глазок сучка на стене не выпустит ветку, не зазеленеет и не расцветет — до тех пор этот человек (имя) пусть не увидит хорошей жизни»⁷².

Меры наказания, применяемые общинным судом, находились в прямой зависимости от вида преступления. Виновные подвергались денежному штрафу, телесному наказанию «при всем обществе», заключению в «кутузку» при волостном правлении, снятию с должности, отлучению от молений, высылке в Сибирь или изгнанию из деревни.

К наказанию розгами приговаривались за воровство, тяжкие обиды, неповиновение родителям или властям, за растрату семейного имущества и неплатежи податей. Например, крестьянин починка над речкой Водзи Глазовского уезда А. Я. Волков «несколько раз был наказываем за разные кражи: в 1873 г.— 15 ударами за кражу железной шabalки у соседа С. Ворончихина, в 1878 г.— 20 ударами за кражу топора у А. Бурова, в 1881 г.— 10 ударами за оскорбление крестьянина Перевозчикова»⁷³.

Решение общинного схода, касавшееся того или иного крестьянина, в значительной мере зависело от его репутации и даже возраста. Так, от наказания розгами освобождались должностные лица и старше 60 лет, а также крестьяне, «пользующиеся особенным уважением». Возвратившиеся с военной службы, «если они прослужили там беспорочно и не попали в разряд штрафованных», от порки тоже освобождались⁷⁴. В таких случаях общинный суд обычно ограничивался тем, что заставлял виновного покупать полведра или ведро водки. Водка распивалась всем миром, и тем дело заканчивалось.

Довольно распространенным видом наказания, особенно характерным для пореформенного периода, был денежный штраф в пользу мирской казны или пострадавшего. К примеру, «за кражу не убранного хлеба с полей и сена виновный должен заплатить хозяину по оценке, сделанной общиной согласно местным ценам, таким же порядком расправляется мир с крадущими овощи с огородов, теперь еще на виновного налагается штраф в мирской капитал 3 рубля»⁷⁵. Любопытно отметить, что в удмуртской дерев-

⁷² Герд К. Человек и его рождение у восточных финнов. 1929. С. 33 // РФ УИИЯ.Т УрО РАН, оп. 271, д. 889.

⁷³ ЦГА УАССР, ф. 112, оп. 1, д. 46, л. 25—25 об.

⁷⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 58.

⁷⁵ Там же. Л. 59.

не кражи снопов с чужих полос, овощей с огородов были, по-видимому, довольно распространенным явлением: «В основе кражи лежит суеверие: с украденными снопами перейдет и счастье чужое. Такой суеверный обычай соблюдается и женщинами, которые с целью украсть чужое счастье крадут снопы льна, огородные овощи, печеный хлеб. Прежде якобы крали и горсти земли с чужих полос, разбрасывая ее затем по своей полосе»⁷⁶. Денежному штрафу подвергались работники, «допустившие по неосторожности обращения с огнем пожар у хозяина; за пьянство работник подвергался штрафу в 1 рубль». За вырубку деревьев «в заповедных общественных местах штрафуют по 1 рублю за дерево и арестуют на два-три дня в волостном правлении»⁷⁷.

При семейных разделах одной из сторон, не подчинившейся решению кенеша, отказывали в праве получить земельный надел в общинных угодьях или возлагали какую-нибудь «хлопотливую общественную должность, например, рассыльного в деревне»⁷⁸.

Одной из самобытных форм общественного наказания была расправа (самосуд) членов общины с провинившимися без ведома официальных властей. Самосуд чаще всего совершался при следующих обстоятельствах: 1) недостаточная оперативность властей, их снисходительность к нарушителям общинных порядков; 2) поимка с поличным на месте преступления; 3) тайное решение общинников подвергнуть наказанию явного нарушителя, против которого отсутствуют формальные доказательства; 4) неисполнение общинных обязанностей⁷⁹. В. Кошурников писал, что удмурты «прибегают иногда и к убийству, но только в защиту от дерзкого вора, преследовавшего их постоянно. В этом случае они расправляются силой целой деревни и уже не стараются о скрытии следов преступления»⁸⁰. Об этом писал и И. Н. Смирнов: «Н. Г. Первуюхину старики-вотяки сообщали, что в былое время кенеш располагал даже правом лишить жизни преступника. Стоило кенешу, осуждающему дело, замолкнуть, и виновный знал, что ему грозит смерть»⁸¹.

Примером расправы общинников может послужить случай, когда «жители деревни Юберей Сюмсинской волости заподозрили

⁷⁶ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 138—139.

⁷⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 834, л. 60, 61.

⁷⁸ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 168.

⁷⁹ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973. С. 58.

⁸⁰ Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880. С. 42.

⁸¹ Смирнов И. Н. Указ. соч. С. 169.

сельского старосту той же деревни Ф. П. Наговицына в краже овчин, за что нанесли ему тяжкие побои и истязания»⁸². Расправа была совершена и крестьянами деревни Средний Постол Сарапульского уезда, когда один из общинников Е. Максимов заподозрил своего односельчанина Н. Ефимова в краже сундучка с деньгами: «Максимов вместе с односельчанами сделал в его доме обыск, а затем по совету же жителей связал руки Н. Ефимова и свертывал их палкою, стремясь таким образом получить от него признания в краже»⁸³.

Воспоминания о былых самосудах можно услышать и в этнографических экспедициях. Собранный материал позволяет сделать вывод, что воровство, кражи (особенно лошадей), наряду с убийством, нанесением серьезных телесных повреждений, распространением порочащих сведений и грубыми оскорблениями, считались наиболее тяжкими преступлениями и карались самым жестоким образом. Е. А. Антонова, 1909 года рождения, рассказывала: «Один односельчанин (он жил через дом от нас) тайно смолотил чуть не целый кабан нашей ржи. Когда это обнаружилось, мои родители вместе с соседями водили вора по деревне с привязанным к спине мешком зерна и избивали»⁸⁴. Не только физической расправе, но и унижительному моральному наказанию подвергали вора, заставляя его с украденной вещью в сопровождении толпы подходить к каждому дому и говорить: «Купите меня овчину, я овцу зарезал» или «Не нужно ли молока, я корову подоил», «Приходите ко мне есть мясо, я барана зарезал» и т. д. Д. В. Христофоров, 1898 года рождения, говорил, что он за свою жизнь дважды был свидетелем деревенских самосудов: оба раза конокрадов избили до смерти⁸⁵. По полевым данным, расправе подвергались не только мужчины, но и женщины; их обычно привязывали к столбу рядом с пожарным балаганом и оставляли в таком положении на день, сутки.

Излишне объяснять, какое позорное пятно в результате этих самосудов ложилось не только на виновного, но и на всю его семью; порой семье провинившегося приходилось покидать родную деревню. В узком мире небольшой общины, где человек рождался и умирал, сохранению безупречности имени, чести семьи придавалось большое значение. Может быть, именно поэтому и остава-

⁸² ГАКО, ф. 716, оп. 3, д. 44, л. 111.

⁸³ ЦГА УАССР, ф. 241, оп. 1, д. 483, 1—2 об.

⁸⁴ Полевые материалы автора. УАССР, Игринский район, д. Сундур, 1989 г. // РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 2Н, д. 804, 22.

⁸⁵ Полевые материалы автора. Башкортостан, д. Купченеево, 1985 г. // РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 2Н, д. 701, л. 26.

лись в памяти людей эти суровые (хотя и не очень частые) меры наказания.

При разбирательстве исков по личным обидам, потраве и мелкой краже деревенский суд стремился закончить дело примирением, присуждая известное удовлетворение деньгами в пользу обиженного.

Специфическим вариантом крестьянских судебных заключений являлось признание вины обеих сторон по формулировке «грех пополам». Если одна из судившихся сторон не соглашалась с решением общинного суда, ей представлялась возможность обратиться в волостной суд: «Бывают, разумеется, и недовольные домашним судом и идут судиться дальше, но подобные случаи сравнительно редки. Вотяку неудобно идти в суд: не зная закона, не понимая русского языка, он не умеет защищать свое дело»⁸⁶. Поэтому чаще всего «суды сельских сходов и решения стариков почти не обжалуются потерпевшими. В немалой степени это объяснялось и укоренившимся в каждом крестьянине убеждением, что против целого общества идти нельзя»⁸⁷.

Рассмотрим теперь на отдельных конкретных примерах, как удмуртская община выполняла свои судебные функции.

К числу важнейших вопросов, систематически обсуждаемых на крестьянских сходах, относились поземельные тяжбы между общинниками, селениями или общинами. В поземельных спорах крестьяне очень активно отстаивали свои интересы; если не удавалось добиться удовлетворительного решения на сходе, обращались с ходатайством в волостной суд, к земскому начальнику, в уездное по крестьянским делам присутствие.

В 1873 г. крестьяне починка Легмувырского Глазовского уезда С. Шкляев и М. Васильев произвели обмен земельными участками. В 1874 г. М. Васильев посеял овес на своем прежнем участке, хотя по обмену он ему уже не принадлежал. Односельчане его объяснение «Шкляев мне отдал место самое неудобное, почему я и засеял своими семенами свой прежний участок, отданный Шкляеву» сочли неубедительным и приговорили: «Посеянный Васильевым овес на променянном месте предоставить им выжать обоим по равной части, а за то, что они не должны были меняться доставшимися пахотными и сенокосными местами, подвергнуть их обоим на общественные работы по 3 дня»⁸⁸. Данное решение крестьянского суда можно отнести к типичному, так как общий принцип, по которому решались подобные дела, основывался на

⁸⁶ Календарь Вятской губернии на 1880 год. Вятка, 1879. С. 49—50.

⁸⁷ Тихонов В. П. Указ. соч. С. 62.

⁸⁸ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 252, л. 4.

том, что потраченный труд должен быть вознагражден. Можно считать, что крестьяне починка Легмувыр вынесли еще мягкое наказание Васильеву, позволяя ему выжать половину урожая: посев он произвел умышленно, а в таких случаях общинное правосудие трудовое начало (количество вложенного труда) обычно игнорировало.

Характерным моментом при решении земельных споров был также учет права давности, на что мы уже обратили внимание при рассмотрении вопросов о землепользовании в общине.

Довольно часто судебные тяжбы между отдельными селениями вспыхивали из-за потрав. В августе 1879 г. крестьяне починка Матвеевского Глазовского уезда обнаружили на своих полях скот крестьян деревни Кычановской. Вспыхнул спор, обеим сторонам пришлось выделить понятых, проверить изгороди, определить размеры потравы. В итоге выяснилось, что потрава произошла из-за неисправных изгородей четырех крестьян из самого же починка Матвеевского, которым и был предъявлен иск на сумму 38 руб. 25 коп.⁸⁹

Большое количество сведений о преступлениях содержится в крестьянских мирских приговорах, а также в делах волостных судов в связи с лесными порубками, что объясняется острой нуждой крестьян в лесных материалах. Крестьянин С. Трефилов из деревни Жабинской Глазовского уезда был обвинен в самовольной порубке 14 деревьев в наделе своего селения и продаже их в починок Усть-Пышкетский крестьянину С. Симанову. Решением земского начальника и с согласия уполномоченных деревни обвиняемый был приговорен к уплате штрафа 5 руб. в пользу мирского капитала⁹⁰. Крестьянин починка Полом В. Золотарев был уличен в порубке бревен в лесном наделе крестьян деревни Дондинской, за что по решению волостного суда должен был заплатить жителям деревни Дондинской 7 руб. 20 коп. Любопытно, что дондинцы удовлетворились тем, что «на эти деньги была куплена водка, в распитии которой принял участие 41 человек»⁹¹.

В общинах, где лесные наделы были небольшие и небогатые, за лесные порубки применялись более суровые меры наказания, нежели только денежный штраф. Так, крестьяне починка Карильского Глазовского уезда добились того, что порубщики Владыкины, продавшие украденный лес, были подвергнуты однодневному аресту при волостном правлении, а также вынуждены были вернуть 8 руб. 25 коп. своему покупателю, так как бревна у него

⁸⁹ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 321, л. 3—5.

⁹⁰ Там же. Ф. 94, оп. 1, д. 1362, л. 12—12 об.

⁹¹ Там же. Д. 414, л. 4.

конфисковали в пользу крестьян починка Карильского⁹².

Огромное количество разнообразных судебных дел приходилось разбирать в связи с семейными спорами по разделу, наследованию, назначению опекунов, ссорам, дракам и т. п. При этом в обычно-правовых нормах, касающихся вопросов регулирования семейных отношений, наиболее ярко отражена защита патриархальных устоев деревни: подчинение женщины мужчине, детей родителям, младших старшим. К примеру, крестьянин деревни Иллягурт С. Главатских был наказан 15 ударами розгами «за грубость и непослушание противу старшего брата»; иск, который предъявил идущий в раздел С. Поздеев из села Игры к своему дяде, сельским сходом был отклонен как «несправедливый»; спор между отцом и сыном Родионовыми из села Полом также был решен в пользу отца⁹³. За преступления, совершенные несовершеннолетними или малолетними, наказанию обычно подвергались родители⁹⁴.

Нельзя сказать, что деревенский суд всегда проявлял беспристрастие и справедливость в рассматриваемых делах, бывали случаи подкупа, спавания, принятия заведомо ложных решений. Так, Е. Селезнев «пропонл сходу полведра водки и угощал закусками» в целях получения приговора, что его брат Иван 42 лет «слабоумен к труду в жизни и не способен к работам с тем, чтобы ему, Ефиму, предоставить льготу избавиться от поступления на службу по воинской повинности». По принятому решению крестьян деревни Сизевской Глазовского уезда было проведено дознание земским начальником, к которому обратился Иван Селезнев. Жалоба его подтвердилась, и приговор был отменен⁹⁵.

В вопросах нравственности, соблюдения норм деревенского общежития мир выступал со всей строгостью и принимал весьма суровые решения, среди которых часто встречалась формулировка «сослать в Сибирь на поселение», при этом издержки общество брало на свой счет, подати и повинности обязывалось платить само. Именно такое решение приняли крестьяне деревни Котныр, «выведенные из терпения поведением крестьян П. Харитонова и И. Федотова, Веретенниковых, которые неоднократно уже заме-

⁹² ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 201, л. 5 об.—6 об.

⁹³ Там же. Д. 185, л. 2 об.—4; д. 380, л. 1—4; д. 294, л. 4 об.—6.

См. также: Никитина Г. А. Регулятивная функция общины в сфере семейного быта удмуртов в пореформенный период (1861—1900 гг.) // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XX вв. Устинов, 1985. С. 58, 65.

⁹⁴ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 194, л. 1—2.

⁹⁵ Там же. Д. 156, л. 5—8.

чены в воровстве и мошенничестве»⁹⁶. За неоднократные кражи был сослан в Сибирь и А. Волков из деревни Дошкопи Глазовского уезда. Любопытно, что спустя 13 лет брат Волкова обратился к миру с просьбой принять высланного обратно в общество, на что сход решил: «принимая во внимание, что означенный Волков прежде судился за кражи, за которые в течение 13 лет в ссылке в Сибири понес должное наказание, даем согласие на возвращение его из Сибири и принять его в среду нашего общества»⁹⁷

Примером мирского наказания за оскорбление может послужить случай, когда П. Вершинин из деревни Дингурезь обозвал своего односельчанина вором, за что был наказан 20 ударами розгами, «а один из свидетелей — Я. Вершинин, не явившийся в качестве свидетеля, наказан штрафом в 50 коп. в пользу мирского капитала»⁹⁸.

Наблюдательность и хорошую осведомленность в хозяйственных делах, в материальной обеспеченности своих односельчан проявили общинники в ходе следствия по краже женского нагрудного украшения кироскал у П. Ефремова из деревни Сыги. Подозрение пало на Я. Ефремова, «так как много показаний, что он проделал торговые сделки серебряными деньгами с дырками». Свидетельница Н. Ефремова показала, что «ответчик уплатил торговцу А. Шуклину за ситец серебряными деньгами с дырками, причем монеты эти были из старинного серебра, а не новые», свидетель В. Ефремов подтвердил, что «действительно ответчик дал ему за долг две серебряные монеты 20-копеечного достоинства, из них одна была из старинного серебра, обе монеты с дырами», сельский староста «торговец А. Шуклин заявил ему, что он за ситец от ответчика получил деньги старинными монетами и дыры у этих денег были не новые, а старые». Я. Ефремов был признан виновным, «за что подвергнут к телесному наказанию 15 ударами» и денежному штрафу в 12 руб. 43 коп. в пользу П. Ефремова⁹⁹.

Для полноты представлений о судебной деятельности общины следует учитывать случаи обращения всей общиной в высшие инстанции. Иногда от имени общины это делал десятник, староста или доверенный, ссылаясь на то, что мир не в силах справиться с нарушителем общинных порядков.

В целом, как показывает изложенный материал, судебная деятельность общины выходила далеко за рамки ее официальной компетенции и охватывала самые различные гражданские и уголовные

⁹⁶ ЦГА УАССР, ф. 108, оп. 1, д. 323, л. 1—2.

⁹⁷ Там же. Ф. 112, оп. 1, д. 46, л. 19—19 об.

⁹⁸ Там же. Ф. 108, оп. 1, д. 126, л. 4—6, 16.

⁹⁹ Там же. Д. 94, оп. 1, д. 385, л. 1—6 об.

дела. Крестьянский суд основывался преимущественно на обычном праве, которое призвано было содействовать передаче традиций из поколения в поколение, сохранению норм поведения и форм общения, на страже которых стояла община. Местные суды при вынесении решений на основе обычного права общины были до известной степени согласовывать решения с официальным правом, но в то же время и вышестоящие суды (в первую очередь волостной) были связаны решениями местных традиционных судов.

§ 3. Религиозно-этические функции

Стабильность общинной организации во многом зависела от степени развитости внутри нее различных форм общения, социальных контактов и связей. В условиях разобщенности труда отдельных крестьянских семей на владеемых ими земельных участках важное значение приобретало общение в празднично-обрядовой сфере. Стабилизации общины, общинного коллективизма, корпоративных элементов в общинном сознании крестьянства служили, в частности, календарные обычаи и обряды¹⁰⁰.

Участие в выполнении обрядов дисциплинировало и сплачивало крестьян: в обрядах как элементах быта проявлялось этническое самосознание, и в этом смысле они играли роль этнического интегратора. Регулируя поведение людей в определенных повторяющихся ситуациях, обряды осуществляли функции социального контроля; передавая многовековой опыт поколений, выполняли функцию социальной памяти. Нельзя, наконец, не отметить и силу эмоционального воздействия обрядов, которые своей символикой, музыкальным и поэтическим оформлением не только придавали ритуалам эмоциональную окраску, но и направляли проявление чувств, настроений в определенное русло¹⁰¹.

Рассмотрим, как проявлялась религиозно-этическая функция общины в обрядах, обслуживавших одно из древнейших занятий удмуртов, — земледелие.

Очевидно, примитивные аграрные обряды в виде земледельческой магии появились едва ли не с зарождением земледелия, но развитые аграрные культы возникли, по-видимому, только тогда, когда оформился их социальный носитель — сельская община¹⁰².

¹⁰⁰ Миненко Н. А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986. С. 73—74.

¹⁰¹ Владыкин В. Е., Хрестолюбова Л. С. Новая жизнь древнего земледельческого обряда // Археология и этнография Удмуртии. Ижевск, 1975. Вып. 1. С. 27.

¹⁰² Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С. 387.

Аграрные обряды делились по циклам, связанным с периодами сельскохозяйственных работ, но в сущности все имели общий смысл и одну цель — в первую очередь обеспечить хороший урожай хлебов и других посевных культур, а также удачу во всех делах. Наиболее обрядовонасыщенными циклами были весенний и летне-осенний: весенние обряды сопровождали подготовку к полевым работам и посев хлебов, летне-осенние — охрану посевов, ожидание и сбор урожая. Цикличность в совершении обрядовых действий, родившаяся в древности, имела в своей основе глубокие знания (например, даты солнцеворота), опыт конкретной хозяйственной деятельности, включающий соотношение сезонных работ, согласованность отдельных этапов трудового процесса. Устойчивый трудовой ритм, определение цикла сельскохозяйственных работ были закреплены длительной традицией, находили идеологическое обоснование в крестьянском мировоззрении, контролировались общиной и семьей.

Различные исследователи по-разному определяли общее число земледельческих обрядов у удмуртов. Так, П. С. Паллас еще XVIII в. отмечал, что удмурты совершают общественные жертвоприношения на полях 4 раза в год: во время таяния снега, после весеннего сева, перед сенокосом и по окончании полевых работ¹⁰³. Г. Е. Верещагин перечислял 11 молений¹⁰⁴, в списке, приведенном Н. Первухиным, мы находим 14 молений из аграрного культа¹⁰⁵. По мнению В. Е. Владыкина, в целом у всех удмуртов, очевидно, было около 10 больших и малых молений, относившихся к земледельческим культам¹⁰⁶. Комплексное описание сезонных обрядов (в том числе аграрных) в рамках единого годового цикла можно найти в одной из последних работ В. Е. Владыкина и Т. Г. Перевозчиковой¹⁰⁷. Учитывая микрокосмический характер общин, мы можем сказать, что по количеству и локальной «окраске» аграрные моления в принципе могли быть довольно разнообразными и не всегда совпадают даже по времени проведения. Так, по словам Н. Г. Первухина, первым весенним праздником у глазовских уд-

¹⁰³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3. С. 30—36.

¹⁰⁴ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 34, 52.

¹⁰⁵ Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка // ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1156, л. 48 об.— 49.

¹⁰⁶ Владыкин В. Е. Аграрные культы удмуртов // Ежегодник этнографического музея. Таллинн, 1981. Вып. 32. С. 150.

¹⁰⁷ Владыкин В. Е., Перевозчикова Т. Г. Годовой обрядовый цикл удмуртской общины «бускель» (материалы к народному календарю) // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск, 1990. С. 44—96.

муртов был гуждор — «первые проталины»¹⁰⁸, а у сарапульских этот праздник являлся составной частью гырыны потона — выезда на пашню — и проводился на второй день общего празднования начала пахоты¹⁰⁹.

По определению С. А. Токарева, «по своему идейному содержанию земледельческая религия — это обычно культ божеств, так или иначе связанных с земледелием: культ покровителя плодородия, божеств грозы и дождя, земли и духов растительности»¹¹⁰. У удмуртов это выражалось в почитании Инмара (верховное божество), Куазя (божество погоды), Гудыри мумы (божество грома, грозы), Инву (божество небесной воды), Му-Кылдысина (божество земли), Ву-мурта (божество реки), Воршуда (покровитель рода и семьи), умерших предков¹¹¹.

Главным божеством, покровительствовавшим земледелию, был Му-Кылдысин, и именно ему чаще всего приносились жертвы при земледельческих обрядах. Образ Кылдысина представлял собой сложное образование, имевшее наслоения различных социально-исторических эпох, ко второй половине XIX в. наблюдалось уже слияние его с верховным божеством Инмаром и даже замена его, вытеснение последним.

Распорядительным органом в религиозных делах, постановления которого были обязательны для исполнения всеми общинами, придерживавшимися традиционных верований, являлся деревенский сход. На нем назначалось время моления, определялось, каким богам и какие следует принести жертвы. Здесь же назначались жрецы. По словам И. Васильева, «общество прежде всего выбирает кандидатов из более достойных людей, каковыми считаются люди набожные, кроткого нрава, соблюдающие приличия в одеянии. А затем уже мечут жребий». С помощью жеребьевок на сходе выбирались главные действующие лица моления, среди которых были жрец (восьясь), почетный распорядитель (тõро), куритель жертвы (тылась), закладели жертвенного животного (парчасьёс), прислужники или помощники (кодокъёс), котельщик (пурты нулдйсь)¹¹². В некоторых деревнях при выборе руководителей моления придерживались правила очередности, в отдельных случаях жреца выбирали по указанию туно (гадателя).

Служители аграрных культов избирались, как правило, только

¹⁰⁸ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1156, л. 48 об.

¹⁰⁹ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 37.

¹¹⁰ Токарев С. А. Указ. соч. С. 387.

¹¹¹ Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. С. 30.

¹¹² Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1906. С. 199, 187.

на время одного моления. Один из миссионеров Сарапульского уезда писал, что «жрецами при языческих молениях служат сами инородцы по выбору и очереди, после которых тотчас оканчивают свое жречество. Если не каждый домохозяин из инородцев, то большинство из них бывает жрецами»¹¹³.

Сельский сход определял также количество и вид жертвенных животных, после чего вычислял необходимую для их покупки сумму денег, которая раскладывалась на членов общины: «Смета на этот предмет на сходе составляется обыкновенно так: корова в среднем стоит 15 руб., пара гусей — 1 руб. 20 коп., пара уток — 60 коп., всего 16 руб. 80 коп. В жертвоприношении должны участвовать, например, 3 деревни, земельных душ в этих селениях — 566. Если собрать с души по 4 копейки, то в сумме наберется 22 руб. 64 коп. Излишек денег обычно хранится у жреца впредь до употребления на этот же счет. Если у кого не случится денег, берется ржаной мукой по 4 фунта с души, и мука эта продается. Сбор денег и муки поручается деревенским десятникам, излишек денег от проданной муки с них не требуется, а предоставляется им в виде вознаграждения за труды»¹¹⁴. Кроме десятников, сбором денег могли заниматься и особые выборные от общины. Деньги, собираемые до и во время жертвоприношения, шли исключительно на религиозные нужды. Их употребляли для покрытия расходов на ремонт куалы (культовое здание, в котором проводились моления), на покупку необходимых предметов и жертвенных животных.

Так как не всегда представлялась возможность купить жертвенных животных необходимой масти в своей же деревне, община отправляла выборных в соседние селения, при этом «покупать разрешается хоть у кого, у татар или у русских, цену платят всегда хорошую, даже иногда превышая стоимость»¹¹⁵.

Культовый фонд общины складывался не только из денежных и других пожертвований, но и из поступлений некультового характера. Например, в некоторых обществах существовала практика сдачи общественных лугов, лесов и общественных заведений в аренду, чтобы вырученные деньги или часть их внести в фонд подготовки молений. Иногда в культовый фонд поступали и деньги, взыскиваемые с общинников в виде штрафа за ту или иную провинность.

Ход удмуртских жертвоприношений был довольно прост, но тем не менее необходимо было соблюдение определенных ритуа-

¹¹³ ГАКО, ф. 811, оп. 1, д. 656, л. 3 об.

¹¹⁴ Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 98—99.

¹¹⁵ Васильев И. Указ. соч. С. 201.

лов, выработанных многолетней традицией; к ним относились «подготовительные действия, освящение жертвенного животного, заклатие его, моление, поклонение, курение (сжигание) жертвы, ядение и раздавание частиц»¹¹⁶. Специально написанных текстов молитв на молениях у удмуртов не было, поэтому содержание их зависело почти целиком от способности вбоясь к импровизации: «каждый жрец сам сочиняет молитвы, поэтому-то случается услышать вотскую молитву и не особенно складную, случается услышать и прекрасную»¹¹⁷. Импровизация молитв имела некоторые каноны своего построения: в начале шло обязательное обращение к божеству, которому предназначалась жертва, затем следовали многочисленные просьбы о ниспослании урожая и т. п. Заканчивалась молитва снова обращением к божеству. Приведем пример одной из удмуртских молитв: «Господи, благослови! Чтобы от одного зерна было 77 колосьев, чтобы солома делилась на 7 составов и была бы толста, как камыш. Дай, Господи, чтобы зерно было велико, как куриное яйцо. Когда будем жать хлеб, между снопами стояли бы снопы, между грудями — груды, а когда будем класть скирды, то были бы они велики, как городские избы. Во время молоченья из трех снопов вышел бы овин. Мы будем веять деревянную лопатую, пусть падает серебряное зерно. Когда будем сыпать хлеб, пусть сусеки будут полны хлебом так, что нужно было бы их обкладывать лубьем. Великому государю пособи, Господи, исправно подать заплатить. На стол поставленное угощенье было бы достаточно для всех: и для званных, и для незванных гостей. Были бы мы довольны хлебом-житом, скотиной-животом, пили, ели бы с гостями и соседями и самый хлеб был бы сытный и спорный...»¹¹⁸

Главными авторитетами в религиозно-нравственной и обрядовой традиции были старики. Именно они строго следили за тем, чтобы во время молений общинниками выполнялся ряд правил, а точнее запретов. Так, предписывалось «женщинам без головных уборов на жертвоприношения не приходить; женщинам не колоть животных и не заниматься стряпней по варке жертвы; в шалаше куа ни женщинам, ни девушкам перед ящиком воршуд-куды взад и вперед не переходить; жертвы Кереметю и прочим духам и богам, усвоенным от других народностей, женскому полу не есть; где позволено присутствовать женскому полу, туда ходить они должны в чистой одежде; в день жертвоприношений никакими ра-

¹¹⁶ Васильев И. С. Указ. соч. С. 186—187.

¹¹⁷ Харузина В. Н. Указ. соч. С. 35.

¹¹⁸ Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб., 1889. С. 74.

ботами не заниматься, а соблюдать совершенный покой; мужчинам, особенно жрецам, на жертвоприношении быть в белых пониках и лаптях; опоясаться ремнями; жрецам быть в шапках и иметь в руках древесные ветви; в жертву божествам, кроме Чера (божество болезней.— Г Н.), и душам умерших приносить не ез жалого коня, а жеребенка»¹¹⁹.

Религиозно-нравственная функция общины, выступавшая обычно в органической связи с функцией воспроизводства традиций, прослеживается также в ее запретных и ограничительных установлениях, касавшихся определенных дней. Так, во время цветения хлебов удмуртские общины соблюдали ряд запретов, нарушение которых, по мнению верующих удмуртов, могло вызвать неурожай. В первую очередь запрещались всякие работы, связанные с повреждением поверхности земли, так как земля считалась беременной. В этот период, продолжавшийся около 10 дней, нельзя было копать, рубить дрова, возводить постройки, косить, стучать, полоскать белье в реке. Не разрешалось одеваться в пеструю или цветную одежду, иначе, мол, на поле будет такая же пестрота. Выполнение этих запретов было обязательным для всех, община строго следила, чтобы не было нарушений. Несоблюдавших эти обряды наказывали; так, у женщины, осмелившейся полоскать белье в реке, могли белье уничтожить, саму ее ожидал гнев односельчан. По данным полевых материалов, провинившуюся женщину старики могли даже облить дегтем¹²⁰.

В религиозно-этических нормах удмуртов огромное значение придавалось началу основных сельскохозяйственных работ. Правильное поведение при зачине должно было, по мнению крестьян, предотвратить возможные неприятности и стихийные бедствия. «Большинство факторов, от которых зависел успех сельскохозяйственной деятельности, касалось не отдельного хозяина, а всего селения, полей общины в целом. Отсюда возникало стремление оградиться от стихийных бедствий и других невзгод не только каждому в отдельности, но и всем миром вместе. Ведь неправильное поведение отдельного общинника могло вызвать неблагоприятные последствия, которые сказались бы на всех»¹²¹. Наличие религиозно-этического элемента среди многообразных функций соседской общины особенно четко проявлялось в связи с началом определенного цикла сельскохозяйственных работ. Например, пе-

¹¹⁹ Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков. С. 35

¹²⁰ РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 175, л. 33.

¹²¹ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 77—78.

ред первым весенним выходом на поле общинная сходка выбирала специального человека — шудо (счастливца), «который несколько лет подряд признавался счастливым во всех своих предприятиях. Этот шудо выезжает первым на пашню до тех пор, пока не случится какого-либо несчастья с хлебами или не окажется тяжелым какой-либо акт земледельческих работ — посев, жатва и т. п. В противном случае его смещают, выбирают другого»¹²². Такого человека сход выбирал и на начало жатвы, его называли капчи ки (легкая рука).

Сохранение преемственности, верности традициям, заветам дедов и отцов четко прослеживалось и в отношении к местам проведения удмуртских общественных молений — лесам, полям, к культовым зданиям. Места эти находились в потаенных уголках и обязательно окружались хотя бы небольшой рощицей, которые свято почитались, в них «ни один вотяк не решится срубить дерева, всей деревней их чистят и держат опрятно»¹²³. По словам Г. Е. Верещагина, «во всех священных местах воспрещается срубить какое бы то ни было дерево под опасением жестокой кары обитающих в них духов или богов. Даже русские, вращающиеся среди и около инородцев, не позволяют себе ни срубить дерево, ни глумиться над священным местом инородцев»¹²⁴.

Расположение и количество отведенных под аграрные моления мест зависело от разных причин: системы земледелия, которой придерживалось население каждой конкретной деревни, степени сохранности реликтов родовых отношений внутри общины и т. д. Так, в деревне Ляльшур Сарапульского уезда места напольных молений бусы вбсь — располагались в озимом, яровом и паровом полях: «в каждом поле обитает особый дух — покровитель» (рис. 1).

В «Луд кенере» проводились скрытые моления, участниками которых, как правило, были лица мужского пола преклонного возраста. Наличие двух капищ «Быдзым куа» объяснялось тем, что «жители названной деревни считали себя потомками двух родоначальников, называемых Бöня и Пупъя, которые при исполнении своих религиозных обрядов стояли с ветвями различных деревьев, именно — один держал в руках березовую ветку, а другой — пихтовую... Если же жители одной деревни свой род считают, например, от трех родоначальников, то и капищ должно быть три»¹²⁵. В конце XIX в. такое четкое распределение жертвенных шалашей

¹²² ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1156, л. 127 об.

¹²³ Харузина В. Н. Указ. соч. С. 25.

¹²⁴ Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков. С. 15.

¹²⁵ Там же. С. 262, 264—265.

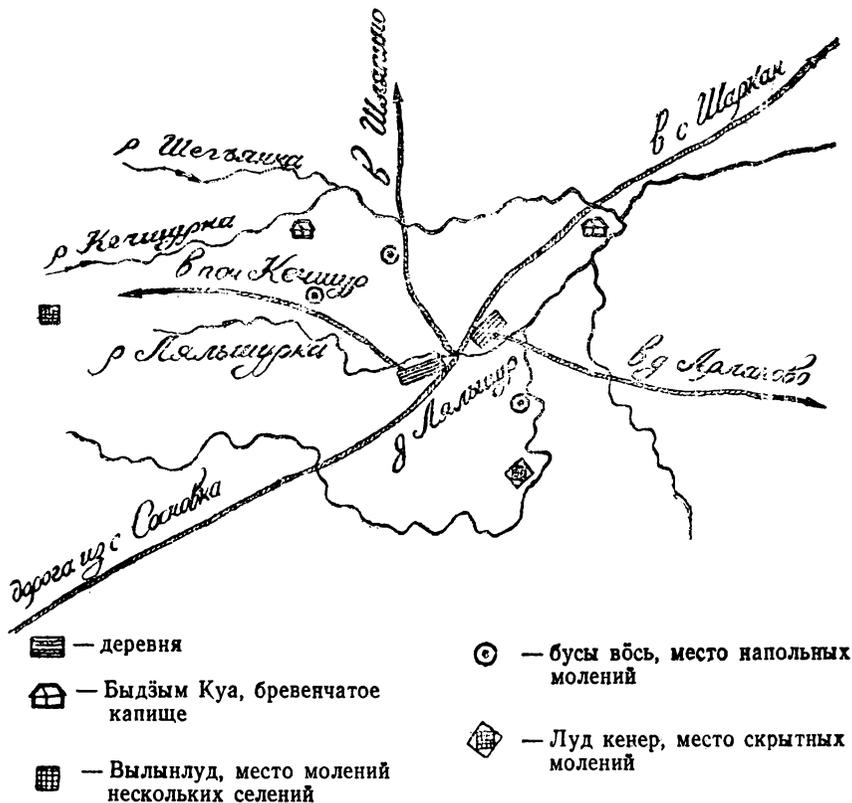

Рис. 1. Места общественных молений удмуртов д. Ляльшур *

по «родам» наблюдалось уже далеко не везде, случалось, что в деревне имелась только одна Большая куала и все молились в ней.

Нужно отметить, что общественные земледельческие моления с жертвоприношениями в куалах проводились относительно редко, традиционными местами совершения аграрных ритуалов являлись бусы вѳсь. Н. Первухин считал, что жертвоприношения в куалах, соединенные с молитвами Воршудам, «в древности совершались лишь тогда, когда в самый день торжества не происходило заклания быка или других жертвенных животных и птиц в поле»¹²⁶.

Вѳсяси в Большой куале (Быдзым куала утись — хранитель

* Рисунок из книги Верещагина Г. Е. «Остатки язычества у вотяков». С. 262.

¹²⁶ Первухин Н. Г. Указ. соч. С. 30.

большого шалаша) и в Луде (Луд утись — хранитель священной роши), в отличие от жрецов аграрных культов, свои функции выполняли в течение ряда лет, и выбирал их туно (гадатель), причем существовал специальный обряд выбора вöсяся¹²⁷.

Жрецы Большой Куалы и Луда пользовались значительным авторитетом в удмуртской деревне, они представляли собой как бы живое воплощение традиции, являлись блюстителями обычая, хранителями эталонов поведения. Их власть часто распространялась не только на духовную жизнь крестьян, но находила преломление и в обыденном быту: к ним обращались за советом по семейным, хозяйственным и прочим вопросам, они были в курсе всех дел в общине и активно вмешивались в них. Слово вöсяся часто было решающим и в кенеше¹²⁸.

Активным способом реализации соседской общиной функций хранения, передачи и развития традиций было совместное проведение ритуалов аграрных культов группой соседствующих и тесно связанных хозяйственной деятельностью и постоянным общением селений. Миссионер Малмыжского уезда Ф. Трифонов в рапорте в Вятский комитет православного миссионерского общества в 1872 г. писал: «Малмыжский 1-й гильдии купец М. Усов сказывал, что у него в купленной лесной даче в Елабужском уезде имеется у тамошних крещеных вотяков Кереметище, и за дозволение молиться в своей даче купцу Усову вотяки обществом своим платят 10 рублей в год, в этом Кереметище крещеные вотяки при многочисленном собрании народа из разных деревень исправляют každогодно идолопоклонство»¹²⁹. В 1870 г. житель села Александровского Елабужского уезда В. Митрофанов на вопросы судебного следователя о языческих молениях дал следующие показания: «Как он, так и другие крещеные вотяки, молятся по языческому обряду с приношением в жертву животных и птиц, а в особенных случаях и жеребят, моление совершается частное и общее близ села Александровского. Частное совершается одним селением в поле, а общее в лесу, и на общее моление собираются из четырех соседних селений, которое продолжается дня по 2—3, ворожцев или коноводов он вблизи никого не знает; а общее моление совершается по предварительному между собою совещанию и съезжаются на оное в назначенное время, всегда около праздника Троицы»¹³⁰. Односельчанин Митрофанова Л. Афанасьев по-

¹²⁷ Васильев И. Указ. соч. С. 31; См. также: Елабужский М. Моления некрещеных вотяков // ВЕВ, 1896. № 15. С. 622—623.

¹²⁸ ГАКО, ф. 811, оп. 1, д. 175, л. 3—3 об.

¹²⁹ Там же. Д 36, л. 8—8 об.

¹³⁰ ГАКО, ф. 237, оп. 1, д. 500, л. 3.

казал, что в «которые годы собирается и с 10 деревень на моление, в иные и менее, жеребят молят, но не всегда, должность жреца или попа на мольбищах исправляют по жребию»¹³¹. Крестьянин деревни Абдэс-Урдэс Елабужского уезда А. Федотов рассказывал, что «кроме частных богомолий собираются ежегодно в числе 6 селений в луга или при селе Пужи Учи, моление продолжается до трех дней, народу собирается на моление обоего пола с молодыми до 500 человек»¹³².

Кроме регулярных аграрных молений, у удмуртов существовали обряды, которые проводились при каких-либо чрезвычайных обстоятельствах, например, при засухе. На такие моления назначалась особая жертва, для определения которой в деревню специально приглашали ворожца. Назначенное в жертву животное покупали за любую цену, не торгуясь, иначе събылк, т. е. грех¹³³.

Отдельные элементы аграрных культов могли выполняться различными внутриобщинными группами — семьями, патрионимиями, объединениями по полу, возрасту. Так, во время акаяшки * каждая семья в праздничной одежде шла на яровое поле, там глава семьи вспахивал небольшой участок и начинал его засеивать. В лукошко вместе с зерном клали вареные яйца, выкрашенные в желтый цвет, сеятель разбрасывал их по полосе, чтобы «каждое зерно уродилось величиной с яйцо» (имитативная магия, кроме того, яйца здесь выступали как символ плодородия). После небольшого жертвоприношения приступали к праздничной трапезе, а затем все семьи сходились в одно определенное место и начинали угощать друг друга. Дети устраивали особую игру — катание по борозде яиц; организовывались скачки на лошадях, считалось, что тот, чья лошадь придет первой, окончит весеннюю пахоту первым. На второй день акаяшки проводился обряд, в котором четко прослеживались элементы почитания лошади: ее заводили в избу, угощали сбитыми яйцами, потчевали кумышкой, обращались к ней как к очень уважаемому человеку. Это и понятно, ведь лошадь была одним из главных «действующих лиц» при весенних полевых работах, в большей степени именно от лошади

* Акаяшка — праздник сохи и плуга. Он был известен всем народам Поволжья, это ага пайрам (праздник сохи) у марийцев, у мордвы — кереть озкс (моление плуга), акаутуй (праздник сохи) у чуваш, у татар и башкир — сабантуй (праздник плуга). У удмуртов это моление называлось ага яшка или акаяшка (наиболее распространенное название) или геры поттон (вывоз плуга).

¹³¹ ГАКО, ф. 237, оп. 1, л. 500, л. 5 об.

¹³² Там же. Л. 34.

¹³³ Владыкин В. Е. К вопросу о дохристианских верованиях удмуртов // Записки УдНИИ Ижевск, 1970. Вып. 22. С. 155.

зависело, насколько быстро и хорошо управится крестьянин с севом, какой получит урожай. В целях обеспечения земли достаточным количеством влаги девушки поливали засеянные участки водой, чтобы летом не было засухи; иногда обрызгивали и всех присутствующих. Люди верили, что если в день посева в земле будет достаточно влаги, то ее будет достаточно и все лето¹³⁴. Таким образом, в обряде акаешка происходило тесное переплетение общинного и семейного начал, забота о будущем урожае проявлялась как со стороны всей общины в целом, так и со стороны каждой крестьянской семьи.

В молениях осеннего цикла, когда нужно было благодарить богов за урожай, семейное начало выступало более четко, ряд благодарственных жертвоприношений проводился только силами семейных коллективов. Например, каждая семья отдельно отмечала окончание жатвы. Называлось это йыбырсон (поклон). Обычно в этот день ходили на поле с праздничными кушаньями, с хлебом, блинами, кумышкой. В поле разжигали костер, варили кашу, в молитве домохозяин благодарил богов за урожай и за то, что они помогали людям в полевых работах.

По окончании всех земледельческих работ удмурты пекли из овсяной муки нового урожая табани (лепешки) и варили кашу. Этот обряд назывался виль (новый, новина) или виль жук (новая каша) и проводился тоже силами отдельных семей. Во время обряда иногда приносили в жертву барана или петуха, молились при этом в семейной куале. До этого моления нельзя было есть новый хлеб, это своего рода «жертва первинок», т. е. в основе своей не что иное, как обрядовое снятие табу¹³⁵.

В целом историческая тенденция института аграрных обычаев и обрядов заключалась в том, что его эволюция шла от широких общественных форм к узким домашним, от общины к семье. Этот процесс обуславливался как парцелляцией семейно-родственных коллективов, так и социальным расслоением общины. Зажиточные крестьяне стремились, как правило, вырваться из мешавших им общинных традиций, а беднейшие слои, наоборот, поддерживали эти традиции в целях самозащиты либо для имитации общинного единства, при котором подразумевалась всеобщая взаимопомощь¹³⁶. Что касается удмуртского крестьянства второй половины XIX в., земледельческая обрядность в его жизни продолжала

¹³⁴ Владыкин В. Е. Аграрные культы удмуртов. С. 151—152.

¹³⁵ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1964. С. 171.

¹³⁶ Токарев С. А. Община и семья // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 199—200.

играть значительную роль, и в основных своих формах и элементах разворачивалась в рамках общины, на ее глазах, подчинялась определенной последовательности и неформальному контролю мира.

В архивных документах встречаются довольно любопытные данные об отношении удмуртских общин к христианству. Несмотря на то, что уже к началу XIX в. подавляющее большинство удмуртов официально считалось христианами, православие ими по-настоящему так и не было понято, а язычество не было вытеснено из сознания. Таким образом, религиозная жизнь удмуртов и в пореформенный период характеризовалась причудливым синкретизмом дохристианских и христианских верований и обрядов. Часто удмурт, стараясь угодить и властям, которые требовали соблюдения христианских обычаев, и не забыть свою всру, освященную тысячелетней традицией предков, молился и христианскому Богу, и своим божествам и духам, старался как-то слить их в единое. Не удивительно поэтому, что Нюлэс-мурт (леший) имел черты Николая-угодника, а Инмар — Иисуса Христа. Влияние христианства сказалось и на молитвенном ритуале удмуртов, часто в куале рядом с воршудной коробкой стояли иконы. На аграрные моления обычно приглашался священник; он во время акаяшки, например, кропил святой водой посевы и затем уезжал, а удмурты продолжали моление по-своему¹³⁷. Иногда священнику дарили шкуру жертвенного животного, угощали его. По словам М. Харузина, «все обычаи свято соблюдаются и крещеными вотяками. Разница только в том, что крещеные, прежде чем отправиться на моление, просят попа отслужить торжественный молебен и даже поднимают иконы»¹³⁸. Об этом же читаем в одном из архивных документов: «Припав в свои дома или на свои поля святую икону и помолившись богу истинному, некоторые из инородцев, следуя преданиям старины, после провод икон и священника, собираются в лес и приносят жертву»¹³⁹.

Православная церковь с помощью властей активно наступала на остатки язычества, но достигала успеха далеко не всегда. Даже среди северных удмуртов, более связанных с русскими соседями, дохристианские представления были живы и глубоки. Миссионер Глазовского уезда И. Стефанов в 1865 г. писал: «Нынешние национальные праздники состоят в одном гостеприимстве, а прежнее, языческое, знание уже утрачено, в разных местах даже давно.

¹³⁷ РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 174, л. 20.

¹³⁸ Харузин М. Указ. соч. С. 260.

¹³⁹ ГАКО, ф. 237 оп. 181, д. 136, л. 4 об.— 5 об.

Языческие молельни и мольбища закрыты, воршуды и кумиры окончательно уничтожены»¹⁴⁰. Но, по-видимому, миссионер выдавал желаемое за реальное, так как М. Фармаковский, тоже миссионер Глазовского уезда, спустя 12 лет, сообщал: «Инородцы не все еще свободны от верований, унаследованных ими от предков своих и по местам исполняют языческую обрядность... Почитая наравне с русскими праздники Рождество Христово, Новый год, Крещение и в особенности Пасху, некоторые из них исправляют и языческие празднества — акаяшку, гербер, почи гербер, выль джук, курбон»¹⁴¹. Что же касается южных удмуртов, то они своих языческих обрядов придерживались даже в большей степени, чем северные. Недаром миссионер Елабужского уезда И. Семакин писал: «Не выродившееся язычество составляет большое несчастье для инородцев-новокрещен Елабужского уезда, затрудняет духовенство в успехе просвещения инородцев»¹⁴². Елабужский уездный исправник в своем письме в Вятский губернский статистический комитет сообщал, что удмурты «в церковь ходят редко, бывают случаи, что в день какого-либо православного праздника вотяков приглашают отправиться в церковь через деревенского выборного. Некоторые при этом отзываются, что ему не черед, а черед другому, такому-то, говеют они также редко, и к исповеди, и к святому причастию ходят не все, а стараются выбрать из среды своей несколько человек представителей, которые должны исполнить этот обряд за всю деревню»¹⁴³. Приверженность языческой вере порой приводила к тому, что «однодеревенские жители даже разделяются на две партии, не сочувствующие одна другой, хотя явно и не враждующие, однако несогласных участвовать в жертвоприношениях, старики иронически называют виль дзюцьёс, т. е. новые русаки, слова не ругательные, но служат выражением презрения и даже ненависти»¹⁴⁴.

По словам крестьянина из Шарканской волости, «когда он решил оставить прежние языческие обычаи и не стал ходить на общественные жертвоприношения, односельцы несколько раз нанесли ему побои, даже жестокие, так что в одно время его едва не отправили на тот свет»¹⁴⁵.

Среди дел Вятской духовной консистории хранится большое

¹⁴⁰ ГАКО, ф. 237, оп. 168, д. 70, л. 21 об.

¹⁴¹ Там же. Оп. 181, д. 136, л. 6.

¹⁴² Там же. Оп. 168, д. 70, л. 46 об.

¹⁴³ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1065, л. 13.

¹⁴⁴ Там же, ф. 811, оп. 1, д. 551, л. 2 об.

¹⁴⁵ Верещагин Г. Е. Вотяки и их произведения устной словесности // Памятная книжка Вятской губернии на 1911 год. Вятка, 1910. С. 45.

количество документов о проведении удмуртами языческих моле-ний, несмотря на все усилия миссионеров «направить их в лоно православия». Так, один из миссионеров Глазовского уезда в 1865 г. сообщал, что «вотяки починка Старого Кепа в виду его под открытым небом в озимом поле совершали моление и жертвоприношение»¹⁴⁶. Крестьянин села Новотроицкого Елабужского уезда на вопросы следователя о языческих молениях рассказывал: «Как он, так и все близ живущие вотяки придерживаются языческих обыкновений — ходят в большой шалаш перед начатием праздников, ежегодно в весеннее время собираются с нескольких деревень в село Новотроицкое в лесочек, а среди лета в деревню Писееву, где и молятся по языческому обряду, заколов в жертву разного рода птиц, животных и жеребят, и празднуют на сих местах по 2 и до 5 дней»¹⁴⁷. Священник села Мултан Малмыжского уезда И. Шубин «с прискорбием» сообщал в Вятскую духовную консисторию, что «новокрещенные вотяки деревни Ураскозь Можги в количестве 33 человек участвовали в постройке шалаша для богомолья по языческому обряду»¹⁴⁸.

Изученный фактический материал позволяет охарактеризовать общину — бускель — не только как хозяйственный и социальный институт непосредственных сельскохозяйственных производителей, она была и религиозной общностью, субъектом аграрных культов. Хранителем общинных традиций календарного цикла был старший возрастной слой — старики и старухи, а основным носителем — сама община, т. е. взрослые женатые ее члены. Они больше всех работали, от них же зависело и воспроизводство общины. Старики и молодежь составляли как бы периферию этого ядра общинников¹⁴⁹.

Порожденные некогда самим общинным укладом жизни, сельскохозяйственные обряды и обычаи продолжали функционировать, как показала историческая практика, даже после его распада.

¹⁴⁶ ГАКО, ф. 237, оп. 168, д. 70, л. 14 об.— 15.

¹⁴⁷ ГАКО, ф. 237, оп. 173, д. 500, л. 24.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 168, д. 229, л. 1—2.

¹⁴⁹ Токарев С. А. Община и семья. С. 197.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное на конкретном историко-этнографическом материале исследование позволяет охарактеризовать удмуртскую общину — бускель — второй половины XIX в. как саморегулируемый социальный организм. Ее жизнеспособность после отмены крепостного права поддерживали отнюдь не правительственные законоположения, она, как и русская земледельческая община, сохранила себя как социум, как природно-хозяйственный комплекс прежде всего потому, что в ней и через нее удовлетворялась естественная потребность крестьян в трудовой и социальной кооперации. Это была социальная микрогруппа, обладавшая свойством самодостаточного развития, сфера непосредственного включения индивида в общество, среда контактного обмена информацией.

Удмуртская сельская община периода капитализма не выходила за типические рамки социально-экономического бытия обычного соседского земледельческого союза: она, как и русская община, соединяла в себе коллективное землевладение на одни угодья и индивидуальное — на другие; обычное право и официальное законодательство; хозяйства беднейших, мелких крестьян и зажиточных общинников; выступала как орудие правительства для выколачивания повинностей и в то же время как демократическая организация крестьян с элементами самоуправления; хранительница традиций ксности и одновременно как этностабилизирующий организм, обеспечивающий жизнеспособность общества. Крестьянский мир столетиями защищал, спасал и воспитывал крестьянина, но этот же мир, придерживаясь жизненного принципа «как все», вынуждал своих членов многое терпеть, не переступать рамок общинного сознания, общинной системы хозяйствования.

Рассмотренный материал позволяет говорить еще о достаточной устойчивости и крепости внутриобщинных связей и отношений в удмуртской деревне пореформенного времени. Порядки землепользования (особенно уравнительные передель), общественно-управленческая, обычно-правовая, религиозно-этическая и другие функции общинного союза придавали крестьянскому хозяйству

более стабильный характер, способствовали его воспроизводству, поддерживали веру крестьян в силу и надежность мира.

Однако даже в удмуртском обществе с его более слабым социально-классовым расслоением вера крестьян в общину была уже неадекватна потенциам самой общины. Удмуртский бускель переживал общий процесс трансформации под воздействием развивавшегося капитализма: происходила структурная перестройка сложных многодеревенских общин, разрушалась этническая замкнутость миров, менял свой характер главный руководящий орган общины — сельский сход, процесс внутренних изменений претерпевала основная структурообразующая компонента общины — семья, в целом обострялась борьба двух начал — общинного и частнособственнического. В итоге община уже не ставила перед собой каких-либо новых общественных задач, а лишь «боролась» за свое существование, проявляя при этом в повседневной практике гибкость и приспособляемость к социальной динамике рассматриваемого периода.

Эволюция удмуртской общины в послепореформенный период (вплоть до 1930-х гг., когда в ходе проведения коллективизации сельского хозяйства она была разрушена) — тема следующих научных изысканий, но уже сегодня с уверенностью можно сказать, что сельский земледельческий союз оставил нынешнему поколению удмуртских земледельцев многовековой альтернативный опыт природопользования, построения социальных отношений и организации общественного самоуправления, опыт межнационального общения, деревенского общежития. В настоящее время в деревне появляются фермерские (крестьянские) хозяйства, арендаторы, продолжают существовать крупные сельскохозяйственные артели, которые доказали свое право на существование благодаря достигнутому высоким экономическим показателям. Становление новых, альтернативных организационно-хозяйственных формирований ставит на повестку дня вопрос о новой системе обслуживания крестьянских хозяйств, основанной на принципах добровольного кооперирования, на самоорганизации и самоуправлении. В сложной системе сосуществующих или взаимопроникающих союзов и ассоциаций найдется возможность и для использования положительного опыта сельских общин без его противопоставления семейным фермерским хозяйствам. Жители деревень будут членами крестьянских хозяйств и различных производственных кооперативов, координирующих свои усилия для выполнения многих производственных функций, как то: материально-техническое обеспечение, ремонт оборудования и сооружений, реализация готовой продукции, выбор специалистов для получения квалифицированных консультаций по технологическим, финансово-эко-

номическим, юридическим и другим вопросам и т. д. Помимо этого, члены фермерских хозяйств, малых сельхозартелей, арендаторы могут объединяться в сельские, деревенские общества для совместного решения многих вопросов непроизводственного характера, связанных с организацией досуга, духовной жизни, социально-психологических, нравственных отношений. Свободный выбор организационных форм хозяйствования на земле позволит снять оковы с развития деревни, сделает труд на селе более плодотворным, а жизнь более полнокровной и интересной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКД — автореферат кандидатской диссертации
ВГВ — Вятские губернские ведомости
ВЕВ — Вятские епархиальные ведомости
ВУАК — Вятская ученая архивная комиссия
ГАКО — Государственный архив Кировской области
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории, этнографии
МСВГ — Материалы по статистике Вятской губернии
НОИВК — Научное общество по изучению Вотского края
РГО — Русское географическое общество
РФ — Рукописный фонд
СПС — Статистика поземельной собственности
СЭ — Советская этнография
УдНИИ — Удмуртский научно-исследовательский институт
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук.
УРКМ — Удмуртский республиканский краеведческий музей
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГА УАССР — Центральный государственный архив Удмуртской АССР
ЭО — Этнографическое обозрение
ЭЭ — этнографическая экспедиция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. Структура общины</i>	13
§ 1. Поселенная организация	13
§ 2. Этнический состав; характер взаимоотношений в этнически неоднородных общинах	23
§ 3. Семейно-родственная структура	38
§ 4. Общественное самоуправление. Проблема кенеша в удмуртской историографии	49
<i>Глава II. Поземельно-хозяйственные функции удмуртской общины</i>	69
§ 1. Уравнительно-передельное землепользование	69
§ 2. Платежи и повинности	92
§ 3. Крестьянская взаимопомощь	99
<i>Глава III. Социально-бытовые функции общины</i>	112
§ 1. Регламентация семейной жизни	112
§ 2. Мирской суд	128
§ 3. Религиозно-этические функции	140
Заключение	154
Список сокращений	157

Печатается по решению ученого совета
УИИЯЛ УрО РАН

Никитина Галина Аркадьевна

**СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА — БУСКЕЛЬ — В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
(1861—1990 гг.)**

Монография

Редактор *Н. В. Глотова*

Технический редактор *В. Ф. Песоцкая*

Слано в набор 26.10.92. Подписано в печать 24.03.93. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага тетрадная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,3.
Усл. кр.-отт. 9,3. Уч.-изд. л. 10,15. Тираж 500 экз. Заказ № 0179. «С» № 4.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.
426004 Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Ижевская Республиканская типография Государственного комитета Удмуртской
Республики по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 4260057
Ижевск, ул. Пастухова, 13.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

научно-популярная книга *Л. С. Христолюбовой* на удмуртском языке **«Калык сямъёсты чакласа»**. В ней рассказывается о традиционном укладе жизни удмуртского народа, его мировосприятии, отношении к окружающей природе, занятиях, обрядах и праздниках, связанных с земледелием; о семье, семейных обрядах и обычаях; поднимаются проблемы современного этнокультурного развития удмуртского народа.